

Сон Хёнгён

Потомки Солнца

Признание Сичжина

태양의 후예

Annotation

Когда Ю Сичжин и Кан Моён впервые увидели друг друга, они и представить себе не могли, что уже связаны судьбой. Он – капитан войск специального назначения, она – талантливый врач, проводящая в операционной каждый день. И казалось, что за романтичным расставанием на крыше больницы, откуда Сичжина забрал военный вертолёт, последует продолжение. Но отношения не сложились...

Новая встреча ждала их в Уруке, куда был направлен отряд Ю Сичжина. Сюда же прибывает группа медицинских волонтёров из больницы «Хесон», среди которых оказывается и доктор Кан. В этой жаркой стране им придётся пережить множество опасностей, переосмыслить свою жизнь и, возможно, открыть друг другу сердца...

- [Сон Хёнгён](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Глава 2](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- 8
- 9
- Глава 3
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
- Глава 4
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
- Глава 5
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
- Глава 6
 - 1
 - 2

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Глава 7](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Глава 8](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Сон Хёнгён

Потомки солнца. Признание Сичжина

*На основе
сценария Ким
Ынсук и Ким
Вонсока*

*Мне вас так
не хватало...*

*Что бы я ни
делал, я продолжал
думать о вас.*

*Я изнурял себя
тренировками,
напивался,*

*перепробовал
все... Но я не смог
вас забыть.*

태양의 후예: 소설

THE DESCENDANTS OF THE SUN. NOVEL
Original Korean edition published by
Wisdomhouse Mediagroup Inc.

태양의 후예: 소설

(THE DESCENDANTS OF THE SUN; Novel)

Copyright © 2016 by Hyun Kyoung Son

This Product is made by Wisdomhouse
Mediagroup Inc. and is licensed by NEW.

© Descendants of the Sun SPC.

All rights reserved

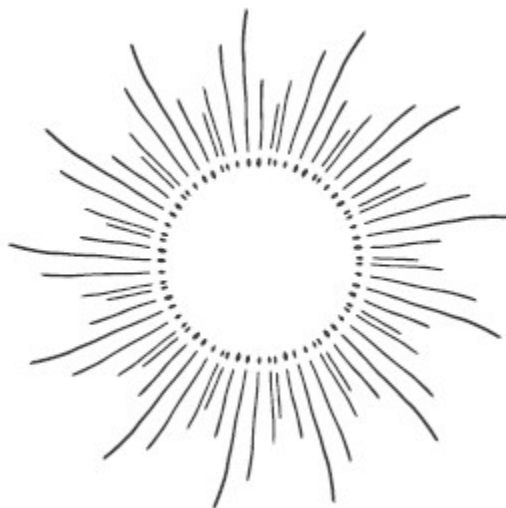
Original Korean edition published
by Wisdomhouse Mediagroup Inc.

Russian language copyright

© 2019 by AST Publishing group
Russian language edition arranged
with Wisdomhouse Mediagroup Inc.

태양의 후예

Пролог

Рассекая воздух с рокотом и свистом, самолет пошел на посадку. Приземлившись, он мягко покатыл по полосе. Моён взглянула в иллюминатор, но отразившийся от стекла солнечный луч заставил ее зажмуриться. Прикрывшись рукой от солнца, она смотрела на протянувшуюся в бесконечность посадочную дорожку. Далеко-далеко впереди земля сливалась с небом.

По радио из кабины пилотов сообщили местное время в Албании. Невероятно долго скользивший по полосе самолет наконец остановился. Отстегнув ремень безопасности, Моён пригладила и собрала в тугий узел рассыпавшиеся по плечам волосы. Она чувствовала себя так, словно только что очнулась после долгого сна.

Путь из аэропорта Инчхон в Албанию с пересадкой в Абу-Даби занял два дня. Все это время Моён провела в бездействии. Она не смотрела фильмы и не читала, как поступали другие пассажиры, не пыталась скоротать дорогу при помощи снотворного. Она просто сидела, расслабившись так, что не чувствовала веса собственного тела, пересекая пространство и время подобно космонавту в состоянии невесомости. Она не стремилась сосредоточиться на чем-то одном, но и не заставляла себя ни о чем не думать. Если в голову приходила

какая-то мысль, Моён следовала за ней; если всплывало какое-то воспоминание, Моён думала о прошлом. Это была ее первая передышка с тех пор, как она потеряла Сичжина.

После того как откуда-то с края света пришло его прощальное письмо, Моён не давала себе ни минуты отдыха, непрерывно кочуя между больницей и телестудией. Плотный график операций и телезаписей лишил ее досуга. Она взвалила на себя почти всю работу в отделении неотложной помощи, чтобы не оставалось времени на слезы. Моён очень старалась не думать о Сичжине. Ей казалось, стоит поддаться один раз, и она рассыплется на куски. Поэтому Моён подавляла отчаяние, пряча его глубоко в сердце. Доктор Пхё, с трудом выносившая все это, в конце концов накричала на Моён, сердито хлопая подругу по спине и требуя выплакаться. Но в итоге расплакалась сама, тогда как Моён не проронила ни слезинки. Порой грусть все-таки захватывала ее, с этим ничего нельзя было поделать. В такие минуты Моён с силой вдыхала воздух, вытирала непрошеную слезу, катящуюся по щеке, и заставляла себя улыбаться.

Так прошел год без Сичжина. Выдержала ли она потому, что не давала себе горевать? Воспоминания о романе лежали грузом на ее сердце, тревожа подобно нерешенной задаче. Выходило, что Моён не смогла выполнить последнюю просьбу Сичжина – поскорее его забыть. Их любовь, мучительно краткая и пугающе яркая, успела стать смыслом ее жизни.

Наступила годовщина смерти Сичжина. Страна, которой он отдал свою жизнь, забыла о нем раньше, чем одно время года сменилось другим, но Моён забыть не могла. В ее памяти Сичжин оставался живым; до конца она так и не приняла случившееся.

Несколько дней назад, увидев у Чхихуна буклет о наборе медицинских волонтеров в лагерь беженцев в Албании, Моён без долгих раздумий взяла отпуск, чтобы принять участие в волонтерском проекте. Казалось, ее подтолкнула невидимая рука. Душу заполнила безрассудная надежда, что на Балканах, возможно, она узнает что-нибудь о возлюбленном.

Забрав сумку с багажной ленты, Моён вышла из аэропорта. Медики, приехавшие трудиться в лагере беженцев, ждали автобуса, сбившись в плотную группу. Несколько человек приветственно помахали рукой. Это были люди, которых Моён встретила, когда

работала в Уруке^[1]. Широко улыбнувшись, Моён присоединилась к группе.

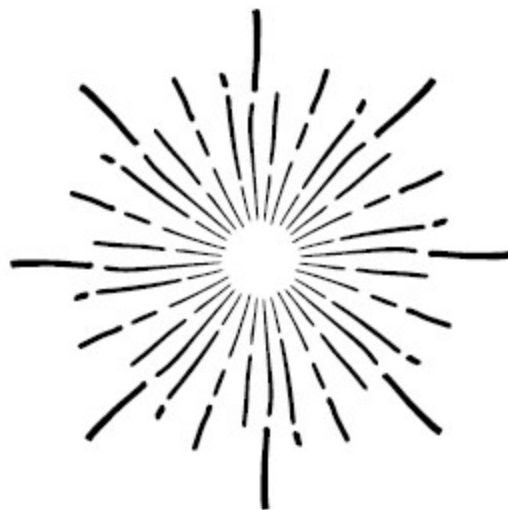
Вскоре приехал автобус, и люди, собравшиеся с разных концов света, но уже ставшие единой командой, заняли места внутри. Поднимая клубы пыли, автобус затрясся по грунтовой дороге.

Многоголосье заполнило тесное пространство автобуса, пассажиры общались на всех языках сразу. Людей, говоривших на разных языках, объединяли кипящая энергия и страстная преданность делу. Моён была частью этой шумной группы, но ее взгляд не отрывался от окна.

Снаружи то и дело мелькали дома с крышами пастельных тонов и полуразрушенные оштукатуренные здания. Неродной бледный пейзаж. Ничто здесь не свидетельствовало о Сичжине. Моён чувствовала, как внутри у нее все сохлось и крошится, будто песок.

Глава 1

Сын солнца

Ветер приглаживал колосья мискантуса, и высокая трава послушно склонялась в его направлении. Идущий со стороны северян ветер беспрепятственно преодолевал демаркационную линию, пробегал по травяному полю и слегка обдувал лицо солдата, ползком по-пластунски приближавшегося с южной стороны. Под светом полной луны на лице была различима камуфляжная маскировка. Пристально осмотрев местность, солдат подал знак кому-то за спиной.

Как только он опустил руку, из травяных зарослей к нему, пригнувшись, приблизились четверо рослых мужчин в полевой форме. Первый сжал руку в кулак, и четверо тут же застыли. Казалось, у этой команды из пяти человек единый мозговой центр.

Выжидавшие в высокой траве мужчины были членами специальной группы «Альфа» – элитного формирования, созданного из лучших бойцов спецназа. Эти люди всегда находились на передовой, защищая безопасность страны и рискуя своими жизнями. Перед началом боевых операций они снимали с шеи жетоны военнослужащих, чтобы в случае гибели врагу не стали известны их имена и звания. В эту ясную лунную ночь жетонов на них не было.

Возглавлявший группу капитан Ю Сичжин цепким взглядом изучал здание пограничного поста, находившееся за травяным полем. Строение было ярко освещено и выглядело огромной свечой, зажженной для кого-то в ночи, а весь пейзаж казался картиной фантастически талантливого художника. Однако вопреки идиллическому пейзажу реальностью была война, в которой солдаты рисковали жизнями. В здании находились вооруженные до зубов бойцы специальных сил северокорейской армии. Перейдя демаркационную линию, они напали на южнокорейский пост № 301, взяли в заложники двух пограничников Южной Кореи и теперь выжидали.

Сторона, которая первой применит огнестрельное оружие в демилитаризованной зоне, стала бы считаться нарушителем межкорейского перемирия. Время было тем более неблагоприятным, так как ожидалось возобновление шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР. Судя по всему, Северная Корея

провоцировала южан, чтобы получить козырь на переговорах. Пойти в атаку на захваченный пост означало бы поддаться на провокацию, однако и оставить северянам заложников было нельзя.

Сичжин нахмурился, заметив подозрительное движение. Пост окружали бойцы армейского разведбатальона. Неразумный маневр, который еще больше раззадорит противника.

Обернувшись, Сичжин подал знак членам группы. Ожидавшие его сигнала бойцы быстро рассредоточились по назначенным местам. Сержант Чхве и младший сержант Кон, отвечавшие за установку взрывного устройства, перебежками обогнули здание поста. Сержант Им, вооруженный снайперской винтовкой, ловко взобрался на стоявшее неподалеку дерево и стал крепить прицел ночного видения.

О завершении приготовлений бойцы доложили по рации. Сичжин взглянул на Со Тэёна, старшего из сержантского состава. Одновременно они опустили на землю винтовки и сняли бронежилеты. Их стройные тела, закаленные суровыми армейскими тренировками и настоящими сражениями, были налиты силой и казались работой искусного скульптора.

Оставив при себе лишь армейские ножи, Сичжин и Тэён покинули укрытие, которое давала им высокая трава. Они подняли над головой руки, демонстрируя мирные намерения, и медленно направились к зданию пограничного поста.

– Я старший группы. Что с нашими солдатами? – Звучный голос Сичжина гулко разнесся в ночи, разорвав тишину.

Находившийся внутри старший лейтенант Ан Чончжун слегка отодвинул защитный экран и выглянул в окно. Его лицо ничего не выражало, словно подобные ситуации были для него самым привычным делом; из-за глубокого шрама, протянувшегося от глаза до самого виска, северянин выглядел устрашающе.

– Предлагаю на этом закончить. Мы позволим вам уйти. Отправляйтесь прямо сейчас – с рассветом ситуация осложнится, – продолжил Сичжин резким тоном, медленно приближаясь к двери.

– Просто так мы не уйдем. – Северокорейский выговор звучал для южан непривычно.

Плотно, как раковина моллюска, закрытая дверь наконец приоткрылась, и старший лейтенант Ан показался в проеме. Не теряя ни секунды, Сичжин глазами оценил обстановку за его спиной. Один

боец прикрывал командира, второй целился в связанных пограничников. Несмотря на то что южане были разоружены, у них оставался шанс справиться с неприятелем. Судя по лицу Ана, он тоже взвешивал шансы на победу.

– Солдат Корейской народной армии может отступить, лишь уложив пару южнокорейских спецназовцев. – Ан опустил оружие и взял в руки короткий нож.

Северянин сверлил Сичжина взглядом, но в глазах Ана не читалось жажды крови. Он всего лишь действовал по приказу.

– Ну что ж, попробуйте.

Сичжин осторожно вытащил нож. Стоявший на шаг позади Тэён тоже достал нож и повернулся к бойцу, прикрывавшему Ана. Сообразив, чего от него ждут, боец отдал автомат товарищу, сторожившему пленников, и последним взялся за нож: двое были готовы сражаться против двоих.

Сжав рукоятку ножа, Ан сделал выпад в сторону Сичжина, но капитан, ловко увернувшись, напал на второго северянина. Он взял обоих противников на себя, чтобы Тэён смог проникнуть внутрь помещения.

Некоторое время лязг ножей раздавался и снаружи, и внутри здания поста. Пока Тэён обезоруживал охранника и освобождал пленников, Сичжин отражал двойную атаку. Удары сыпались без остановки, и, чтобы получить небольшую передышку, Сичжин изо всех сил лягнул Ана в голень и одновременно метнул нож в сторону второго противника, успешно поразив цель.

Выбив ногой дверь, снаружи снова появился Тэён. Увидев, что Сичжин безоружен, он быстрым и точным движением бросил ему нож. В тот же момент, резко взмахнув рукой, Ан рванулся на Сичжина. Два равных соперника сцепились в схватке. Взволновав травяное поле, до них долетел новый порыв ветра, унося за собой запахи пота и крови.

Кровь с ножа Ана закапала на землю. Сжав зубы, раненный в бок Сичжин смотрел на противника. Лицо Ана дернулось, когда он осознал, что нож Сичжина находится у него под горлом.

– Ты меня не убьешь. Южная Корея не станет стрелять первой. Вы слишком связаны обязательствами перед другими странами. А мы – нет, – произнес старший лейтенант, выплевывая слова.

Щелкнул затвор, и Сичжин почувствовал, как в висок уткнулось дуло пистолета.

Капитан усмехнулся:

– За семьдесят лет разделения вы так и не поняли, что, если речь идет о безопасности страны, мы станем стрелять несмотря ни на что. И не промахнемся.

В ту же секунду на шее бойца, державшего пистолет, появилась красная точка лазерного прицела. Сержант Им держал его на мушке. Сичжин обеспечил снайперское прикрытие, предвидя подобную ситуацию.

– Подумайте еще раз. Не в моих интересах останавливать врага, если он собирается сделать глупость.

Глаза Сичжина горели решимостью.

– Мое дело – воевать, а не погибать. Опустит пистолет, – хрипло скомандовал Ан.

Боец убрал пистолет от виска Сичжина.

– Рад был встрече, капитан Ю Сичжин, – произнес Ан, продемонстрировав, что знает, кто именно находится перед ним.

– Я тоже рад, но предлагаю не вводить наши встречи в привычку, старший лейтенант Ан Чончжун, – не уступил ему Сичжин.

Северянин протянул свой нож Сичжину, признавая его превосходство, – так волк поджимает хвост при виде тигра. Группа «Альфа» успешно завершила операцию.

Сичжин был уверен, что все закончилось. Он даже подумать не мог, что когда-нибудь их пути с Аном еще раз пересекутся. Однако он ошибался. Судьба распорядилась так, что однажды им снова пришлось столкнуться лицом к лицу.

Тридцатитрехлетнего капитана войск специального назначения Ю Сичжина можно было назвать военным по крови. Его отец, почетно завершивший службу в звании старшины, с детства был для Сичжина примером для подражания. Едва научившись выговаривать слово «мама», Сичжин уже лепетал воинские приветствия, а учебный полигон был его первой детской площадкой. Мать мечтала, чтобы Сичжин стал прокурором, – будучи женой военного, она знала, насколько трудна жизнь солдата. Однако Сичжин, блестяще закончивший школу и имевший возможность выбрать любую профессию, не отступил от намерения следовать по стопам отца.

У Сичжина были самые высокие оценки, когда он поступал в Военную академию, и самые высокие, когда он ее закончил. Его послужной список, включавший командование передовыми отрядами, а затем – группой специального назначения, отражал исключительные способности молодого человека. Отец безмерно гордился сыном, выбравшим военную профессию вслед за ним, однако вслух свои чувства не выражал. Мать Сичжина рано покинула мир и не успела увидеть всех достижений сына, однако до самого конца поддерживала его, веря, что ее мальчик сделает все, чтобы добиться успеха на выбранном им пути.

От отца Сичжин унаследовал высокий рост, крепкое телосложение и отменное здоровье – молодой человек не простужался, даже когда приходилось ночевать в снегах. От матери ему достались длинные ресницы, правильный нос, полные губы и четко очерченный, но в то же время нерезкий овал лица. Мужественное телосложение и привлекательное лицо, светлая голова, ответственность и надежность – Сичжин вызывал доверие у всех, с кем ему приходилось иметь дело.

Обладавший сверх того еще и веселым нравом, Сичжин пользовался популярностью и у прекрасного пола. Однако воспользоваться этим и начать серьезные отношения никак не удавалось. Нелегко найти девушку, которая смогла бы выдержать постоянные отлучки молодого человека, выполняющего боевые задания в самых опасных точках планеты, как того требовала национальная или международная безопасность. Именно по причине

отсутствия такой девушки Сичжин обычно коротал увольнительные, которые ценились в армии на вес золота, в компании старшего сержанта Со Тэёна, распивая сочную или расстреливая из пневматической винтовки мишени в тире.

День выдался приятным и ясным. С приближением октября невыносимая жара отступила; по синему небу скользили молочно-белые облака. Куда ни устремлялся взгляд, повсюду трепетала на деревьях красочная осенняя листва.

Члены группы «Альфа» получили четыре дня отдыха в награду за успешную операцию в демилитаризованной зоне. Сержант Им уехал повидаться с женой; младший сержант Кон отправился на свадьбу к шапочному знакомому, заявив, что непременно найдет себе барышню на банкете; сержант Чхве просто исчез, не сказав ни слова. То ли из привязанности к другу, то ли из уважения к старшему по званию Тэён остался с Сичжином.

Как это часто случалось, друзья убивали время в одном из тиров в центре города. Работник тира, ошарашенно наблюдавший за их безупречной стрельбой, в конце концов вручил им две самые большие призовые игрушки и вытолкал на улицу, запретив приходить снова. Было слишком рано, чтобы начинать алкогольные возлияния, поэтому Сичжин и Тэён просто бродили по вызывающе пестрым улицам, глаза по сторонам. Проходя мимо китайского ресторана, они заметили, что малолетний хулиган собирается угнать хозяйский скутер. Друзья перехватили воришку, да так, что тот свалился со скутера. Пришлось отправлять незадачливого похитителя в больницу. Но и отважное сражение за общественный порядок не отняло у них достаточно времени. Было все еще слишком светло.

От нечего делать Сичжин и Тэён зашли в кофейню и расположились друг напротив друга, поставив на стол по стакану лимонада. Игрушки из тира по одной усадили рядом и, не зная, чем еще заняться, стали их разглядывать.

– Твоя девчонка – настоящая красотка, – произнес Сичжин, указывая на игрушку друга и катая во рту кубик льда.

– Да, чувствую, что встретил идеальную женщину. Вы, ребята, тоже отлично смотрите вместе. – Тэён звучно отхлебнул из высокого стакана.

– Это моя боевая подруга! – протестующе воскликнул Сичжин. – Нет, все-таки объясни, почему ты согласился их взять.

– А что? Надо было отказаться? Когда он умолял их забрать и не приходиться снова?

– Не понимаю, как с таким мягким сердцем ты вышибаешь мозги противникам. Похоже, я плохо тебя знаю.

Разумеется, Сичжин прекрасно знал Тэёна и его прошлое. Когда члены группы «Альфа» оставляли жетоны военнослужащих и шли на очередное задание, их жизни были связаны подобно стоящим рядом костяшкам домино: если упадет одна, следом посыплются и все остальные. Когда в вопросе жизни и смерти зависишь от боевых товарищей, необходимо хорошо их знать. Сплоченность группы и согласованность действий прямо пропорциональны этому знанию.

Несмотря на то что он рано потерял мать, Сичжину повезло иметь счастливую и дружную семью, и жизнь его складывалась благополучно, чего нельзя было сказать о Тэёне. Имевший талант к спорту и волю к победе Тэён до старших классов серьезно занимался дзюдо. Он был настолько хорош, что мог выйти в финал национального чемпионата. Однако в полуфинальном соревновании тренер потребовал от него поддаться противнику и проиграть.

Талант ничего не значил в сравнении с интересами определенной группы людей. Не в состоянии принять эту несправедливость, Тэён сокрушил соперника. В ту же ночь Тэёна избили до полусмерти парни из его же команды. Тэён разорвал в клочья дзюдоги и бросил не только спорт, но и школу. Уж лучше честно сражаться в темных переулках, чем подло – на спортивных матах, рассудил он и связался с шайкой бандитствующих юнцов, живших по понятиям.

Однако Тэён, по натуре слишком порядочный и благородный, плохо вписывался в новую компанию. Решив распрощаться с бандой, он сдал выпускные экзамены в школе и сразу же зачислился на военную службу. Прежде чем войти в сержантский состав войск специального назначения, он прошел изнурительный путь, вкалывая как проклятый.

Сичжин доверял своему боевому товарищу и уважал его как человека, который смог покончить с криминальным прошлым, что было труднее, чем бросить наркотики. Тэён был сложным

подчиненным, замечательным учителем и единственным другом, которому Сичжин мог открыть душу.

– Как думаешь, с тем мальчишкой все будет в порядке? – постукивая пальцем по пустому стакану, внезапно спросил Тэён.

Было похоже, что он всерьез беспокоился о воришке, которого они отправили на машине скорой помощи в больницу.

– Он правильно сгруппировался перед падением, наверняка занимается спортом. Все будет в порядке.

– Тогда мне было столько же лет, сколько ему сейчас. Эх, встретить бы ему хорошего наставника...

– Ты что, переживаешь за него? Или одолели воспоминания о собственном темном прошлом?

– Жалко его, – горько усмехнулся Тэён.

– А ты много натворил дел в то время?

– О, я был главным, раздавал приказы.

– Нет, вы только посмотрите на него. Строит из себя героя криминального романа, еще и мальчишку приплел.

Пока Сичжин хрустел последним кубиком льда, затрезвонил мобильный телефон. Звонила Юн Мёнчжу, девушка Тэёна, с которой Сичжин был знаком еще со времен Военной академии, где Мёнчжу училась курсом младше. Увидев имя звонящего, Сичжин в нерешительности взглянул на Тэёна.

Главной проблемой в отношениях Тэёна и Мёнчжу была разница в их званиях и положении в армии. Она стояла между ними стеной. Правда, Мёнчжу верила, что любовь сокрушит любую стену. Но Тэён был из тех людей, кто считает, что иногда ради любви стоит и отступить.

– Из воинской части? – спросил Тэён, по-своему расценив взгляд Сичжина.

– Из части, да не из нашей, – нахмурившись, ответил Сичжин.

Помедлив еще пару секунд, он в конце концов показал Тэёну имя на экране телефона. Старший сержант помрачнел.

– Не вздумай отвечать.

– Я отвечу. Отвечу и позову ее сюда, чтобы ты наконец повел себя как мужчина и...

– С меня обед. Самое дорогое мясо! – перебил его Тэён.

– Спасибо, но я зарабатываю достаточно, чтобы позволить себе мясо на обед.

Сичжин сделал вид, что собирается нажать кнопку ответа, и Тэён, всполошившись, вскочил.

– Свидание! Организую тебе свидание с двоюродной сестрой. Она летает на самолетах! – воскликнул он в отчаянии.

– Воздушные войска?

– Нет, она стюардесса. И судя по фотографиям, у нее куча симпатичных подружек. У меня в телефоне есть ее снимки.

– И ты до сих пор скрывал от меня такую многообещающую родственную связь?

Только теперь Сичжин отклонил звонок и с видом победителя протянул руку.

– Давай сюда свой телефон.

Изобразив на лице ненавидящий взгляд, Тэён начал рыться в карманах.

– Где же он?..

– Ты что, разыгрываешь меня? Ты уже смотришь там, где карманов нет.

– Слушай, тот мальчишка...

– Хочешь сказать, он стащил твой телефон? – с подчеркнутым недоверием спросил Сичжин.

– Я прикончу этого паршивца!

Тэён снова резко вскочил. Судя по всему, хулиган, которого друзья схватили, когда тот пытался угнать скутер, ухитрился вытащить телефон, пока ему оказывали первую помощь.

– Ты же говорил, тебе его жалко, – поддразнил друга Сичжин.

Лицо Тэёна побагровело.

– В какую больницу его повезли? – зловеще спросил он.

Сичжин глубоко вздохнул, понимая, что остаток так хорошо начавшейся увольнительной они проведут, разыскивая украденный телефон.

Тэён и Мёнчжу впервые столкнулись во время учений спецназа в горах. Тэён возглавлял один из учебных отрядов, а Мёнчжу принимала участие в качестве военного врача, присутствие которого было необходимо на случай оказания неотложной помощи. Отряду, показавшему лучшие результаты, полагались несколько дней отпуска, и Тэён нуждался в этом отпуске больше кого бы то ни было. От девушки, с которой он только неделю назад обменивался сообщениями, украшенными сердечками и смайликами, внезапно пришло приглашение на ее свадьбу. Тэён не мог в это поверить.

Девушка была немного заносчива, но с пониманием относилась к его работе, требовавшей непредсказуемых отлучек. Она не сердилась, когда он не звонил ей по несколько дней подряд, и не заставляла отчитываться обо всем, что с ним происходит. Тэён считал, что у нее легкий характер, и думал, что наконец-то нашел верную и преданную подругу. Когда он делал ей подарки, цена которых демонстрировала его финансовые возможности в чуть более выгодном свете, она с большим достоинством принимала знаки его внимания. Тэёна все устраивало; он любил ее и встречался с ней уже целый год. И вот теперь эта девушка, даже не потрудившись сообщить, что решила расстаться с ним, приглашает на свадьбу. Тэён чувствовал себя так, словно подорвался на mine, не заметив знака предупреждения.

Лишь после того как за три дня без перерыва на сон он вместе с Сичжином опустошил два ящика сочжу, Тэён понял, что сообщение о свадьбе как раз и было способом, который она избрала, чтобы объявить о прекращении отношений. Он захотел увидеть ее в последний раз. Не для того, чтобы осудить за предательство, не для того, чтобы умолять остаться, и не для того, чтобы прорицать, что без него ей не пройти и десяти ли, как поется в одной старой песне. Лишь увидев собственными глазами, как она стоит рядом с другим мужчиной, одетая в свадебное платье, и убедившись, что она счастлива, Тэён смог бы безоговорочно принять этот разрыв.

Стремление получить отпуск и было причиной, по которой Тэён перенес наверх снаряжение солдата, подвернувшего лодыжку, а потом тащил на спине другого товарища по отряду, когда тот отстал и упал в

реку. Он уже несколько раз поднимался и спускался с горы, хотя даже один раз дойти до вершины было совсем не просто.

– Вы здесь уже в третий раз, верно? – Мёнчжу преградила дорогу Тэёну, несущему на каждом плече по пятнадцатикилограммовому армейскому рюкзаку.

Мёнчжу выглядела совсем юной – в гражданской одежде ей сложно было бы дать больше двадцати, – но в голосе звучала твердость, заставлявшая поверить, что девушка способна командовать целым батальоном.

– В чем дело?

– Разуйтесь. Помогать товарищам по отряду и стремиться стать лучшим – это прекрасно, но, подозреваю, ноги у вас в плачевном состоянии, и вы близки к освобождению от службы по рекомендации врача.

Взглянув на нашивку с именем на груди у Тэёна, Мёнчжу снова посмотрела ему прямо в глаза и закончила свою чеканную речь:

– Старший сержант Со Тэён.

– Даже если потом придется уйти со службы, сейчас мне необходимо быть первым, – глухо огрызнулся Тэён, которому приходилось выдерживать трудности и посерьезнее.

Мёнчжу на секунду растерялась, но продолжала смотреть на Тэёна. Избегая озадаченных глаз девушки, тот двинулся дальше.

– Вы ведь стараетесь не ради отпуска, который вам нужен, чтобы сорвать свадьбу бывшей подружки? – спросила Мёнчжу, вновь преграждая путь Тэёну.

В ее голосе зазвучали высокие нотки. Настала очередь Тэёна рассматривать Мёнчжу. Пространство между ними пронзили лучи предвечернего солнца.

– Именно так.

Ответ Тэёна был короток, как порыв ветра, на секунду всколыхнувшего листву деревьев. Он пошагал дальше. В тот день отряд Тэёна был признан лучшим и получил отпуск в награду.

Они встретились снова некоторое время спустя, когда Тэён, переодевшийся в обычный костюм, был готов ехать на свадьбу. Мёнчжу появилась перед ним тоже в гражданской одежде, изменившаяся до неузнаваемости. Струящиеся по плечам волосы,

юное лицо, едва тронутое косметикой, – она выглядела женственно и элегантно. В белом платье и лакированных туфлях Мёнчжу сама была похожа на невесту. Стоял ослепительный месяц май.

– Что вы тут делаете?

– Мои поздравления, вам все-таки удалось вырваться, и вы сможете испортить людям праздник. Кстати, у меня сегодня выходной. Удачно, правда?

– Я спросил, что вы тут делаете. Это такой трудный вопрос, лейтенант Юн Мёнчжу?

– А вам так трудно понять, что я имею в виду? Если вы устроите на свадьбе скандал, невеста никогда в жизни не пожалеет, что рассталась с вами. Но если мы появимся вместе, возможно, первую брачную ночь она проведет в сомнениях, не зря ли оставила вас ради другого.

Тэён был озадачен дерзким предложением.

– Только одно условие, – снова заговорила Мёнчжу, глядя на Тэёна. Тот хмуро продолжал молчать.

Отец Мёнчжу присмотрел для нее жениха, но Мёнчжу кандидат не нравился. Поэтому она решила притвориться перед отцом, будто уже встречается с другим молодым человеком. В этом и состояло условие: Тэён должен был сыграть роль возлюбленного Мёнчжу.

Тэён не мог понять, говорит она всерьез или шутит: с лица Мёнчжу не сходила улыбка, но в глазах не было ни капли веселья.

Отцвела акация, созрели семена гинкго, опала осенняя листва и закружил снег – столько времени им потребовалось, чтобы полюбить друг друга. Пока их отношения были притворством, ничто не мешало «любви», но как только чувство стало настоящим, реальными стали и проблемы. Больше всего им мешало, что Мёнчжу была единственным ребенком командующего войсками специального назначения. Девушка работала военным врачом и к тому времени уже получила звание лейтенанта, тогда как Тэён, в соответствии с экзаменационными оценками, навсегда оставался в сержантском составе. Разумеется, отец Мёнчжу был категорически против их отношений.

Прошло еще несколько месяцев, и, несмотря на то что его чувства становились все сильнее, Тэён начал избегать встреч с Мёнчжу.

Сичжин и Тэён доехали до больницы «Хэсон» в пять часов вечера. По дороге Сичжин постоянно набирал номер Тэёна. Ответом ему были либо длинные гудки и следовавшее за ними предложение оставить голосовое сообщение, либо короткие – когда новый владелец телефона сбрасывал звонок. Конечно, воришка, по их вине упавший со скутера, сломал ребро или два, однако ему была оказана превосходная первая помощь, так что, на взгляд Сичжина, мальчишка мог бы и ответить на звонки.

В больницу друзья зашли, скрипя зубами от злости. В холле было полно пациентов. С кроватей, разделенных шторками, куда клали только что поступивших больных в тяжелом состоянии, доносились крики и стоны. Несколько пациентов, которым не хватило кроватей, сидели под капельницами в больничных креслах-колясках. Тут был и пострадавший в аварии человек, со лба которого стекала кровь, и мальчишка, которого положили в ванную со льдом, чтобы сбить высокую температуру, и множество других несчастных с болезнями и травмами. Врачи и медсестры деловито перемещались от пациента к пациенту, оказывая необходимую помощь. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: медперсонала отчаянно не хватает.

Тэён стал проверять зашторенные кровати, выискивая воришку, а Сичжин снова набрал телефонный номер старшего сержанта. В тот же момент где-то поблизости раздался знакомый звонок. Эту мелодию выбирала для Тэёна Мёнчжу.

– Сейчас будет немного больно, – услышал Сичжин чистый, звонкий голос.

Он слегка отодвинул шторку.

– Придется зашивать, приготовьте инструменты.

На обладательнице серебристого голоса был белый докторский халат. Сичжин невольно засмотрелся на незнакомку. Казалось, все вокруг замерло и перестало существовать – кроме нее. Точеные белоснежные руки, не полностью закрытые подвернутыми рукавами докторского халата. Нежный румянец, от сосредоточенности проступивший на щеках. Лицо, словно освещенное внутренним

сиянием. Стройная, красивая фигура. Все, что видел Сичжин, казалось ему восхитительным.

Пациент ойкнул от боли, и Сичжин вернулся к реальности. Снова стали слышны звуки больницы, а также мелодия входящего звонка на телефоне Тэёна. Телефон явно находился в кармане халата доктора. Однако ее пациентом был не мальчишка, угнавший скутер, а мужчина лет за пятьдесят. Сичжин отменил вызов и снова набрал номер Тэёна. Телефон в кармане доктора сначала замолчал, а потом зазвонил снова. Закончившая делать местную анестезию доктор вздохнула, извинилась перед пациентом и достала телефон из кармана.

– Слушаю вас. – Резкий ответ девушки пронзил капитана, словно игла.

– Добрый день.

Они стояли совсем близко, разделенные лишь тонкой больничной шторкой. В тот момент, когда, избавившись от этой преграды, они впервые посмотрели друг другу в глаза, Сичжин и Моён не представляли, что уже связаны судьбой; не могли знать, сколько боли и страданий, сколько прекрасных и сладостных мгновений им суждено пережить вместе.

Услышав, что голос собеседника раздается совсем близко, Моён вышла в холл. Ее глаза, остановившиеся на Сичжине, были чернее ночи.

Проверив имя звонившего на экране телефона, девушка удивленно спросила:

– Большой босс?

Это был радиопозывной Сичжина, который Тэён занес в контакты вместо имени товарища.

– Да, это я. Откуда у вас этот телефон?

– Мне его оставил пациент. Вы родственник пациента? – Взгляд девушки сканировал Сичжина подобно рентгеновским лучам.

– Возможно, будущий родственник владельца этого телефона, но он не ваш пациент...

– Подействовало? Сейчас буду зашивать, – обратилась доктор к мужчине на кровати, не дав Сичжину договорить.

– Я не закончил!

– Где пациент, упавший со скутера?

Сичжин и Моён заговорили одновременно: он – обращаясь к ней, она – к медсестре.

– Ой, его снова нет... Может, отвели на рентген?.. – не зная, что ответить, залепетала медсестра.

С грозным видом доктор повернулась к Сичжину и подошедшему в этот момент Тэёну:

– Вы, случаем, не из той банды, что собиралась отправить моего пациента в морг?

– Что? О чем вы? Дайте мне объяснить...

– Сестра, скажите посетителям, чтобы ждали снаружи. И предупредите охрану, пусть лучше следят за порядком в больнице.

Следуя распоряжению доктора, медсестра стала подталкивать Сичжина и ничего не понимавшего Тэёна к выходу. Ошарашенные тем, что их приняли за каких-то бандитов, друзья изумленно переглядывались.

Вскоре из-за шторок послышался негромкий разговор женщин:

– Похожи на бандитов, правда? Босс и его помощник. Ой, надеюсь, я не слишком сильно их толкала.

– Не волнуйся. Я обращаюсь с ножом получше любого бандита.

Ответ доктора развеселил Сичжина. Интересная девушка. И какая красавица!

Мальчишку, пытавшегося угнать скутер, звали Ким Кибом. Сичжин и Тэён в конце концов отыскали его за зданием больницы, недалеко от больничного морга. Вместо того чтобы просто заявить в полицию, Тэён, полагавший, что прежде стоит позаботиться о человеке, а уж потом судить его, отправил воришку в отделение неотложной помощи. Однако Кибом удрал оттуда и попался в руки друзьям, которые принялись его избивать.

– Что надо? Идите куда шли! – с вызовом крикнул главарь банды Сичжину и Тэёну, когда те появились на месте побоища подобно ангелам возмездия.

– У нас дело к этому пацану, – подходя ближе, указал Тэён на Кибом, стоявшего на коленях перед своими мучителями.

– Тогда становитесь в очередь, лохи, – сплюнув, ответил главарь.

– Помогите мне, – простонал Кибом, ухватив Тэёна за штанину.

– За что они тебя бьют?

– Кибом захотел выйти из банды, и ему было велено заплатить 5 миллионов вон отступных... – пояснил юнец, которому досталось тумачков вместе с Кибомом.

– Отступные? Это такое бандитское правило? – с неподдельным удивлением спросил Сичжин.

– Расценки поднялись, однако, – ответил Тэён, демонстративно разминая руки.

Он лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что здесь происходит. Пройти военные учения с отработкой действий на случай применения химического оружия и не получить ни единого ожога глаз или носоглотки и то реалистичнее, чем распрощаться с преступным миром.

– Так, проблему будете решать со мной. Раз дело в деньгах, будут вам деньги. У меня их полно. Вот кошелек. Кто смелый? Подходи, забирай. Отдам все, что в нем лежит.

Наступал момент истины. Юнцы из банды недоверчиво переспросили, всерьез ли он все это говорит.

– Абсолютно серьезно. Считайте, что я его старший брат. Эй, как, говоришь, тебя зовут?

– Кибом. Ким Кибом.

– Считайте меня старшим братом Кибома. Сможете забрать кошелек – заплачу отступные. Ну, вперед!

Тээн помахал кошельком, который держал в руке, – так кошку подманивают свежей рыбой.

– Если кошелек пустой, тебе не жить!

Стоявший впереди всех громила, похожий на звезду гонконгских боевиков Саммо Хуна, бросился на старшего сержанта. Тээн кошельком отхлестал доморощенного Саммо Хуна по толстым щекам, а напоследок нанес ему чувствительный удар по затылку.

Следом приближался тощий, как килька, парень, державший в руке складной нож-бабочку.

– О, у вас и ножи имеются? Так не пойдет. Что за сборище идиотов! Придется сегодня же распустить вашу банду. Ну-ка вытаскивайте ножи и огнестрельное, у кого что имеется. Все разом!

Сичжин, до сих пор стоявший чуть поодаль, подошел ближе и стал разминаться.

– Доставайте ножи. Если навалимся все вместе, мы с ними справимся, – приказал главарь, явно начавший нервничать.

В преступном мире тоже существует своя иерархия – не хуже, чем в армии. Услышав команду старшего, бандиты моментально вооружились ножами. Скучный документальный фильм, каковым до сих пор представлялся день Сичжину и Тэёну, превращался в захватывающий гангстерский боевик.

– Совершенно очевидно, что это не несчастный случай, а избиение, – вынесла вердикт Моён, взглянув на Сичжина, который вернулся в больницу, напевая победную песнь после финальных титров их внезапного экшн-фильма.

На теле Кибома теперь было гораздо больше ссадин и синяков, чем когда его только привезли в машине скорой помощи. Парень корчился от боли и не мог толком ничего объяснить. Подозрения доктора достигли критической точки. Тэён, второй герой только что закончившегося боевика, куда-то исчез, никого не предупредив. Сичжин не знал, что предпринять. Девушка заявила, что собирается вызвать полицию, и направилась к выходу из отделения. Заторопившийся вслед Сичжин преградил ей путь.

– Уйдите с дороги.

– Уйду, как только вы меня выслушаете. Этот малолетний придурок...

– Кто дал вам право оскорблять моего пациента?

– Ваш пациент... украл телефон моего товарища. Мы приехали, чтобы найти телефон, увидели, как... вашего пациента... избивают на улице, и вступились за него.

– Вступились за вора, который стащил у вас телефон? Больше похоже на то, что вы отколотили его за кражу.

– Признаюсь честно, нам бы не хотелось, чтобы вмешивалась полиция. Дело в том, что мы военные. У нас небольшой отпуск, и, если мы вдруг окажемся в чем-то замешаны, слишком долго придется объясняться перед начальством, писать кучу бумаг. Буду очень признателен, если вы войдете в наше положение...

– Почему я должна входить в ваше положение? Откуда мне знать, военные вы или бандиты?

Услышав резкий ответ, Сичжин нервно сглотнул. С этой девушкой так просто не договоришься. Но недоразумение нужно было как-то разрешить. Всем своим видом показывая, что его заставляют идти на крайние меры, Сичжин вытащил из-под одежды висевший на шее жетон военнослужащего. Военные знают, насколько важен такой жетон, помогающий идентифицировать личность павших на поле боя.

Однако девушка, которой Сичжин демонстрировал это удостоверение, никак не реагировала.

Внезапно Сичжин услышал доносящийся откуда-то сзади знакомый голос, и это подсказало ему, как поступить.

– Какой вуз вы заканчивали? Раз работаете в этой больнице, должно быть, выпускница университета Мёнин? – прислушиваясь, задал вопрос Сичжин.

– Почему вас это интересует? – Взгляд девушки стал еще жестче.

– Вы случайно не знакомы с Юн Мёнчжу? Может, были сокурсницами?

– Откуда вы ее знаете?

– Она вам подтвердит, что мы не бандиты.

Улыбнувшись, Сичжин повел девушку за собой к тому месту, откуда раздавался спасительный голос.

Открывшаяся им сцена оказалась неожиданно мрачной. Мёнчжу и Тэён стояли напротив друг друга и были чернее тучи. Появление Сичжина казалось неуместным поворотом в душераздирающей мелодраме.

– Что вам нужно? – обратилась к Сичжину Мёнчжу, быстро смахнув готовые пролиться слезы.

– Восстановить репутацию. Пожалуйста, объясни доктору, кто мы с Тэёном такие.

– Не думаю, что она мне поверит.

– Тебе поверю больше, чем ему. Его я вижу первый раз в жизни. Так что, будь добра, объясни, – ответила на это Моён.

Между девушками чувствовалась странная напряженность. Возможно, дело было в каком-то прежнем конфликте, а может, они просто никогда не нравились друг другу. Так или иначе, Мёнчжу удалось убедить доктора.

– Хорошо, теперь я знаю, кто вы такие. Но остается открытым вопрос, кто избил моего пациента. Следуйте за мной.

На этот раз Моён вела за собой Сичжина. Они подошли к офису охраны. Сегодня Сичжину приходилось посещать самые неожиданные места.

– Нам нужно минут пять, чтобы найти видеозапись. Подождите здесь, – суховато произнес один из сотрудников и скрылся за дверью.

Сичжин и девушка остались вдвоем. Прислонившись к стене, оба молчали. Растущая неловкость, казалось, заполнила все пространство длинного больничного коридора.

– Откуда вы знаете Мёнчжу? – скальпелем разрезал гнетущую тишину вопрос девушки.

– Мы вместе учились в Военной академии.

– А...

– Вы ведь уже выяснили, кто я такой. Продолжаете проверять? Мне всегда говорили, что мой внешний вид внушает доверие...

– Убийцы тоже могут производить приятное впечатление.

– Хм, это правда, – с серьезным видом согласился Сичжин, отметив про себя «приятное впечатление».

– Ваша серьезность меня пугает. И тут нет никого, кроме нас...

– Не бойтесь. Мой принцип – всегда защищать детей, стариков и красавиц.

– Какое счастье, что я попадаю под одну из этих категорий.

– Ничего подобного.

– Я имела в виду, что я старше вас! – притворно рассердилась девушка.

Губы Сичжина дрогнули в улыбке.

– Как на самом деле зовут Большого босса?

– Ю Сичжин. А вас?

– Кан Моён.

– Рад познакомиться, – протянул руку Сичжин.

– Не стоит изображать дружелюбие, – отвергла рукопожатие Моён.

Дверь офиса наконец открылась, и это позволило Сичжину убрать руку в карман, не испытывая еще большего смущения.

К счастью, площадка за больницей попадала в зону видеонаблюдения. Камера записала, как Кибома избивали окружившие его члены банды. А также появление двух рыцарей и их славную победу над силами зла. Сичжин и Тэён превосходно смотрелись в главных ролях этого захватывающего экшена.

– Что ж, теперь все выяснилось. Прошу прощения за то, что неправильно поняла.

Девушка умела настаивать на своем, но также была способна признать свою неправоту. Сичжину нравилась ее чистота – и в голосе,

и в характере.

– Если вы в самом деле чувствуете себя виноватой, может, немного меня подлечите?

– У вас что-то болит?

– Вот тут очень больно. – Сичжин указал на место, куда его ранил лейтенант Ан.

– Здесь? – ткнула пальцем Моён, решившая, что Сичжин пытается ее разыграть.

Сичжин вскрикнул от боли.

– Стоит ли притворяться с таким усердием?

– Я не притворяюсь...

Сичжин приподнял рубашку. Вероятно, кто-то задел его в драке – на бинте, прикрывавшем недавно зашитую рану, выступила кровь.

Увидев, что Сичжину действительно плохо, Моён мгновенно стала серьезной.

Наклонившись, она стала осматривать рану. Прядь волос упала на щеку девушки. Сичжину захотелось протянуть руку и поправить непослушный локон. На этот раз дрогнуло его сердце.

Они направились в хирургическое отделение. Сичжин вел себя как примерный пациент и выполнял все распоряжения доктора: разделся до пояса, устроился на больничной кушетке. Под ярким светом ламп стали видны многочисленные шрамы на теле. Настоящая летопись его боевых подвигов: и внушительные, и небольшие, каждый из этих шрамов напоминал, где, когда и с кем пришлось столкнуться Сичжину. Одно ранение искалечило его душу даже сильнее, чем тело. По оставшимся рубцам Сичжин мог восстанавливать в памяти прошлое, но не мог ни с кем поделиться воспоминаниями. Его профессия обязывала соблюдать секретность.

– Думаю, швы разошлись во время драки. Когда вы получили это ранение? – спросила Моён, сняв окровавленную повязку.

– Пару дней назад.

– Как это произошло?

– Поранился, когда мы копали какую-то яму. Вы ведь знаете, в армии постоянно что-то копают.

– В самом деле? Странная у нас армия. Пулю вы тоже схватили, пока копали яму? Это ведь огнестрельное ранение? – указала Моён на шрам выше.

Шрам от пули, изувечившей не только тело, но и душу.

– Вы знаете, как выглядят огнестрельные раны? – с сочувствием в голосе спросил Сичжин в ответ.

– В Корее бы не узнала, но я одно время работала волонтером в Африке, там приходилось видеть.

– Раз вы в курсе, не стану отрицать. Я получил это ранение в Нормандии. Пули тогда сыпались градом, и я пробирался сквозь огневой шквал, чтобы спасти боевого товарища... – почти торжественно начал рассказ Сичжин.

Некоторое время Моён слушала, не говоря ни слова.

– Вашего боевого товарища, случаем, звали не рядовой Райан? – в конце концов спросила она невинно, без капли иронии в голосе.

Не сумев сдержаться, Сичжин рассмеялся. Эта девушка была поистине удивительной. Бесстрашно сражается за правду, честно признает свои заблуждения, да еще и остроумно реагирует на юмор.

– Готово. Швы можно будет снять через неделю, а до тех пор регулярно меняйте повязку. У вас в воинской части есть медпункт?

– А можно перевязывать здесь?

– Не далеко добираться?

– Далек. Как насчет того, чтобы я приходил каждый день? – игриво предложил Сичжин.

Моён на секунду задумалась, словно взвешивая в уме ответ.

– Каждый день не стоит, трех раз достаточно... Ну хорошо, четыре перевязки ускорят ваше выздоровление.

– Делать перевязку будете вы?

– Разве важно, кто будет менять бинты?

– Очень важно. Это должна быть очень красивая девушка.

Наконец-то на ее лице расцвела улыбка.

– Раз вы выбираете докторов по внешности, то лучшего кандидата вам здесь не найти. Я запишу вас на прием, приходите к двум часам.

– Вряд ли у вас с вашей профессией есть молодой человек. Столько работы, верно?

– Вряд ли у вас с вашей профессией есть девушка. Но очень хочется, я права?

– Всегда отвечаете вопросом на вопрос? – Губы Сичжина изогнулись в полумесяц улыбки.

В тот вечер Сичжин и Тэён расстались, так и не выпив. Вернувшись домой, Тэён упал на кровать. День был настолько насыщен событиями, что, казалось, с утра успел пройти целый год. Даже без алкоголя Тэён чувствовал себя отяжелевшим и вялым.

Через открытое окно стало видно луну, выглянувшую из-за темного облака. Луна казалась грустной и напомнила ему о Мёнчжу. Тэён вынул из кармана телефон и проверил пропущенные звонки. Среди них было много вызовов от любимой девушки. Тэён смотрел на список звонков с болью, словно на список погибших.

Пока его телефон находился в чужих руках, кто-то из медперсонала ответил на звонок Мёнчжу и сказал ей, что владелец телефона попал в больницу. Когда Тэён и Сичжин вернулись в холл с Кибомом, Тэён сразу заметил Мёнжу в толпе людей. Ее лицо было бледнее, чем у тех, кто пришел в больницу лечиться. На Тэёна она смотрела так, словно перед ней возник оживший покойник.

Они отошли подальше от суетливой толпы. Глаза девушки были влажными. Она ничего не говорила, но Тэён мог представить, что ей пришлось пережить, пока она мчалась в больницу.

– Давно не виделись. – Перестав блуждать взглядом по коридору, она твердо посмотрела на Тэёна. Чувство облегчения явно уступало место гневу.

– Так точно.

– Хорошо выглядишь. Не устал прятаться от меня?

– Так точно.

– Ты можешь отвечать мне, а не старшему по званию? Или со мной ты вообще бы не стал разговаривать?

– Так точно.

– Я когда-нибудь и правда убью тебя!.. До каких пор будешь меня игнорировать? Почему не отвечаешь на звонки? Я не могу даже узнать, жив ты или уже умер! Сколько еще все это будет продолжаться?!

Ее высохшие было глаза снова наполнились слезами, однако Мёнчжу держалась так же твердо, как в их первую встречу. Тэёну хотелось крепко ее обнять, просить прощения, шептать слова любви, осушать ее слезы. Но он лишь с силой сжимал кулаки и упрямо

смотрел в одну точку. Он был предельно собран, словно находился на поле боевых действий.

– Не молчи. Я понимаю, почему ты так поступаешь. Но дай хотя бы услышать твой голос.

– Лейтенант Юн, вы ошибаетесь. Не думайте, что я поступаю так ради вас. Я больше не испытываю прежних чувств, но не знал, как в этом признаться. И только поэтому вас избегал.

Произнося вслух эти слова, про себя Тэён не прекращал просить прощения у Мёнчжу.

– Я тебе не верю.

– Если мы всё выяснили...

– Не надо так!

– Я должен идти.

Тэён развернулся и зашагал прочь.

– Это все, на что ты способен? Убегать от меня? Не уходи!..

Голос Мёнчжу звучал непривычно глухо и слабо. Тэён продолжал идти.

– Старший сержант Со Тэён! Почему не отдаете честь старшему по званию? – использовала Мёнчжу свой последний козырь.

Неравный армейский статус был для Тэёна стеной, которая их разделяла, но только так Мёнчжу могла его удержать.

Он покорно развернулся к девушке и поднес руку к виску. Мёнчжу смотрела холодно и неприступно.

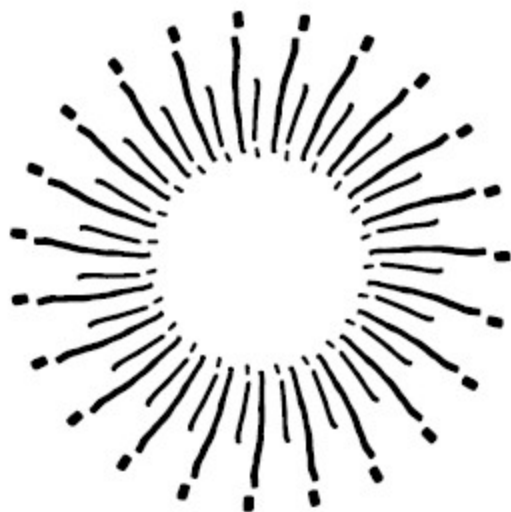
– Так и стой. До утра. До самой смерти. Потому что я никогда не отвечу на это приветствие.

Если бы в следующий момент не появился Сичжин, Тэён, наверное, не смог бы сдержаться и обнял бы хрупкие плечи девушки. Однако появление капитана сделало это невозможным.

Тэён закрыл окно и очистил список пропущенных звонков на телефоне. Красные строчки номеров исчезли одна за другой.

Глава 2

Дочь солнца

Специалист по торакальной хирургии больницы «Хэсон» Кан Моён училась на «отлично» с самого детства. Обладающая незаурядным умом девушка рано определилась с выбором профессии и усердно трудилась, чтобы достичь поставленной цели.

Стать врачом она захотела вовсе не из-за возвышенных идеалов: она не размышляла о священном праве на жизнь и не мечтала о служении человечеству. Рядом с домом, в котором Моён жила в детстве, была небольшая частная клиника. Ее долго не решались открывать, сомневаясь, что она будет приносить доход в столь удаленном районе, но в итоге с самого первого дня в клинике было не протолкнуться от пациентов. Там лечили всех и вся – от простуженных младенцев до разбитых радикулитом стариков. Очень быстро владелец заработал огромную сумму денег и смог перенести свой медицинский бизнес в центр города. Именно это сподвигло Моён выбрать будущую профессию. Она не была расчетливой до мозга костей – всего лишь трезво смотрела на жизнь. Математика всегда давалась ей лучше гуманитарных предметов, а детские игры в «больничку» привлекали сильнее, чем «дочки-матери».

Блестящие оценки позволили ей без труда поступить на медицинский факультет престижного университета, где она проучилась шесть лет, ни в чем не уступая студентам-мужчинам. Когда закончились первые четыре года базового обучения, Моён, пока еще сомневавшаяся, выбрать ли ей направление общей практики или же специализироваться на чем-то конкретном, отправилась поработать медицинским волонтером в Африку. Пребывание там убедило ее стать хирургом. Произошло это из-за того, что Моён глубоко переживала смерть пациента, попавшего к ним с огнестрельным ранением, – девушка не смогла ему помочь. Она поняла, что хочет стать врачом, который будет спасать жизни, обнаружила в себе чувство долга и искреннее желание принести клятву Гиппократа.

Интернатура прошла под девизом «умру, но сделаю», стажировка – под девизом «даже если никто другой не смог, я смогу». Моён получила диплом специалиста, безупречно пройдя весь курс. Это было лишь началом. Не давая себе передышки, девушка сразу же пошла

работать на полную ставку. Подобно другим врачам, непрерывно совершенствующим свое мастерство и повышающим квалификацию, Моён поставила цель стать блестящим хирургом и дойти до самого верха карьерной лестницы, ради чего каждую минуту посвящала работе и учебе.

В больнице, однако, ей никак не удавалось получить желанное повышение и приставку «профессор» к фамилии. В первый раз ее кандидатуру отвергли, так как Моён была слишком молода, во второй раз она великолепно прошла собеседование, но в итоге повышение получил ее старший коллега. Шло время, и Моён, снова и снова испивая горькую чашу, осознала, что даже в медицине не все зависит от компетентности специалиста: в больнице тоже имела место своя политика. Она стала делать все возможное, чтобы встроиться в систему: помогала заведующему хирургическим отделением с его научной работой, до изнеможения ассистировала на операциях других профессоров. Лучшие годы проходили за учебой, беспрестанным совершенствованием мастерства и – вопреки характеру – в услужении больничным начальникам. У Моён абсолютно не оставалось времени на личную жизнь.

Не успела она заметить, как ей исполнилось тридцать четыре. И вот в один из осенних дней в жизнь тридцатичетырехлетней женщины вторгся мужчина по имени Ю Сичжин. Находиться рядом с ним было так же приятно, как под долгожданным дождем, пролившимся на иссохшую почву. Он был привлекателен и обладал блистательным чувством юмора. А главное, он смог пробудить в душе Моён давно забытое волнение.

Завершив экстренную операцию, Моён с опозданием вспомнила о намеченной встрече с Сичжином. Ну, допустим, не встреча, а всего лишь прием у врача, и тем не менее в последние дни этот пункт расписания девушка всегда мысленно выделяла. Но за тридцать минут до прихода Сичжина Моён вызвали на срочную операцию.

С утра ей пришлось помогать доктору Чан, проходящей стажировку в их больнице и сверх меры волнующейся по любому поводу. Моён и так была без сил, и неожиданная операция полностью ее вымотала. Осознав, что пропустила условленную встречу с Сичжином, она окончательно упала духом.

Добравшись до комнаты отдыха, Моён в изнеможении опустилась на кровать. Время от времени покусывая нижнюю губу, она лежала, уставившись в потолок, словно пыталась найти на нем ответ на какой-то вопрос. Наконец девушка достала телефон и нажала кнопку вызова.

– Слушаю вас.

Голос Сичжина звучал приятно и располагающе. Мысленно вернувшись к их первой встрече, девушка не сдержала улыбки: она не могла понять, как ей удалось принять за бандита обладателя этого чудесного голоса, даже издали волнующего ее сердце.

– Сичжин? Это Моён.

– Закончили наконец?

– Мне сказали, вы приходили и ушли.

– Впервые в жизни на свидание со мной не явился доктор.

– Пришлось делать экстренную операцию.

– Он выжил?

– Кто?

– Пациент, которого вам пришлось оперировать.

– А, да. Нам удалось его спасти.

– Вы удивительная... Вы звоните со своего личного телефона?

– Да.

– Значит, сохранили мой номер? – лукаво спросил Сичжин, и сердце Моён сладко сжалось.

– Сохраните мой тоже.

– Завтра обязательно хочу вас увидеть.

– Вы всегда так напористы?

– Я имею в виду, мне необходимо сделать перевязку. – У Сичжина явно имелся талант играть женскими чувствами

– Я так и поняла, – поспешно заверила Моён и слегка прикусила нижнюю губу.

– Нет, не так. – По голосу Сичжина чувствовалось, что он широко улыбнулся.

– Надо доверять своему врачу. Вы принимаете лекарство?

– А если не буду, мне станет хуже? Смогу лечь в больницу?

Моён продолжала поражаться этому человеку. Как у него получается превращать обычный разговор в захватывающее дух приключение? Моён не думала, что такие мужчины вообще существуют. Он не говорил ничего особенного, не делал ей комплиментов, но сердце девушки билось все чаще и чаще.

– Во сколько вам будет удобно прийти? – спросила Моён, внутренне взмолившись, чтобы завтра не случилось незапланированных операций.

– Может быть, увидимся прямо сейчас?

От неожиданности Моён чуть не выронила телефон. Она взглянула на часы, висящие на стене. Девять вечера, на улице уже стемнело.

– Не хотите? – поторопил ее с ответом Сичжин.

– Я не против. Буду вас ждать.

Моён улыбалась, несмотря на осенний сезон ощутив внезапный жар лета. Однако как только она закончила разговор, нежданный летний день взорвался громом и молнией. Даже стихийное бедствие показалось бы сейчас меньшей катастрофой: девушка поняла, что ей нечего надеть на свидание.

Моён помчалась к доктору Пхё, своей лучшей подруге с детства. Она безгранично доверяла доктору Пхё: случись Моён убить человека, подруга бы и тогда осталась на ее стороне. У доктора Пхё были парализованы ноги, из-за чего она передвигалась в инвалидной коляске, но это не мешало ей быть абсолютно уверенным в себе, жизнерадостным человеком, а также блестящим профессионалом. Конечно же, у подруги нашлись для Моён одежда, косметика и несколько ободряющих слов.

Впопыхах завершив приготовления, девушка подошла к зеркалу, чтобы еще раз проверить макияж. В этот момент зазвонил телефон, на экране высветилось имя Сичжина.

– Вы уже здесь? – спросила она, с удовлетворением смотря на собственное отражение в зеркале.

– Да, я в больнице, но... Возникла непредвиденная ситуация, я должен уйти.

– Прямо сейчас? Где вы?

– На крыше.

– Где?!

Моён нахмурилась. Она не могла понять, что происходит: то ли случилось что-то странное, то ли странным был сам этот человек.

Сичжин сказал, что поднялся на крышу больницы, и она отправилась туда сразу же, как только они закончили разговор. Он и в самом деле стоял там, глядя в ночное небо, затянутое облаками. Моён была озадачена даже больше, чем во время их недавней телефонной беседы, когда каждая фраза Сичжина звучала для нее неожиданно.

– Что вы здесь делаете? – спросила Моён, подходя ближе.

– Прошу прощения, но в этот раз наше свидание не состоится из-за меня, – отчужденным голосом ответил Сичжин.

Послышался звук приближающегося вертолета.

– Наверное, привезли срочного пациента, – предположила Моён, вглядываясь в небо.

– Нет, это летят за мной.

– За вами? Сюда? Неужели началась война? – воскликнула девушка, думая, что Сичжин снова шутит.

Звук вертолета становился все ближе.

– Возможно, где-то и началась. Но точно не здесь, не волнуйтесь.

Поток воздуха, разгоняемого лопастями вертолета, ворвался в пространство между ними.

– Тогда почему вертолет прилетел за вами?

– Я все объясню. Позже. Только пообещайте мне одну вещь!

Вертолет сел на крышу. Сичжин заторопился, перекрикивая оглушительный шум:

– Давайте встретимся в следующие выходные! Не в больнице, а где-нибудь в другом месте!

– Вы не будете приходить на перевязку? – Голос Моён внезапно дрогнул.

– Я вернусь полностью здоровым! Пойдете со мной в кино?

Дверь вертолета открылась, изнутри выглядывали люди в военной форме. Сичжин махнул им рукой и снова повернулся к Моён.

Взяв ее за плечи, он продолжил громким голосом:

– Быстрее! У меня нет времени! Вы согласны встретиться?

– Согласна! – неожиданно для себя ответила Моён, потерявшая уверенность в реальности происходящего.

– Не вздумайте забыть! – со счастливым смехом проговорил Сичжин, отпустил плечи девушки и побежал к вертолету.

Забравшись внутрь, он выглянул и помахал рукой на прощание. Не давая ей времени на ответ, вертолет резко поднялся в воздух, вызвав новую волну ветра.

Придерживая разметавшиеся волосы, Моён смотрела вслед удалявшемуся вертолету. В голову пришло, что так, должно быть, чувствовал себя принц, когда с полуночным боем часов Золушка бросилась бежать прочь. У Моён осталась не серебряная тубелька, а обещание встречи с Сичжином. Станным и удивительным Сичжином. Первая серия их романтической драмы завершилась на самом интересном месте. Моён не терпелось узнать, что будет дальше, – ведь титры пообещали, что продолжение следует.

С еще большим нетерпением «следующей серии» ждала Мёнчжу. Чувство к Тэёну не ослабевало. В их последнюю встречу в больничном коридоре Тэён изо всех сил пытался убедить ее, что все кончено, но его любящие глаза утверждали обратное.

Мёнчжу было больно не только из-за этого. Уже несколько раз она на всей скорости врзалась в стену, выстроенную Тэёном, и в такие моменты чувствовала глубокую обиду и отчаяние. Сердце ее то и дело обливалось кровью. Сколько душевных мук она испытала, отменяя непринятые телефонные вызовы, сколько страданий вынесла, беспомощно ожидая его и зная, что он не придет! Не найти таких медицинских средств, которые бы исцелили ее израненные любовью сердце и душу. И тем не менее Мёнчжу не могла отступить. Не таков был ее характер.

В их первую встречу, увидев Тэёна, увешанного тяжелым армейским снаряжением, и несколько раз спускавшегося с горы, и поднимавшегося обратно, Мёнчжу почувствовала жалость к упорному незнакомцу. А еще интерес – когда он не моргнув глазом заявил, что намерен и дальше делать то, что делает, потому что должен стать лучшим. Она продолжала думать о нем после встречи, вспоминая его обожженное солнцем лицо и запах его утомленного тела. На следующее утро он все еще занимал мысли девушки. И во время утреннего построения, и когда Мёнчжу проводила медицинский осмотр, ее мысли то и дело возвращались к Тэёну.

Вначале все это было шуткой. И когда она попросила Тэёна сыграть перед ее отцом роль возлюбленного, и когда сопровождала его на свадьбу бывшей девушки. Их не связывали чувства, и потому легко можно было задать любой вопрос. Мёнчжу спросила, сильно ли он любил прежнюю девушку. Тэён сперва не отреагировал и некоторое время продолжал идти молча.

– Почему вас это интересует? – в конце концов задал он ответный вопрос, повернувшись к Мёнчжу.

– Хочу понять, как сильно мы будем ей мстить, – ответила она.

– Я обещал, что сделаю ее счастливой, – без какого-либо особого выражения проговорил Тэён и продолжил идти.

– Скандал на свадьбе вряд ли сделает ее счастливой, – пробормотала Мёнчжу, подстраиваясь к его шагу.

– Если у нее осталась привязанность ко мне, счастья тоже не видать, – низким суховатым голосом ответил на это Тэён.

Его слова взволновали девушку.

– Так вы направляетесь на свадьбу не потому, что хотите отомстить, а потому, что беспокоитесь о ней?

В тоне Мёнчжу больше не было шутливости. Тэён взглянул на нее, но ничего не сказал. Его глаза были глазами раненого тигра. В тот момент Мёнчжу поняла, что хочет стереть печаль с лица этого мужчины и заставить его смеяться.

Она услышала его счастливый смех зимой того же года.

В тот день строевой плац был покрыт толстым слоем выпавшего снега. Попивая горячий кофе в воинском медпункте, Мёнчжу смотрела в окно. Расчищавшие снег солдаты с красными от мороза лицами устроили перекур и жаловались друг другу на судьбу. Оконная рама явно прилегала неплотно – девушка почувствовала запах сигаретного дыма. Нахмурившись и развернувшись, чтобы отойти, она вдруг услышала, как в разговоре упомянули Тэёна. Мёнчжу прислонилась к окну и прислушалась, стараясь не упустить ни слова.

Следующая фраза прозвучала очень разборчиво:

– Старший сержант Со Тэён спит с лейтенантом Юн Мёнчжу.

Девушка чуть не пролила на себя остатки кофе. Спит? Да они даже за руки не держались!

Иногда слово ранит сильнее, чем нож. Порез на теле можно зашить и вылечить, но с душой так не выйдет.

Тем же вечером Мёнчжу разыскала Тэёна в баре.

– Что ты про нас рассказываешь?

– Сказал только, что мы с тобой встречаемся. Как договорились.

Ни слова больше.

– Тогда почему в части сплетничают, что мы с тобой спим?

– Потому что у солдат развито воображение? – предположил Тэён, опрокинув в рот рюмку сочжу.

– Ты находишь ситуацию забавной? – чуть не задохнулась от возмущения Мёнчжу.

– Никак нет, – ответил он, подкладывая ей в тарелку закуску.

– Так работает мужской ум? Встречаться и спать для мужчин значит одно и то же? – продолжала недоумевать девушка, быстро расправившись с едой.

– Что поделаешь. Не придавай значения. Нам лучше всего переспать... – Тэён оборвал себя, уставившись в пустой стакан. – ... перестать думать об этом, – поставив стакан на стол, договорил он.

– Ты сказал «переспать»?!

– Я оговорился.

– О, неужели? Все мужчины только о сексе и думают. Женщина не может даже возбудиться... – внезапно вырвалось у Мёнчжу, на которую тоже подействовало спиртное.

Девушка густо покраснела.

– ...не может даже возмутиться! – прокричала она и спрятала пылающее лицо в ладони.

Тэён взял ее руки в свои и посмотрел прямо в глаза.

– Вряд ли мы сможем заставить их думать по-другому. Но я знаю, как мы можем изменить свое отношение к происходящему.

Продолжая держать руки девушки, он закончил:

– Надо превратить сплетни в реальность.

Именно в этот момент он впервые рассмеялся.

За окном все еще шел снег. Тэён смеялся, с нежностью глядя на девушку. Мёнчжу никогда раньше не слышала такого теплого и ласкового смеха.

С того дня начался новый этап в их отношениях. Этап, который можно было назвать «я счастлив уже от того, что ты существуешь на свете».

Но потом все изменилось. Она не могла сказать, когда точно это началось, но Тэён перестал ей улыбаться. Его глаза опять стали грустными, и однажды он сообщил, что им стоит расстаться. Но к тому моменту она уже очень хорошо его понимала. Мёнчжу знала, что за этой маской скрывается настоящий Тэён, который по-прежнему хочет дарить ей радость.

Мёнчжу стояла у окна медпункта и смотрела в ночное небо. Как далеко уже улетел вертолет, забравший Тэёна? И он, и Сичжин, и другие члены группы «Альфа» направлялись в Афганистан. Им предстояло участвовать в операции по поиску и освобождению сотрудников ООН, захваченных силами Талибана^[2]. Отец Мёнчжу

командовал войсками специального назначения, и девушка лучше других представляла, с чем приходится сталкиваться спецотрядам. Знала, что даже секундная небрежность может привести к гибели; знала, что каждый шаг солдата может оказаться последним.

– Возвращайся живым и невредимым. Возвращайся во что бы то ни стало. Наша история еще не закончена, – глядя в небо, беззвучно молила Мёнчжу.

Каждый день в операционной шли свои сражения.

От настоящей войны эти сражения отличаются тем, что врачи бьются не за смерть, а за жизнь пациентов. И тем не менее не каждая битва заканчивается победой. Пациент может скончаться и на операционном столе, и в реанимации, и в палате, и даже еще до того, как окажется под скальпелем хирурга. Смерть находится ближе, чем кажется.

В силу своей профессии Моён не раз и не два видела смерть. Но сколько с ней ни сталкивайся, привыкнуть к этому невозможно. При виде того как сердце пациента переставало биться, Моён чувствовала, что ее сердце тоже останавливается; когда пациент истекал кровью от разрыва аорты, ее душа кровоточила вслед. Это вовсе не значит, что эмоции затмевали ей рассудок. В хладнокровии и рациональности Моён превосходила многих. Она не терялась даже в самых сложных ситуациях, когда жизнь пациента висела на волоске, и действовала в критические моменты быстро и точно.

Однако это умение пришло далеко не сразу. Было время, когда перед очередной операцией она готовилась ночи напролет. И когда Моён встречала врачей, не прикладывающих таких же усилий, она не могла не осуждать их.

В больнице «Хэсон» как раз имелся такой недобросовестный врач. Ее звали доктор Ким, она была дочерью основного акционера больницы и бывшей однокурсницей Моён. Бесталанная, но умевшая пускать пыль в глаза, доктор Ким была худшим представителем богатого класса.

– Если подводят руки – больше практикуйся; если подводит голова, то хотя бы не лезь куда не следует! Почему она вздумала быть именно хирургом?! – разгневанно воскликнула Моён, едва успев выйти из операционной.

Она была вне себя из-за доктора Ким, которая все еще оставалась внутри. Только что доктор Ким чуть было не отправила пациента на тот свет, и у Моён темнело от злости в глазах, когда она перебирала в памяти случившееся.

Это была не очень сложная операция. Моён должна была ассистировать заведующему хирургическим отделением профессору Паку. Однако вместо профессора в операционную вошла доктор Ким. В ответ на изумленный взгляд Моён она сообщила, что профессор попросил его подменить, так как у него накладка в расписании и его присутствие требуется в университете. Куда он и отправился, прихватив с собой доклад, который всю ночь писала для него Моён, и оставив за главного вовсе не ее, а доктора Ким. Ту самую доктора Ким, которая целых четыре раза проваливала экзамен на специальность, постоянно ошибалась в диагнозах и из-за которой больнице даже вчинили судебный иск. Ту самую доктора Ким, которую уже сотню раз выгнали бы с работы, если б не ее отец. Моён закипела от возмущения.

– Я слышала, ты и в этот раз писала доклад профессору? – спросила доктор Ким.

Скальпель в ее руке словно целился в душу Моён.

До тех пор состояние пациента было стабильным.

– А я слышала, ты подарила ему еще одни часы, – отбила удар Моён.

Из разреза на теле пациента начал обильно выступать гной. Моён передала марлевые тампоны.

– Ты ведь каждый раз пишешь за него доклады? Хочешь выбиться в любимчики?

– В любимчики хочет выбиться тот, кто дарит дорогие часы. Я всего лишь хочу признания моих способностей... Что происходит? Что ты сейчас сделала? – вдруг вскрикнула Моён.

Все случилось мгновенно. Доктор Ким неосторожно задела артерию. Раздался предупреждающий писк аппаратуры, контролировавшей состояние пациента. Монитор демонстрировал критические показатели пульса и давления человека на операционном столе.

С этой минуты и до конца операции доктор Ким стояла столбом, лишь вздрагивая время от времени. К счастью, Моён смогла справиться без ассистента, и беды удалось избежать.

Из операционной Моён вышла, вся забрызганная кровью. Она зашла в душевую и скинула окровавленную одежду. Густой запах заполнил помещение. Ноги Моён подкосились, и она едва не рухнула

на пол. Стоило улечься волнению, как на его место пришла неодолимая усталость.

Моён почувствовала, как сильно она голодна. Ей пришлось по неотложному вызову приехать в больницу еще на рассвете, и за весь день она успела лишь один раз наспех перекусить. Страшно уставшая и голодная, Моён, ко всему прочему, не находила себе места от беспокойства.

Скоро должно было состояться заседание комиссии, на которой решали, кому присвоить профессорское звание. И тот факт, что заведующий отделением назначил сегодня оперирующим хирургом не ее, а доктора Ким, был очень тревожным сигналом. Неужели ее снова используют и обойдут? Моён крепко сжала губы и обхватила руками голову.

Внезапно она подумала о Сичжине. «Вероятно, это от стресса», – нашла для себя оправдание девушка. Прошло уже три дня с тех пор, как за ним прилетел вертолет, а Сичжин еще ни разу с ней не связался. Его рентгеновский снимок – вот и все, что осталось у Моён в доказательство об их встрече.

Стоял последний день октября. Сичжин ждал Моён, наблюдая за выходом из больницы. Девушка как раз закончила работу и собиралась домой. Увидев Сичжина, она удивилась так, будто на ее глазах тыква превращалась в роскошную карету.

– Как дела? – крикнул Сичжин.

Только после этого Моён пришла в себя и, ойкнув, быстро прикрыла лицо сумочкой. Она провела в больнице двое суток подряд и выглядела не лучшим образом.

– Почему вы здесь? Мы должны встретиться только через два часа. Или я что-то перепутала?

Сичжин подошел ближе.

– Нет-нет, я приехал намного раньше. Хотел насладиться ожиданием встречи. Ни с чем не сравнимое удовольствие, когда есть кого ждать.

– Но приезжать ради этого за два часа?!

– Почему вы закрываете лицо? – насмешливо поинтересовался Сичжин.

– Потому что не хочу, чтобы вы меня сейчас видели. Я без макияжа. Собиралась зайти домой, вымыть голову и переодеться.

Казалось, Моён сейчас расплачется.

– Вы замечательно выглядите, – улыбнувшись, заверил Сичжин.

– В самом деле? Как, интересно, мне это удастся? Наверное, помогает внутренняя красота. Раз вас устраивает, могу я впредь не умываться? – фыркнув, проговорила Моён и опустила сумку.

– Идемте, довезу вас до дома, – лукаво ответил Сичжин, подошел к машине и открыл пассажирскую дверцу.

– А, значит, все-таки не устраивает.

Надув губки, Моён уселась в машину. Ее поведение забавляло Сичжина. Устроившись за рулем, он ласково посмотрел на девушку. Избегая его взгляда, она пристегнула ремень безопасности. Сердце ее сладко сжималось. Над ними простиралось неописуемо прекрасное синее небо. Последний октябрьский день неторопливо клонился к вечеру.

Моён жила в небольшом частном доме, одном из нескольких в жилищном комплексе мало отличавшихся друг от друга строений. В таких обычно селятся хорошо зарабатывающие люди, не успевшие обзавестись семьей, либо молодожены. У каждого дома был отдельный двор с небольшим цветочным садиком; за цветами ухаживали работники жилищного комплекса.

Как и подобает хозяйке, Моён открыла ворота и первой зашла во двор. Она с облегчением подумала, что в доме порядок, и первый раз в жизни мысленно возблагодарила работу за то, что та отнимает много времени, лишая возможности проводить его дома.

– Заходите. Тут прибрано. Нет времени даже устроить беспорядок. Я быстро помою голову и вернусь.

Моён было немного неловко. Впервые в ее доме находился мужчина, который не был ни посыльным, ни служащим комплекса, ни ее товарищем по работе. Даже не предложив Сичжину присесть, Моён поспешила в ванную комнату, но неожиданно вернулась.

– Я сегодня еще не ела, страшно проголодалась. Может, закажем еды и пообедаем вместе? – выпалила она.

– Я хотел пригласить вас в ресторан и угостить чем-нибудь особенным... Вы уверены, что хотите доставку?

Сичжин расположился на диване. В отличие от Моён он выглядел спокойным и уверенным, словно это он был у себя дома. Он даже успел приоткрыть окно. Теплый осенний ветерок теребил штору и доносил до Моён запах свежей мяты, исходивший от мужчины.

– Раз удастся поесть с приятным гостем, доставка меня абсолютно устроит.

Моён наконец-то перестала нервничать. Сичжин с интересом смотрел на девушку. Их глаза встретились, и на мгновение весь мир замер; кроме них двоих сейчас ничего не существовало.

– Вы думали обо мне?

– Конечно думала. А вы обо мне?

– Очень часто. Как и положено мужчине.

Моён рассмеялась шутливому ответу.

Так началось их первое свидание.

До тех пор пока они не пришли в кинотеатр, все было прекрасно. Настроение не испортил даже маленький инцидент – не зная о том, что должны отключить воду, Моён не успела смыть шампунь и осталась с намыленной головой. К счастью, в холодильнике имелись бутылки с водой, так что проблему удалось решить быстро. Как бы неуклюже она себя ни вела, казалось, что Сичжин смотрит на нее все с большим обожанием.

Пока они ели заказанную на дом еду, за окном стемнело. Моён и Сичжин решили отправиться в кино, как раньше и договаривались.

Сверкающие огнями улицы, торопливо снующие машины, неиссякающий людской поток, похожие друг на друга кафешки, маленькие магазинчики, рестораны... Привычный пейзаж ночного города казался сегодня чем-то чудесным и новым. Моён радовалась и удивлялась всему, что попадалось ей на глаза. Выходя из больницы, она чувствовала смертельную усталость, но сейчас была крайне оживлена. Трудно было поверить, что все это происходит на самом деле. Казалось, время повернулось вспять, и Моён снова стала маленькой любопытной девчонкой. Она боялась, что происходящее внезапно исчезнет, сказочная реальность лопнет, как мыльный пузырь.

В кинотеатре торгового центра был настоящий аншлаг. Моён и Сичжин не шли на какой-то конкретный фильм, поэтому просто выбрали сеанс, который начинался раньше других. За десять минут до начала они зашли в полутемный зал и сели рядом, поставив посередине ведерко с попкорном.

– Когда прихожу в кинотеатр, самый волнующий момент для меня – перед тем как полностью выключают свет, – полушепотом призналась Моён.

– Для меня сейчас вообще самый волнующий момент моей жизни. Я сижу рядом с красивой женщиной, и скоро мы окажемся в темноте...

– Рядом со старой, вы хотели сказать?

– О, тут так плохо видно, я подумал, что вы красавица.

Моён бросила на спутника притворно негодующий взгляд. Тот весело рассмеялся реакции девушки.

В этот момент в кармане Сичжина завибрировал телефон. Моён заметила, как изменилось его лицо, когда он увидел имя звонящего. Слегка развернувшись от девушки, Сичжин нажал кнопку ответа.

– Капитан Ю Сичжин слушает... Вас понял... Так точно.

Сичжин становился все серьезнее. Закончив разговор, он некоторое время молчал, вертя в руках телефон.

Не выдержав, девушка спросила:

– Что-то случилось?

– Мне придется уйти, – прозвучал неожиданный ответ.

Моён не представляла, как стоит вести себя в такой ситуации.

– Прямо сейчас?

– Да. Мне очень жаль.

– Опять меня бросаете?

– Мне действительно жаль. Давайте уйдем и посмотрим этот фильм в другой раз?

Сичжин явно искал лучший выход из сложившегося положения. Моён пыталась делать то же самое.

– Пожалуй, я останусь и посмотрю сейчас. Вы можете идти.

Моён пыталась сделать вид, что все в порядке, однако Сичжин понимал, что девушка расстроена.

– Не хочется оставлять вас, в другой раз вместе...

– Нет-нет, все хорошо. Не переживайте.

– Я вам позвоню.

Сичжин ушел, оставив Моён одну. Она не смотрела вслед, когда он спешно покидал зал. Свет погас, начался фильм, но Моён не испытывала интереса, словно уже знала, чем все закончится.

Ждать «следующей серии» их драмы, похоже, не имело смысла. Чары развеялись в последний день октября, еще до того как часы пробили двенадцать.

Когда Моён услышала новость, ее нервы уже были на пределе.

Только что в больничном коридоре случилась настоящая потасовка с мужем одной пациентки. Эта пациентка, женщина чуть за шестьдесят, некоторое время назад поспешно выписалась из больницы, категорически отказавшись от операции, которая была ей необходима.

Операцию, которая привела бы к расширению сосудов, Моён предложила месяцем ранее, когда женщина попала к ним с жалобами на давящую боль в груди и затрудненное дыхание. Пациентка знала, что у нее стенокардия, но по настоянию мужа отказалась от предложения врача. Попросила лишь выписать «лекарства, очищающие сосуды», о которых была наслышана. Моён пыталась переубедить пациентку, объясняя, что без операции существует угроза инфаркта, но все было бесполезно. Хуже того, муж устроил скандал, заявив, что больница не имеет права удерживать пациентов, и потребовал немедленной выписки. Объяснения Моён, что лечение пациентов – не право, а обязанность врача, не подействовали, и пара чуть ли не бегом покинула больницу.

Прошел всего лишь месяц, и машина скорой помощи доставила эту же пациентку. Женщина была без сознания и уже не могла дышать самостоятельно. Низкий уровень кислорода в крови, легочное дыхание ослаблено. Требовались интубация трахеи и подключение к аппарату искусственной вентиляции легких, но снова вмешался муж. Заявил, что он против подключения аппарата, и сослался на право отказаться от искусственного продления жизни. Моён на секунду забыла, что она врач, ее кровь закипела от гнева. Убивают не только оружием. Если не пытаться спасти человека, которого можно спасти, – это тоже убийство. Пациентка даже не была дряхлой старухой, ей не так давно исполнилось шестьдесят. Вцепившись в пиджак мужчины, Моён умоляла разрешить помочь его жене. Но он стоял на своем и в итоге подписал все необходимые документы. Тем временем у пациентки зафиксировали смерть головного мозга.

К отчаявшейся Моён, безвольно сидевшей в кресле, нерешительно подошел молодой доктор Чхихун, первый год

стажировавшийся в больнице. Именно он сообщил ей новость: комиссия и на этот раз отвергла кандидатуру Моён. Профессорское звание получила не кто иная, как доктор Ким, дочь основного акционера больницы.

– Вы же сказали, я получу повышение. Лично сказали, что теперь это буду я. Это уже в третий раз! Сначала решили, что я слишком молода, потом вместо меня повысили коллегу, который помогал вам писать диссертацию...

Моён прилагала усилия, чтобы ее голос не звучал слишком жалобно. Заведующий отделением сидел за столом в расслабленной позе, закинув ногу на ногу, время от времени ковырял пальцем в ухе или поправлял лежащие на столе бумаги, всем своим видом демонстрируя пренебрежение к стоявшей перед ним Моён.

– Я тебе ничего не обещал! С чего ты взяла, что это решенный вопрос? – в конце концов обратился он к девушке недовольным тоном.

– У меня просто нет слов. Видимо, хорошие связи – единственный талант, который здесь ценится. Кто будет в следующий раз? Чей-то зять? Чей-то племянник? Хотя бы один раз из трех может получить повышение человек, который достоин этого в силу своих способностей?

– Похоже, четвертая попытка тебе не нужна вовсе?

– Как вы можете так говорить!..

И этот человек был ее наставником, для которого она ночи напролет готовила доклады! Если бы было возможно вернуться в прошлое, с каким удовольствием она порвала бы в клочья все диаграммы и графики, что составляла по ночам из последних сил, все бесконечные библиографические списки, все отчеты, которые выпрашивала у интернов!

В этот момент раздался стук в дверь, и в кабинет вошла доктор Ким, одетая в дорогой костюм ярко-желтого цвета. В руках она держала внушительной толщины журнал. Заведующий радостно вскочил и направился ей навстречу.

– Профессор Ким! Мы как раз закончили. Передайте доктору Кан материалы для телепрограммы и присоединяйтесь к нам с профессором Паком. Мы поедем в его машине, – протараторил он, словно в нем что-то переключилось, и поспешно покинул кабинет.

– Да, сейчас буду, – успела ответить доктор Ким елеиным голосом.

– Подождите! – попыталась остановить его Моён, но дверь уже захлопнулась.

– Слушай внимательно, – начала доктор Ким, помахивая журналом перед лицом Моён. – Завтра пойдешь вместо меня сниматься в телепрограмме. Мне сегодня допоздна праздновать с профессорами.

– Мне идти вместо тебя? – холодно переспросила Моён.

– Придется. Я теперь имею полное право давать тебе поручения. Это будет прямой эфир, так что не вздумай наделать ошибок. Вот это надо будет выучить наизусть. Больница вложила в проект кучу денег.

С видом, словно подает нищему, доктор Ким протянула Моён журнал.

– Что, если я откажусь? – повысила голос Моён, отшвырнув журнал.

– Откажись и узнаешь, – хохотнула доктор Ким.

– Ужин сегодня, программа завтра – почему я должна идти вместо тебя?

– Так трудно сообразить? Мне придется пить весь вечер. Мы же празднуем мое повышение. Как, по-твоему, я встану завтра утром?

– Ты серьезно? Тебе не стыдно? Ни капли не стыдно?

– Ну, может быть, совсем чуть-чуть. Но какое это имеет значение?

По крайней мере я теперь профессор. А ты кто?

– Ну ты и гадина!

– Что ты сказала?! – Лицо доктора Ким моментально побагровело.

– Ты все прекрасно слышала. Я назвала тебя гадиной. Мне искренне жаль людей, которым придется у тебя лечиться.

Не успела Моён закончить свою гневную речь, как доктор Ким вцепилась ей в волосы. Моён в ответ схватила соперницу за длинные локоны.

– С ума сошла?

– Больно!

– Отпусти!

– Ты отпусти!

– Я сделаю все, чтобы тебя никогда не повесили!

– Вы что вытворяете?! Немедленно прекратите! – прокричал вбежавший в кабинет Санхён.

Доктор Сон Санхён был старшим коллегой Моён и доктора Ким; так же как и Моён, он не имел никаких привилегий в больнице. Ему еле-еле удалось растащить разъяренных женщин.

Соперницы с всклокоченными волосами тяжело дышали, буравя друг друга взглядом. Цокая языком, доктор Сон похлопал обеих по спине. Раздраженно оттолкнув Санхёна, доктор Ким пулей вылетела из кабинета. Только после этого Моён начала приходить в себя. Ей захотелось провалиться сквозь землю.

– Что я делаю!.. Я точно сошла с ума.

Моён чувствовала себя глубоко несчастной, но больше всего ее терзало не то, что готовая исполниться мечта осталась недостижимой, и не то, что ее предал наставник, которому она доверяла. Больше всего ранили мысли о том, что она опустилась до уровня доктора Ким, которую всей душой презирала. Моён казалась себе дешевой и грязной, и это было невыносимо. К глазам подступили слезы.

Случается, человека посещает странное ощущение, будто он живет чьей-то чужой жизнью. В тот день Моён чувствовала себя именно так. Вместо привычного стетоскопа шею украшала золотая цепочка, вместо скальпеля рука держала микрофон. Моён провела в студии большую часть рабочего дня: два часа ей пришлось просто ждать, час заняла репетиция, и час ушел на саму передачу. Просматривая сценарий в комнате ожидания, она внезапно задалась вопросом, что это за место и почему она здесь находится. С того момента ощущение неестественности происходящего не покидало ее. Compliment оператора, сказавшего, что она очень киногенична и выглядит лучше телеведущих, прозвучал для нее непонятно, как иностранная речь; зрители, сидящие полукругом от сцены, казались ей присяжными заседателями, пришедшими на судебный процесс, где она является подсудимой. Будь ее воля, Моён сбежала бы из студии куда глаза глядят. Однако другая часть ее души так же сильно желала, чтобы программа прошла без сучка без задоринки, – назло тем, из-за кого она здесь оказалась.

Результат превзошел ожидания. Ведущий умело направлял беседу в нужное русло, а Моён прекрасно смотрелась на телеэкране и отвечала уверенно и свободно, словно всю жизнь только этим и занималась. Вся страна смогла услышать ее чистый голос и оценить широкие познания в медицине. Когда трансляция закончилась, ведущий выразил Моён восхищение, заверив, что у него еще не было гостя, который бы справился лучше. Продюсер программы в вечной бейсболке, надвинутой на глаза, спросил, не сможет ли девушка сняться и в следующем выпуске. Однако самой Моён все это было не по душе. Высоченный потолок студии с висящими на нем прожекторами; строжайшая тишина во время съемки, когда невозможно даже нормально вздохнуть; пристальные взгляды зрителей, подогревающие и без того раскаленную атмосферу, – все это казалось не слишком реальным. Со стороны можно было подумать, что Моён чувствует себя как рыба в воде, но сама она ощущала себя скорее рыбой, пойманной в сети. Ей хотелось поскорее вырваться на свободу.

Ноябрьские дни становились все короче, сразу после шести вечера начинало темнеть. Моён выключила двигатель машины и откинулась на сиденье. Она страшно устала, словно вернулась домой после длительного путешествия. Заходить в пустой темный дом не хотелось. Моён подумала, не поехать ли в больницу. В этот момент включился уличный фонарь, и девушка увидела Сичжина, который стоял, прислонившись к воротам. Все еще держась за руль, девушка рассматривала гостя и пыталась представить, как прошел его день и отчего он выглядит таким утомленным.

Их взгляды встретились сквозь стекло машины. Никто не отвел глаза. Сичжин и Моён смотрели друг на друга бесконечно долго – так смотрят люди, знающие, что больше им никогда не увидятся.

Они зашли в крошечное уютное кафе недалеко от дома: даже с двумя посетителями в помещении стало совсем тесно. Хозяева здесь сами обжаривали кофейные зерна, и воздух наполнял приятный насыщенный аромат. Заведение принадлежало молодоженам. Пока мужчина готовил кофе, его молодая беременная жена читала, сидя за барной стойкой. Интерьер был украшен милыми вещицами, какие покупают для младенцев.

Сичжин и Моён сели за угловой столик. Над их головой покачивалась подвеска для детской кроватки, украшенная бабочками. Моён наблюдала за круговыми движениями игрушки.

– Я хочу вновь извиниться за прошлый раз. Мне очень жаль, что я вас оставил, – с видимым усилием начал Сичжин, когда прошло не менее получаса с тех пор, как они заказали кофе.

– Я хотела бы услышать не извинение, а объяснение, – ответила Моён, ставя на стол чашку с остывшим кофе.

Сичжин не говорил ни слова, продолжая смотреть на девушку. Его глаза казались потухшими.

– Куда вы тогда отправились? За вами снова прилетал вертолет? – обреченно вздохнув, спросила Моён.

– Нет. В этот раз не так далеко...

Взгляд Сичжина стал виноватым. Моён молчала и ждала продолжения.

– Нам не положено раскрывать информацию...

– Вот как... Вы, случаем, не шпион?

Сичжин горько усмехнулся ее шутке, прозвучавшей слишком серьезно.

– Последние дни были ужасно трудными, но я часто думала о вас. Мучилась вопросом, куда исчез мужчина, который успел мне понравиться. Пыталась представить, чем он может заниматься... – словно самой себе, монотонно рассказывала Моён. – И вот мы встретились, но вы не можете даже ничего объяснить, потому что вам не положено...

– Мне очень жаль.

– Специальные войска? Там вы служите?

– Что-то вроде того.

– Вы ведь говорили, что вас только ямы заставляют копать?

Сичжин снова печально улыбнулся.

– Ваше ранение... В вас стреляли. Скорее всего, вам тоже приходится стрелять... Стало быть, в вашей работе случается убивать людей, и возможно погибнуть самому...

Сичжин молчал. Моён размышляла вслух, медленно подбирая слова.

– Те, в кого вы стреляете, – это только плохие люди?.. Почти каждый день, иногда больше двенадцати часов подряд, я провожу в операционной, пытаюсь помочь пациентам, часто – спасти их от смерти. Моя работа – сражаться за каждую жизнь. Ваша – охранять жизнь одних людей, отнимая ее у других.

– Я солдат, – заговорил наконец Сичжин, стараясь, чтобы слова звучали как можно мягче. – Мне приходилось участвовать в сражениях, в которых выживание и возвращение домой обоих противников были возможны лишь потому, что мы изранили друг друга. В сражениях, когда по приказу приходилось жертвовать нашим с боевыми товарищами сегодняшним днем ради лучшего «завтра» чужой страны. В сражениях, когда я мог лишь беспомощно наблюдать за смертью товарища, которому исполнилось всего тридцать три.

Сичжин замолчал на некоторое время. Было заметно, что воспоминания причиняют ему боль.

Собравшись с мыслями, он продолжил:

– Солдат действует по приказу. Я делаю все, что в моих силах, чтобы исполнить приказ, даже если другие люди не разделяют моих принципов. Я трижды терял товарищей в бою. Все они верили так же

сильно, как верю я: наша работа необходима. Потому что благодаря ей моя семья, ваша семья, все, кто нам дорог, все люди на этой планете могут жить в мире и безопасности.

– Я врач. Для меня жизнь человека священна. И я считаю, что не существует более верных идеологий и принципов.

– Вот как...

– Простите, не на такую встречу я надеялась.

– Понимаю.

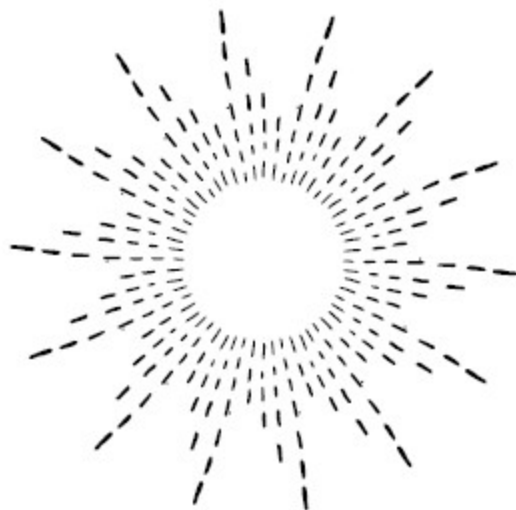
– Мне надо идти.

– Было приятно познакомиться с вами. Прощайте.

Бросив последний взгляд на Сичжина, Моён поднялась со стула. До сих пор тревожащее ее неопределимое чувство исчезло, и вместо него в душе образовалась пустота. Когда девушка вышла из кафе, ей показалось, что на улице похолодало, однако холод был в ней самой, и от него было не спрятаться. Моён сделала несколько шагов и вдруг растерялась, не сразу вспомнив, куда она направляется.

Глава 3

Новая встреча

Урук, расположенный в нижней части Балканского полуострова, когда-то был красивейшим местом и звался «Сад богов». Однако из-за долгой кровопролитной гражданской войны Северного и Южного Урука страна лежала в руинах. Поредели горные леса, растрескалась почва, отцы и матери умирали от пуль, дети – от голода. В конце концов пал диктаторский режим Северного Урука, установленный тридцатью годами ранее после революции, и у страны появился шанс на мирную жизнь. Север и Юг под наблюдением ООН заключили соглашение о прекращении огня. Произошло это два года назад. По запросу ООН в состав миротворческих сил, контролирующих поддержание мира в Уруке, были направлены и военнослужащие южнокорейской армии. Они были расквартированы в столице Южного Урука и осуществляли наблюдение за граничащей с Севером территорией.

Восемь месяцев назад все члены группы «Альфа» были переведены в состав миротворческого батальона «Тхэбэк», находящегося в Уруке. Необходимую им передышку от боевых заданий Сичжин и его подчиненные получили по приказу командующего войсками специального назначения генерал-лейтенанта Юна. Тем не менее Сичжин не был рад переводу. Причиной тому являлась Моён.

Когда он думал о девушке, ему всегда становилось горько. Хотя они виделись всего несколько раз и рано было говорить о серьезных отношениях, Моён по-настоящему запала ему в душу. Получалось, что каждое свидание Сичжину приходилось прерывать, пусть и не по своей воле. Расставание на крыше больницы, в кинотеатре... Он не мог ей ничего объяснить, и, разумеется, девушка не понимала его поведения. Поэтому Сичжина не удивили ее последние слова, сказанные в кафе. «Не на такую встречу я надеялась»... Каждый раз, когда Сичжину становилось одиноко и красота Урука не могла отвлечь его от грустных мыслей, он размышлял о том, как все могло повернуться, если бы его не отправили служить в другую страну; спрашивал себя, была бы у него возможность снова расположить к себе сердце девушки.

На земле все еще были заметны следы прошедшей войны, но война совсем не коснулась ослепительно прекрасного неба. Сидевший в военном джипе Сичжин отложил карту местности и посмотрел вверх. Снова вспомнилось ее лицо. Когда Сичжину удавалось выйти в интернет, он всегда старался поискать новости о Моён. Девушка продолжала появляться на телевидении. Судя по всему, зрители были совершенно очарованы ее прямоотой, ее чистым и звонким голосом, ее пленительной красотой. Только на фотографиях в газетах Моён почему-то не выглядела счастливой.

– Спишь? – спросил Тэён, приближаясь к джипу.

– Погружен в глубокую думу о долге миротворца, – извернулся Сичжин, продолжая сидеть с закрытыми глазами.

Усмехнувшись, Тэён протянул фляжку.

– Хочешь холодный кофе?

– Предпочитаю воду, – ответил Сичжин, вытаскивая бутылку и улыбаясь другу.

В этот момент поступило радиосообщение от сержанта Има: в зоне Б4 был обнаружен взрывоопасный предмет. Сичжин и Тэён сразу же отправились к месту находки.

Сержант Им и младший сержант Кон ограждали территорию желтой сигнальной лентой. В центре вскопанного участка находился объект, похожий на неразорвавшийся артиллерийский снаряд. Солдат, уже осмотревший его, подтвердил, что это стреляный неразорвавшийся боеприпас большой разрушительной силы – стоило неосторожно задеть, и взрыва не миновать.

Сичжин вопросительно посмотрел на Тэёна. Тот сморщил нос, почесал затылок и в конце концов кивнул. Несколько минут спустя Тэён, одетый во взрывозащитный костюм, приступил к обезвреживанию. Ему пришлось немало попотеть, прежде чем удалось полностью откопать снаряд и извлечь взрыватель.

Отряд «Моуру», которым Сичжин командовал в Уруке, в основном занимался поиском и снятием наземных мин, оставшихся на приграничной территории со времен гражданской войны. Иногда, как сегодня, они обнаруживали мощные неразорвавшиеся боеприпасы. В таких случаях требовалось составить рапорт и запросить содействия американских военных, но Сичжин предпочитал обходиться

собственными силами. Время от времени они обезвреживали чрезвычайно опасные осколочные мины для стрельбы из 82-миллиметровых минометов советского производства, которые использовал Северный Урук во время войны. В таких случаях обычно работал Тэён – специалист в минно-подрывном деле. Однако подобные подвиги отряда Сичжина вызывали лишь раздражение у подполковника Пака, командующего миротворческим батальоном «Тхэбэк».

Подполковник был сухопарым мужчиной лет сорока пяти. Он называл себя принципиальным приверженцем порядка и правил, но на взгляд Сичжина, просто был ограничен в свободе действий, находясь под постоянным контролем ООН и американских военных – подполковнику не оставалось ничего другого, кроме как ловить каждое их слово.

– Думаете, раз ваш отряд работает вдали от штаба, вы можете позволять себе все что угодно, наплевав на регламент и указания старшего по званию? Сколько раз я должен внушать, чтобы вы обращались к американцам, когда находите неразорвавшиеся снаряды?! Кто это сделал? Какой идиот проявил инициативу, я спрашиваю?! – громогласно требовал ответа подполковник Пак, сверля глазами Сичжина и Тэёна, стоявших перед ним по стойке смирно.

На протяжении восьми месяцев снова и снова повторялся один и тот же разговор. Наказание тоже было всегда одинаковым – им опять придется совершить длительную пробежку в полном армейском снаряжении весом в пару десятков килограмм. Сичжин всегда беспрекословно следовал приказам, но по веской причине уклонялся от обязанности связываться с американцами: по вверенной ему территории бесстрашно сновали местные ребяташки, и Сичжин не мог рисковать их жизнями, ожидая приезда специалистов из службы по обезвреживанию боеприпасов.

Это были вечно голодные мальчики и девочки, многие из которых потеряли родителей во время войны. Гуманитарной помощи было недостаточно, чтобы решить проблему продовольствия, и голодная детвора пыталась отправить в рот самые неожиданные вещи, облизывая даже найденные на земле железки. Целыми днями бродя по округе в поисках еды, дети могли в любой момент наткнуться на взрывоопасный объект. Пусть Сичжину и приходилось делать по сотне

кругов с армейским рюкзаком на плечах, он был намерен и впредь защищать этих детей. Тэён полностью разделял убеждение друга. Выслушав разнос подполковника и получив наказание, Сичжин и Тэён побежали очередной марафон, истекая потом и обмениваясь шутками.

Отвесные склоны гор; широко раскинувшиеся малахитовые луга; изумрудное море; необъятное небо; зеленые лесистые холмы; деревни, пострадавшие от обстрелов; незаживающие шрамы войны на оштукатуренных стенах зданий; пастельно-розоватые крыши; колонны, возвышающиеся подобно останкам древнегреческого храма; полуразрушенная церковь в португальском стиле, где теперь расположились воинские казармы, – наверху развевается флаг Республики Корея; тренировочная площадка, усыпанная полевыми цветами, по которой бегут строем двадцать с лишним молодых бойцов, обнаженных по пояс, – все это открылось взгляду Сичжина, взобравшегося на холм неподалеку от места, где расквартировался его отряд. В пейзаже причудливо переплетались девятнадцатое и восемнадцатое столетия, но совершенно отсутствовал двадцать первый век. Тем не менее Сичжину здесь нравилось. Тут не было четких линий, но, словно на картине Клода Моне, гармонично смешивались цвета и свет, и это трогало загрубевшую душу капитана. Возможно, он даже слишком прикипел сердцем к этим местам. Восемь месяцев оказались ничтожно малым сроком для того, чтобы перестать думать о неудавшейся любви, но более чем достаточным для того, чтобы оказаться очарованным красотой местной природы.

Сичжин, сидевший на нагретом полуденным солнцем камне, достал блокнот и проверил расписание. Похоже, им предстоял спокойный день: на сегодня не было запланировано ни разминирований, ни тренировок. Он поднялся, подумав, что часов в пять стоит съездить с Тэёном к месту строительства электростанции в демилитаризованной зоне Урука. Вдруг что-то загрохотало так, что показалось, лопнут барабанные перепонки. Это не было похоже на стихийное бедствие. Сичжин стал бегом спускаться с холма, одновременно пытаясь рассмотреть, что происходит.

– Главный пост, я Большой босс, прием. Доложите обстановку, – на ходу отправил он сообщение сержанту Иму.

– Я Пикколо, прием. Без происшествий. Подозреваем аварию на горной дороге, – поступил ответ сержанта.

Горная дорога была очень узкой и незаасфальтированной, на ней нередко случались аварии. Не было предусмотрено и защитных ограждений: малейшая ошибка водителя могла привести к тому, что автомобиль сорвется вниз.

В этот раз перевернулся огромный грузовик ООН. Прежде всего следовало проверить, есть ли выжившие. Сичжин и Тэён стали спускаться к грузовику, а солдатам велели наблюдать за территорией.

Уткнувшийся лицом в руль мужчина в форме гуманитарного подразделения ООН был мертв – Тэён проверил его пульс и отрицательно покачал головой. Внезапно послышалось движение с другой стороны машины. По знаку Сичжина Тэён осторожно направился к источнику звука. Сичжин продолжал осматривать кабину. Он не мог понять, что именно его тревожит, но что-то было не так. На предплечье погибшего водителя Сичжин увидел татуировку Иностранного легиона.

– Стой! Руки вверх! – приказал Тэён по-английски.

Быстро забрав ключи от фургона грузовика, Сичжин поспешил на помощь.

– Не стреляйте! Не стреляйте! ООН! – кричал коротко стриженный мужчина, указывая пальцем на логотип ООН на своей футболке.

По сигналу Сичжина Тэён приблизился к мужчине и проверил, есть ли у него оружие. Тот был безоружен. Он дружески улыбался, демонстрируя белоснежные зубы, однако Сичжина не оставляло тревожное чувство. Сказав, что сильно ударился головой, и продолжая болтать, мужчина шаг за шагом стал медленно приближаться к кабине со стороны водителя. Не спускавший с него глаз Сичжин бросил Тэёну ключи от фургона.

Тэён отправился проверять груз, а Сичжин осторожно подошел к кабине. Он увидел, как выживший в аварии лихорадочно шарит по полу, пытаясь отыскать ключи. Поняв, что их забрали, мужчина резко засунул руку под сиденье и вытащил пистолет. Сичжин среагировал моментально: прикладом винтовки выбил пистолет, прижал незнакомца к кабине и скрутил ему руки за спиной. Сотрудники гуманитарного подразделения ООН никогда не имели оружия.

Солдаты, охранявшие территорию, спустились и увели с собой задержанного.

– Капитан! – позвал Тэён.

Сичжин поспешил к старшему сержанту. В коробках гуманитарной помощи ООН, заполнявших фургон грузовика, были спрятаны автоматы Калашникова и другое оружие. Сичжин и Тэён помрачнели. Скорее всего, схваченный ими мужчина и погибший водитель грузовика были членами банды, нелегально торговавшей оружием с Северным Уруком. Документы и машина ООН были лишь маскировкой.

Военные действия между Севером и Югом закончились, но не прекращалась борьба с наводнившими страну преступными группировками. Бандитам удавалось обходить наблюдение ООН, и они наживались на торговле оружием, наркотиками, алмазами, человеческими органами. Настоящие чудовища в человеческом облике. Преступники шли на всевозможные уловки, чтобы пересечь границу. В этот раз они выдавали себя за сотрудников ООН.

– Придется писать рапорт, – вздохнул Тэён.

– У них там, должно быть, бумажные Гималаи, – в тон ему ответил Сичжин и представил, что вместо сияющего солнца за ними сверху пристально наблюдает подполковник Пак.

Прибыв в штаб «Тхэбэка», Сичжин отправился напрямик в кабинет командующего миротворческим батальоном.

– ...подозреваемый в причастности к деятельности преступной группировки и труп его предполагаемого сообщника переданы полиции. У меня все, – закончил Сичжин свой доклад.

– Ты ведь понимаешь, что речь не о торговцах игрушечными пистолетами из местной лавочки? Никто не знает, с кем они могут быть связаны и какие у них покровители. Группе «Альфа», конечно, страх неведом, но и для преступников не существует ни страха, ни закона. Они же торговцы оружием, другими словами, торговцы смертью. Лучше вообще не сталкиваться. Ты и сам мог бы сообразить. Нам с тобой осталось пробыть здесь совсем недолго. Как вернемся, получим продвижение по службе, так что не ввязывайся в то, во что можно не ввязываться, понял меня?

– Так точно!

– Жду детального письменного рапорта.

– Есть!

– И возьми вот это. Срочный перевод из твоего отряда. Один человек, – передал подполковник бумагу Сичжину.

Это был приказ по личному составу.

Пробежав документ глазами, Сичжин нахмурился:

– Старший сержант Со Тэён?

– Перевод в войска специального назначения. Приказ командующего.

На документе стояли печать и подпись генерал-лейтенанта Юна. Прекрасно зная историю Тэёна и Мёнчжу, капитан испытывал смешанные чувства. Как солдат он уважал генерал-лейтенанта, но как человек считал его отношение к Тэёну несправедливым.

Первая встреча Тэёна с генерал-лейтенантом Юном как отцом его любимой девушки состоялась два года назад. Генерал-лейтенант переживал за дочь, и ему хотелось знать намерения Тэёна. Старший сержант проверял экипировку после учений, когда его вызвали в кабинет начальника.

– Старший сержант Со Тэён, – твердым голосом приветствовал его командующий.

– Старший сержант Со Тэён прибыл, – по уставу ответил Тэён.

– Ты встречаешься с моей дочерью?

– Так точно, – решительно подтвердил Тэён.

Прищурив глаза, генерал-лейтенант некоторое время рассматривал собеседника, затем заговорил:

– Меня волнует будущее Мёнчжу. И я бы хотел, чтобы тебя тоже волновало ее будущее. Думаю, ты знаешь, что должен сделать. Я имею в виду самый разумный из поступков.

– Это приказ?

– Я надеюсь, мне не придется приказывать, но если будет необходимо, отдам и приказ. Тебе решать, до каких пор наши с тобой отношения останутся в рамках вежливости.

Слова генерал-лейтенанта вонзались кинжалом в сердце Тэёна. Чтобы глаза не выдали чувств, Тэён опустил взгляд. Командующий еще некоторое время холодно и жестко смотрел на него.

После этого разговора Тэён и Мёнчжу не могли больше встречаться так же часто, как прежде. Каждый из них получил перевод в другую воинскую часть, и, чтобы увидеться, им приходилось ехать по три часа в одну сторону. Тэён прекрасно понимал, кто стоит за внезапным решением о переводе.

Тэёна обижало и злило, что отец Мёнчжу не считает его достойным своей дочери. Но все же он решил расстаться с девушкой не из-за этого. Причина была другой. Мёнчжу не получила очередного продвижения по службе, и это было наказанием за то, что они продолжали встречаться. Тэён знал, как высоко девушка ценит свою профессию и гордится ей. И хотя Мёнчжу была спокойна и

утверждала, что все в порядке, Тэён не мог больше терпеть. Мысль о том, что он ломает жизнь девушке, была невыносима.

Генерал-лейтенант был жестким человеком. Человеком, который готов был отказаться от дочери, если бы от нее не отказался Тэён. Старший сержант не мог допустить, чтобы его любимая потеряла отца. Поэтому у него не оставалось другого выхода, кроме как пожертвовать своим сердцем.

Тэён положил приказ о переводе в шкафчик, где хранил личные вещи. Закрывая дверцу, он заметил записку, которую недавно получил от Мёнчжу. «Скоро придет подарок для старшего сержанта Со Тэёна. Скучаю». Буквы на розовой бумаге такие же стройные и красивые, как сама девушка.

Тэён предполагал, что между этой запиской и приказом существует прямая связь. Как только пришла весточка от Мёнчжу, он сразу стал ожидать чего-то подобного. Иногда он размышлял, не был ли перевод всей группы «Альфа» в далекий Урук решением не генерал-лейтенанта Юна, а отца Юн Мёнчжу. Положив записку девушки под лист приказа, Тэён закрыл дверцу шкафа.

В Уруке циркулировали слухи, что скоро придут медицинские волонтеры из больницы «Хэсон».

Строительством солнечной электростанции в демилитаризованной зоне Урука занималась компания одноименного холдинга. Урук, включенный в программу развития ООН, был сейчас «голубым океаном»^[3] для бизнеса. Холдинг «Хэсон» имел интересы и в области строительства, и в области медицины, и в сфере информационных технологий, и во многих других. Посредством ООН холдинг планировал распространять свое влияние на экономику Урука. Поэтому запрос ООН на поставку вакцины оказался как нельзя кстати: не собираясь упускать шанс, холдинг «Хэсон» предложил также отправить медперсонал для работы в полевом госпитале. Правительство, заинтересованное в распространении «медицинской корейской волны», обещало полную поддержку.

В итоге ожидания оправдались. Правительство действительно дало зеленый свет на открытие полевого госпиталя рядом с миротворческим батальоном «Тхэбэк». С этого момента события развивались быстро. По приказу штаба через неделю в место расквартирования отряда «Моуру» вертолетом был доставлен огромный куб мобильного полевого госпиталя. Снаружи он выглядел всего лишь гигантской коробкой, но внутри был оснащен соответствующим международным стандартам новейшим оборудованием; имелась даже операционная. Солдаты смотрели на приземляющийся куб как на диковинный космический корабль.

Вся эта ситуация не давала покоя Сичжину. Тэён подошел к другу, издали наблюдавшему за установкой мобильного госпиталя. В руках Тэён держал папку с бумагами.

– Ты видел список врачей? – протягивая папку, спросил Тэён.

– Видел, – ответил Сичжин и покачал головой, отказываясь взять папку.

– Доктор, которая возглавляет группу, – это не та самая девушка?

– Та самая.

– Она знает, что ты здесь?

– Сомневаюсь.

– Похоже, ваша встреча предначертана судьбой, – произнес Тэён с шутовливой многозначительностью.

– Или же судьба играет с нами, – с горечью ответил на это Сичжин.

Тэён слегка похлопал его по плечу и ушел. Снова оставшись один, Сичжин продолжил наблюдать за установкой куба. Это порождение двадцать первого века выглядело крайне причудливо в месте, где все еще царил век девятнадцатый.

От мысли о том, что скоро здесь появится доктор Кан, сердце забилось быстрее. Не совсем верно было бы сказать, что все это время Сичжин думал и тосковал о девушке – скорее, помимо воли ощущал ее присутствие. Образ Моён в его памяти возникал сам собой, так же естественно, как воспоминания Пруста, отправившего в рот кусочек печенья «Мадлен». Это могло случиться в любой момент. Когда он ободрал руку, помогая рядовому Киму выкапывать водосток, голос Моён в его голове спрашивал, поранился ли он, снова копая яму; когда обрабатывал царапины антисептиком, перед глазами возникала Моён, склонившаяся над его рукой, чтобы помочь. Однако каждое видение заканчивалось тем, что Сичжин вспоминал слова девушки, сказанные в кафе: «Не на такую встречу я надеялась». Эта фраза продолжала действовать на него, вызывая неизменную грусть.

Сичжин ломал голову, как лучше себя вести, когда девушка будет здесь. Как справедливо указала Моён, они жили в разных мирах. В мире Моён врачи прикладывали усилия, чтобы спасти жизнь пациентов; в мире Сичжина солдат был вынужден убивать, если того требовал долг защитника родины. В сражении Сичжин в любой момент мог оказаться перед страшным выбором: уничтожить противника или умереть самому. Но кто-то должен был выполнять эту работу, и Сичжин был одним из тех, кто ее выполнял. Раз девушка не могла принять существующего положения дел, им оставалось только расстаться. Моён приняла мудрое решение, и Сичжин понимал и уважал девушку за ее выбор. Только вот его сердце то и дело спорило с рассудком.

Пока Сичжин был погружен в мысли, вертолет, доставивший груз, растворился в лазурном небе.

Моён стояла на площадке, раскаленной палящим солнцем. Девушку окружали другие волонтеры, но Сичжин сразу же отыскал ее глазами. Ярко-синий шарф, которым она повязалась как платком, не спасал от жгучих лучей. Как и раньше, девушка была очень красива.

Пока Сичжин летел на транспортном самолете в международный аэропорт Урука, чтобы забрать прибывших медиков, его сердце было беспокойно, волнуясь вслед за морем, которое Сичжин наблюдал сквозь иллюминатор. Он не мог с точностью сказать, почему так сильно бьется сердце – от предвкушения встречи или от предчувствия неловкости.

Он вышел из приземлившегося самолета и медленным шагом направился к площадке, где ожидала группа. Становились все лучше видны черты ее лица, сначала едва различимые издалека. Сичжин не мог не заметить ее озадаченного взгляда и поджатых губ. Он растерялся. Ему требовалось время, чтобы привыкнуть к ее присутствию. Сделав вид, что они незнакомы, Сичжин прошел мимо.

– Рад приветствовать. Меня зовут капитан Ю Сичжин. Я команду отрядом «Моуру», который будет вас охранять во время пребывания в Уруке, – отчеканил Сичжин.

Медики, утомленные длинным перелетом и ожиданием под нещадным солнцем, непроизвольно выпрямились при виде подтянутого военного.

– Отсюда до места назначения вас доставит транспортный самолет С-130, который вы видите на взлетной полосе. С собой вы сможете взять только те личные вещи, которые поместятся в эти вещмешки, – объяснял Тэён, пока сержанты Им и Чхве раздавали прибывшим рюкзаки небольшого размера, которые медики принимали с недовольными комментариями. – Остальные вещи будут перевезены наземным транспортом, вы получите их завтра к вечеру. Наш самолет отправляется через десять минут, в 13:25, – закончил Тэён, игнорируя протестующий гул группы.

Все это время Сичжин физически ощущал присутствие Моён, стоявшей у него за спиной. Он видел ее, даже не оборачиваясь, слышал ее, хотя она не произнесла ни слова. Девушка была удивлена, смущена

и обращалась к нему с беззвучными вопросами: «Что вы здесь делаете? Как мы могли встретиться в таком месте?»

Когда они добрались до пункта расположения отряда, Сичжин поручил Тэёну ввести медперсонал в курс дела и удалился. Ему было нечем заняться, и он отправился в помещение оперативного центра. Сичжин проглядывал скопившиеся на столе бумаги и наводил порядок в ящиках стола, но мысли его блуждали в другом месте.

– Я ознакомлю вас с правилами поведения и техникой безопасности, которые потребуется соблюдать на протяжении вашего пятнадцатидневного пребывания. Окружающая нас территория до сих пор не полностью расчищена от мин, установленных во время войны. Вход и выход с огражденной территории осуществляется только через главные ворота. Пить можно только бутилированную воду. Прием душа ограничен одним разом в день... – доносился через открытое окно звучный голос Тэёна, перечислявшего правила для новоприбывших.

Сичжин немного придвинулся и выглянул в окно. Судя по всему, Тэёна никто не слушал. Одни делали снимки телефонами, другие переговаривались между собой, третьи просто пытались подремать. Моён прижала ладонь ко лбу, возможно, закрываясь от солнца. Сичжин сразу же вспомнил день, когда они обедали дома у девушки. Тогда Моён, положив одну руку на лоб, а второй прикрывая нижнюю часть лица, сообщила:

– Вы не представляете, как сексуально я выгляжу во время операции! Увидеть можно только часть лица, но красиво до умопомрачения!

После этого заявления девушка рассмеялась. Сичжин в тот момент подумал, что она совершенно очаровательна.

– На территории госпиталя вашей первоочередной обязанностью является со всей серьезностью отнестись к вопросам собственной безопасности и здоровья. Обещаем полное содействие в решении проблем во время вашего пребывания. Инструктаж закончен.

Как только Тэён замолчал, отсалютовав по завершении речи, до сих пор скучавшие слушатели дружно зааплодировали. Сичжин с печальной усмешкой смотрел, как Моён присоединилась к общему рукоплесканию.

Случайно капитану открылась причина, по которой Моён оказалась в Уруке: проходя по нефу здания бывшей церкви, он невольно подслушал разговор медсестер. Выяснилось, что Урук был для Моён наказанием.

Как было известно Сичжину, последние восемь месяцев дела у девушки шли прекрасно. Она действительно пользовалась популярностью у зрителей, а в больнице ее перевели в отделение для VIP-клиентов, где Моён наконец получила приставку «профессор» к фамилии. Благодаря телевидению девушка внезапно оказалась на особом положении, и многие завидовали ее взлету. Особенно злобствовала дочь основного акционера больницы, при встрече не упускавшая возможности сказать какую-нибудь гадость. Из разговора медсестер Сичжин узнал, что ее зовут доктор Ким.

– Наслаждаешься успехом? На твоём месте я бы постеснялась называться врачом.

– Ты и так не врач. Всего лишь дочь своего отца, – ответила ей Моён, не думая отступить.

– Да что ты! Врачом становятся в операционной, а не в гримерке для телезвезд.

– Тут мы с тобой в равном положении, нас обеих не бывает в операционной. Только меня там нет, потому что я занята, а тебя – потому что ты ничего не умеешь.

– На телевидении ты всего лишь меня подменяешь!

– Не говори ерунды. Они и думать о тебе забыли после первого же моего появления.

– Считаешь, тебе теперь все можно? Королева мира?!

– Мне весь мир не нужен. Было бы достаточно места, которое ты у меня украла. Так что давай, трудись, раз ты его так хотела.

Моён была абсолютной победительницей в тот день, и доктора Ким чуть не разорвало от злости, как с удовольствием вспоминали медсестры, которых слушал Сичжин.

В конце концов на Моён, о которой все только и говорили, обратил внимание председатель правления больницы. Разведенный

сорокатрехлетний мужчина, привлекательный и богатый, он был желанной целью для многих сотрудниц.

Председатель правления пригласил Моён сходить на свидание. У девушки не было причин отказать. (На этой части разговора Сичжин почувствовал тяжесть где-то внизу желудка.) Однако местом свидания оказался номер люкс с великолепным ночным видом в одном из сеульских отелей. Моён, конечно, сразу могла догадаться, чего от нее ждут, и не соглашаться на встречу, но девушка была слишком наивна. Увидев, во что вляпалась, Моён надавала начальнику по нахальной роже и удалилась.

Униженный председатель правления на следующий день собрал весь медперсонал в конференц-зале и сообщил, не моргнув глазом:

– Как вам известно, новый проект холдинга «Хэсон» требует отправки медперсонала в Урук. Я думал о том, чтобы объявить набор добровольцев, но в итоге решил, что поехать должны лучшие из лучших. Поэтому назначаю главой группы нашу самую яркую звезду, профессора Кан Моён.

Услышав это, девушка застыла, как ледяное изваяние. После минутной тишины в зале грохнули аплодисменты, и, приняв поздравления, Моён отправилась в Урук.

У Сичжина, случайно подслушавшего разговор, все кипело внутри.

Сичжин сидел в оперативном центре отряда и писал рапорт для подполковника Пака. На душе было беспокойно, и капитан никак не мог сосредоточиться. Стены комнаты ограждали его от мира, но сердце тянулось к девушке. Сколько он ни ломал голову, ему так и не удавалось придумать, как лучше начать разговор с Моён.

По радиации сообщили, что скоро начнется праздничный ужин, который отряд устраивал в честь прибытия медицинской команды. Сичжин поднялся с места, чувствуя себя так, словно отправляется в бой безоружным. Выйдя на улицу, капитан увидел неподалеку от здания девушку. Сердце его чуть не остановилось. Моён прыгала на одной ноге, держа в руке ботинок – похоже, в обувь попали камешки. Стараясь выглядеть как можно спокойнее, капитан прошел за ее спиной и завернул в казармы.

– Не увидел меня или притворился, что не видит? – услышал он, как Моён спрашивает саму себя.

Сичжину стало стыдно за то, что он ведет себя не по-мужски, не отваживаясь даже поздороваться. Убегал он, однако, зря: висящее в казарме зеркало отразило стоявшую на улице девушку. Она смотрела на двери, за которыми исчез Сичжин, и не двигалась с места. Простояв так несколько секунд, Моён развернулась и пошла дальше, но не туда, где должно было начаться празднество. Судя по всему, девушка хотела немного прогуляться. Ей не стоило бродить одной так близко к границе их территории, это могло быть опасно. Преодолев минутную нерешительность, Сичжин поспешил вслед за ней.

Он увидел, как Моён перелезает через железное ограждение. Не останавливаясь, девушка направилась к находившимся неподалеку местным ребятишкам и дала им плитку шоколада. Остальные дети, до этого копавшиеся в корнях деревьев и пытавшиеся отыскать что-нибудь на земле, увидев шоколад, бросились с протянутыми руками к Моён.

– Вам не следовало угощать их, если нет возможности накормить всех, – произнес Сичжин, перепрыгнув через ограду и приближаясь к девушке.

На ее лице ясно читались растерянность и смущение.

- И перелезть через ограждение.
- Но вы сделали то же самое.
- Не вижу в вас ни капли раскаяния.

Моён слегка прикусила нижнюю губу, пытаясь скрыть неловкость.

– Бегите к тренировочной площадке. Там сейчас накрыт праздничный стол. Помните сержанта Чхве? – обратился к ребятам Сичжин, перейдя на незнакомый Моён язык, на котором говорил достаточно бегло.

– Да! – радостно закричали дети и помчались в указанном направлении.

– Что вы им сказали? – спросила Моён.

– Что буду стрелять, если они сейчас же не уберутся отсюда.

– А если не врать?

– Я называю такие вещи шуткой, а не враньем.

Сичжин посмотрел девушке прямо в глаза. Щеки Моён порозовели.

– Я пойду.

Моён повернулась, чтобы идти, но почти сразу застыла в удивлении. Она наступила на что-то странное.

– Не двигайтесь! – поспешно вскричал Сичжин.

Моён изменилась в лице.

– Вы наступили на мину.

Сичжин медленно приближался, жестом прося ее оставаться спокойной.

– Что вы сказали? На мину?

– Да. Правой ногой. Не двигайтесь.

– В самом деле? Я стою на mine? Но... что теперь будет? Я умру? – перепуганно спрашивала Моён.

– За пятнадцать лет, что я служу в армии, включая годы учебы, ни разу не видел человека, который бы выжил, наступив на мину.

– Как вы можете так говорить? Военный не должен так говорить! Сделайте что-нибудь! Вы же служите в специальных войсках! Я видела в сериале про агента Макгайвера, что мину можно обезвредить складным ножом!

– За двадцать пять лет полевых операций, включая годы, проведенные в отрядах бойскаутов, я видел лишь одного человека, который умел обезвреживать мины складным ножом, – сообщил

Сичжин девушке, присев на корточки и разглядывая землю у нее под ногами.

– Я же говорю, это возможно! Кто это был?

– Герой сериала, который вы смотрели.

– Прекратите немедленно!

– Вы собираетесь и дальше кричать на единственного человека, который может вас спасти?

– Вы же сказали, что не можете! Что мне делать? Я действительно умру?

– Не умрете.

– Значит, выход есть?

– Убирайте ногу. Я встану на мину вместо вас.

Поставив правую ногу рядом с ногой Моён, Сичжин придвинулся почти вплотную к девушке. Он мог слышать быстрый стук ее сердца и учащенное дыхание.

– Что значит – вместо меня? Так она не взорвется? – чуть не плача спросила Моён.

– Взорвется. Только погибну я, а не вы.

– И вы считаете это решением? Как вам это могло прийти в голову?! Зачем вам умирать вместо меня? Идите найдите кого-нибудь, кто разбирается и сможет помочь! Я уверена, должен быть способ! Не сдавайтесь так просто!

Моён толкала Сичжина в грудь, пытаясь сдвинуть его с места, но неожиданно потеряла равновесие и, вскрикнув, качнулась назад. Сичжин подхватил девушку и прижал к себе. Вместе они упали. Крепко зажмурив глаза, Моён уткнулась в грудь мужчины. Она ждала взрыва. Спустя некоторое время, когда девушка стала осознавать всю неловкость ситуации, она подняла голову.

– Что происходит? Почему не взрывается?

– Как вы поживали все это время?

– Что? Вы меня разыграли? Это был розыгрыш? Грязный розыгрыш? – Моён всхлипывала, как ребенок, впервые столкнувшийся с несправедливостью мира.

– Вы в порядке? Я просто... – неуверенно начал Сичжин.

– Не надо. Не говорите ничего больше! И не ходите за мной! – криком прервала его Моён.

Поднявшись, девушка поспешила вернуться на территорию отряда. Сичжин догнал ее и встал на пути. Слез больше не было, но ее глаза покраснели.

Не сводя с нее взгляда, Сичжин попытался извиниться:

– Простите меня.

Моён прошла мимо, не удостоив его ответом.

– Мне правда очень жаль. Мое чувство юмора явно пострадало из-за того, что я все время нахожусь только в мужской компании, – продолжил извиняться Сичжин, снова преградив ей путь.

– Ну хорошо, хорошо, – вздохнув, смилостивилась наконец Моён.

В этот момент зазвучал гимн Республики Корея. Моён оглядывалась, не понимая, что происходит. Вытянувшись по стойке смирно, Сичжин отдал честь. Его взгляд был направлен вверх за спину Моён. Девушка впервые видела его таким. Сичжин положил руку ей на плечо и мягко развернул, чтобы она смогла увидеть корейский флаг, развевающийся на крыше. Двое солдат в парадных белых перчатках начали церемонию спуска флага. Сичжин слегка наклонился к девушке, которая наблюдала за церемонией, прижимая руку к груди. Для капитана это был идеальный момент, чтобы высказать то, что было у него на душе.

Он прошептал ей на ухо:

– Я рад, что мы снова встретились.

Лицо девушки ласкали лучи предзакатного солнца.

Ведя машину, Сичжин то и дело поглядывал на Моён, устроившуюся на пассажирском сидении. Капитан был взволнован тем, что девушка оказалась рядом. Он хотел бы заговорить с ней, дотронуться до нее. Но между ними продолжала сохраняться дистанция. Сичжин понимал, что прошло слишком мало времени.

Когда он закончил утренние дела и собирался ехать в штаб «Тхэбэка», у казарм появилась Моён. Она попросила дать ей пароль от вай-фая. Тэён, к которому обратилась девушка, бросил быстрый взгляд на стоявшего у машины Сичжина.

– Мы не можем разрешить гражданскому лицу пользоваться армейской сетью. Запрещено правилами режима секретности.

– Вот как... Как же мне быть?

– В городе есть интернет-кафе. Капитан может вас подвезти, ему как раз по дороге. Так ведь? – С последним вопросом Тэён обратился к капитану, изо всех сил стараясь сохранять серьезное выражение лица.

– Что на тебя нашло? – уставился на него Сичжин.

– Со мной все в порядке, спасибо за беспокойство. Приятной поездки.

Тэён отсалютовал с преувеличенным энтузиазмом и удалился.

Армейский джип выехал на пустынную проселочную дорогу. Великолепный пейзаж, словно выведенный божественной кистью, раньше всегда вызывал у Сичжина мысли о девушке. Чарующий вид заставляет думать о ком-то особенном, с кем хочется разделить удивительный опыт, и для Сичжина таким человеком была Моён. Однако настоящая Моён совершенно не интересовалась раскинувшимся перед ней великолепием. Пристегнув ремень безопасности, она завела бесконечный телефонный разговор.

– Да, я могу внести залог прямо сейчас. Я нахожусь за границей, но смогу перевести деньги через приложение на телефоне. В течение часа постараюсь все сделать и тогда отправлю вам сообщение.

Моён наконец отложила телефон.

– Вы переезжаете?

– Нет. Собираюсь уйти из больницы и открыть собственный бизнес.

– Из-за того, что произошло между вами и председателем правления?

– Откуда вам известна эта история?

– Ваши коллеги только об этом и говорят, когда вас нет рядом.

Моён не ответила и стала смотреть в окно.

– Кажется, он не очень хороший человек? – спросил Сичжин, желая знать мнение девушки.

– Был бы хорошим, я бы здесь не оказалась.

– Я отпустил вас не для того, чтобы вы встречались с подобными людьми.

– Я с ним не встречалась! Долго объяснять. Неважно. Факт в том, что мой приезд стал завершением довольно некрасивой истории.

Моён отвернулась, показывая, что не хочет продолжать разговор. Бросив изучающий взгляд на девушку, Сичжин стал смотреть на дорогу. Повисло тяжелое молчание.

– Что это за место? – через некоторое время спросила Моён, опуская стекло.

«Пляж Навайо», – гласил дорожный указатель. Всякий раз, когда Сичжин добирался до этого сказочно красивого места, ему хотелось, чтобы рядом с ним оказалась Моён.

– Это далеко отсюда, – подчеркнуто сухо ответил Сичжин.

– Разве я спросила, далеко оно или близко? Вы что, злитесь на меня?

– С чего вы взяли?

– Я вижу, что вы раздражены.

– Не выдумывайте.

Продолжая препираться, они доехали до Моуру – городка размером с деревню, по имени которого получил название отряд Сичжина. Здесь были несколько баров и кафе, куда навевались солдаты, небольшой рынок, хозяйственный магазин и лавка, в которой торговали одеждой.

– Это самый близкий к нам населенный пункт. Запоминайте здания повыше и ориентируйтесь по ним. Вдруг вам придется уезжать без меня, – сбрасывая скорость, проинструировал девушку Сичжин.

– Так и сделаю.

Девушка все еще казалась сердитой. Сичжина позабавило, как обиженно надулись её губки.

– Удалось перевести деньги?

– Да, все в порядке, спасибо. Куда мы едем?

Сичжин направлял машину в сторону небольшой морской пристани.

– Помните тот дорожный указатель? Хочу показать вам пляж. Стоит взглянуть, пока вы не ушли с головой в работу.

Сичжин остановил джип и вышел из машины.

– Вы же сказали, это далеко? – последовала за ним Моён.

– Поэтому и хочу поехать. Чтобы подольше побыть с вами. Нам сюда.

Услышав его дерзкое заявление, Моён остановилась. Девушка не двигалась с места, лишь смотрела на Сичжина.

– Старший сержант Со Тэён ездил на свадьбу к девушке, которая его бросила. Ездил вместе с Мёнчжу. Если хотите узнать подробности, не отставайте.

Закинув наживку, Сичжин двинулся вперед. Делая вид, что умирает от любопытства, Моён поспешила за ним. По пути к пристани они обсуждали любовную историю Тэёна. Моён много расспрашивала о Мёнчжу, которую знала со времен университета, хотя они и учились на разных курсах. Сичжин рассказывал все, что ему было известно.

– Это в ее стиле. Она умеет вмешаться в чужие отношения, – то и дело комментировала Моён.

Девушка чувствовала, как ее душа тянется к идущему рядом с ней мужчине. Моён была так привлекательна и оживленна, что Сичжин не мог остановиться. Он говорил и говорил. Перед самой пристанью он упомянул о том, что отец Мёнчжу хотел бы видеть его своим зятем. Моён встала как вкопанная.

– Подождите... Стало быть, Мёнчжу, Тэён и вы составляете любовный треугольник?

– Да. Держитесь. – Запрыгнув в моторную лодку, Сичжин протянул руку девушке.

– До сих пор? – не обращая внимания на приглашение, снова спросила Моён.

– Да.

– И какое место вы занимаете в этом треугольнике?

– Почему вас вдруг это волнует? Вы же дали мне отставку.

Его ироничный тон заставил Моён замолчать.

– Забирайтесь в лодку, – засмеялся Сичжин.

Схватив руку девушки, он потянул и заставил смутившуюся Моён запрыгнуть на борт.

Оказавшись в лодке, девушка сказала:

– Я спросила просто так.

– О чем вы?

– О треугольнике. Мне все равно, в каких отношениях вы состоите.

– Хм, вы казались очень заинтересованной, когда спрашивали. Садитесь.

Не оставляя девушке выбора, Сичжин взял ее за плечи и усадил. Вопреки ожиданиям Моён не сопротивлялась и затихла на сидении, как послушный ребенок. Ее взгляд был неотрывно прикован к мужчине. В глазах отражались море и он.

Пляж Навайо поражал неземной красотой. Сверкающее изумрудное море ласкало белоснежный песок; над скалами, окружившими пляж, распростерлось голубое небо. Затонувший корабль, выброшенный морем к подножью утеса, придавал пейзажу оттенок печали. Завораживающий вид не смог бы никого оставить равнодушным. Сичжин был покорен с первой же поездки на остров, и теперь настала очередь Моён. Девушка не могла издать даже возгласа – настолько ошеломила ее красота, открывшаяся взору.

– Мы не сможем подъехать прямо к берегу, тут слишком мелко. Выбирайте: нести на руках или на спине, – сказал Сичжин, когда они приблизились к пляжу на максимально возможное расстояние.

– Обойдусь без вашей помощи, – ядовито откликнулась Моён, сбросив с себя наваждение.

– Вы не поняли, доктор Кан. Я имел в виду, надо донести меня. Терпеть не могу, когда в армейских ботинках хлюпает вода.

– Дайте пройти.

Девушка снова взволновалась, как игристое вино, и Сичжин не смог сдержать улыбки.

– Не знала, что такое возможно. Совершенно удивительное место. От красоты можно лишиться чувств, – проговорила Моён, когда вышла на берег, держа в руках туфли.

– Приезжайте еще. По местному поверью, если заберете с собой камешек с пляжа, то обязательно вернетесь сюда снова. Вот, держите. – Сичжин протянул девушке гладкий камешек, который поднял, выходя из воды.

– Признайтесь, вы только что это придумали? Если бы это было правдой, здесь давно не осталось бы ни одного камня.

– По местному поверью, вернувшись, нужно положить камешек на место.

– Вот как... Красивая легенда... А этот корабль? Почему он здесь? – спросила Моён, указывая на полуразрушенный остов.

– Возможно, он околдован. Когда тебя околдовывает красота, ты становишься к ней прикован, как этот корабль к берегу.

– С вами такое бывало?

– Конечно. Вам ли этого не знать, – сделал неожиданное признание Сичжин.

Глаза девушки округлились от удивления. Сичжин и Моён молча смотрели друг на друга так долго, что обоим стало неловко.

В конце концов Сичжин заговорил первым:

– Кстати, вы мне так и не ответили. Как вы поживали все это время?

Прочитав неуверенность в глазах девушки, он продолжил:

– По-прежнему выглядите сексуально во время операций?

Внезапно взгляд Моён стал холодным.

– Похоже, вы неправильно понимаете. Я оказалась здесь не потому, что мечтала помогать людям, и не из чувства долга. Начальник решил избавиться от меня и сослал в Урук... И я больше не делаю операции. Способности не принесли мне никаких дивидендов. Я скоро вернусь назад, и мне снова придется начинать все сначала. Этим я и буду заниматься.

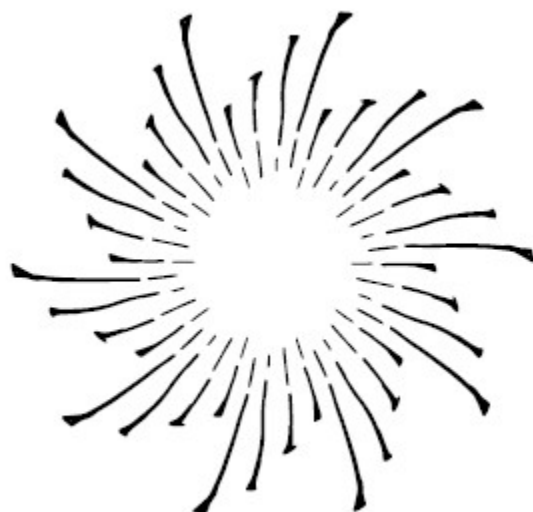
Моён была всерьез рассержена. Сичжин не верил, что мог так ошибаться: еще минуту назад он чувствовал, как сердце девушки открывается ему навстречу. Он не мог разгадать, почему за мгновение все изменилось. Легче было выйти в одиночку против целой армии, чем понять эту женщину.

– Вот как...

Сичжин отвел глаза. Он успел было обрадоваться, что дистанция между ними начала сокращаться, но оказалось, что он принимал желаемое за действительное. Девушка находилась так далеко от него, что с тем же успехом он мог бы пытаться приблизиться к горизонту. Ему хотелось перенестись в то неведомое ему место, где она пребывала. Хотелось до боли в сердце.

Глава 4

Визитная карта

– Так, значит, он потерял сознание после того, как его внезапно вырвало? – уточнила Моён, прослушивая маленького пациента.

Им был местный мальчик пяти-шести лет, один из тех ребятишек, которых Моён угощала шоколадом, опрометчиво покинув территорию отряда.

– Да. Похоже на голодное истощение, поэтому я начал инфузионную терапию. Хотя голос у него не был ослаблен... – обеспокоенно ответил Чхихун.

Стажер первого года обучения Ли Чхихун был сыном богатых родителей, помешанным на Альберте Швейцере. Двадцативосьмилетний молодой человек вырос в тепличных условиях, не сталкивался с настоящими трудностями и легко терялся перед лицом испытаний. Он был женат на докторе Чан, которая тоже работала в их больнице и вечно не могла обойтись без помощи Моён. Через три месяца он должен был стать отцом. Чхихун не раз говорил, что мечтает быть образцовым родителем. В Урук он вызвался поехать по убеждению, что эта работа поможет развить необходимые для будущего отца добродетели.

– Не думаю, что это пневмония, но для анемии, связанной с дефицитом питания, не характерно столь тяжелое состояние, – сказала Моён.

Она продолжала осмотр, прощупывая живот ребенка. Когда доктор нажала рукой в области печени, мальчик застонал, и его лицо исказилось от боли.

– Боль в эпигастральной области? – обратилась Моён к Чхихуну, убирая руку.

– Анемия и боль в животе – симптомы не связанные... Или же... Ишемический колит? – неуверенно предположил Чхихун.

– Не слишком ли старческое заболевание для пациента?

– Может, отравление свинцом? – спросил неожиданно вошедший в приемную Сичжин.

Вероятно, капитан пришел помочь с переводом. Его появление не обрадовало Моён. После вчерашнего разговора на пляже Навайо ей было тяжело смотреть на Сичжина.

– Свинец не вызвал бы острой интоксикации, – возразил Чхихун.

В памяти Моён вспыхнула недавно виденная картина: дети, подбирающие куски металла с земли. Некоторые даже облизывали найденные железки. Сичжин мог оказаться прав.

– Когда вы встретились, мальчик случайно не держал что-нибудь во рту? – снова обратилась она к Чхихуну.

Именно Чхихун, перепуганный до смерти, прибежал в полевой госпиталь с потерявшим сознание мальчиком на руках.

– Он сосал палец и просил о чем-то. Я, конечно, не мог его понять.

– Начнем с детоксикации. Раствор Рингера, большую дозу аскорбиновой кислоты и ЭДТА внутривенно.

– Значит, это все-таки отравление свинцом? – недоверчиво наклонив голову, спросил Чхихун.

– Дефицит питания вызвал у него анемию. На фоне поступления в организм свинца эритроциты начали его поглощать вместо питательных веществ, содержание свинца в организме быстро повысилось, отсюда острое развитие симптомов, – объяснила Моён.

– Вот это да! Капитан, вы молодец! Я принесу все необходимое.

Чхихун показал Сичжину большой палец и помчался за лекарствами.

– Дайте знать, когда он проснется. Я смогу перевести несложный разговор.

Сичжин бросил взгляд на девушку и повернулся, собираясь уходить. Его холодный официальный тон ранил Моён, на душе заскребли кошки.

– Спасибо за помощь, – ответила она резко, не сумев справиться с захлестнувшими чувствами.

Сичжин обернулся, удивленный внезапной вспышкой.

Моён продолжала:

– Но впредь работу врачей оставьте врачам.

– Когда вам помогают, просто будьте благодарны.

– Что вы хотите этим сказать?

– Что вы не похожи на ту доктора Кан, которую я помню. Раньше вы говорили, что жизнь человека священна и нет в мире ценностей выше этой.

– В Корее трудно найти пациента, страдающего от анемии, связанной с дефицитом питания, или от отравления свинцом.

– Но в этой стране вы найдете их так же легко, как человека с насморком. Было бы лучше, если б сюда приехал врач, умеющий распознавать необычные заболевания.

– Вы, конечно, правы. Только не все врачи в этом мире похожи на Альберта Швейцера.

– Безусловно. Миру нужны и такие, кто будет участвовать в телепрограммах.

Лицо Моён окаменело. Сичжин попрощался с замолчавшей девушкой и покинул приемную.

«Почему перед ним я чувствую себя такой глупой и недостойной?» Моён сгорала от стыда, ей хотелось убежать на край света.

Хотя их отношения завершились, едва успев начаться, последние восемь месяцев Моён постоянно думала о Сичжине. Теперь у нее было мало работы в больнице, и, завершив запись очередной программы на телевидении, она часто грустила, ощущая свое одиночество. В такие моменты Моён поднималась на крышу больницы и вспоминала Сичжина. Она не думала, что они смогут встретиться снова, но находила облегчение в мыслях о нем.

Когда, преодолев половину земного шара, она вновь увидела Сичжина в аэропорту, ей показалось, что сердце сейчас вырвется из груди, – так сильно оно забилося. Моён едва удержалась на ногах. Однако он даже не взглянул в ее сторону, словно они незнакомы. А потом так же внезапно оказался рядом, смотрел ей в глаза, держал за руку, подшучивал над ней, выводил из себя.

Каждому человеку хотелось бы вырвать пару-тройку страниц из собственной книги жизни. Для Моён такими страницами были последние восемь месяцев. Она добилась успеха, о ней говорили, ей завидовали. Но девушка ни минуты не была счастлива. Ей казалось, она уродлива, как шрам от наспех зашитой раны.

Она не хотела, чтобы другие догадались, что она чувствует на самом деле. Перед коллегами Моён держалась уверенно и радужно улыбалась. Но перед вновь появившимся в ее жизни Сичжином девушка не могла притворяться. Казалось, он понимает все с полуслова, видит ее насквозь.

Получивший лекарства ребенок крепко спал. Ему предстояло долгое восстановление, но самое страшное было уже позади. Оставив Чхихуна дежурить возле мальчика, Моён вышла из госпиталя. Проходя мимо палаток медсестер, она услышала болтовню доктора Сон Санхёна и медсестры Ха Чаэ. Им обоим было по тридцать семь лет, и они знали друг друга с детского сада, но за все эти годы так и не отважились признаться в любви, до сих пор оставаясь «просто друзьями». Моён поражали их отношения.

– Ты представляешь, сколько заразы можно тут подхватить? – спрашивал Санхён.

Доктор Сон был талантливым врачом, и молодые коллеги побаивались его за въедливость и твердый характер, но рядом с медсестрой Ха он всегда выглядел наивным мальчишкой.

– Сколько? – поинтересовалась его собеседница.

Медсестра Ха Чаэ производила на окружающих впечатление сурового и прямолинейного человека, не боящегося откровенно высказывать свое мнение. В отделении неотложной помощи перед ней трепетали не только медсестры, но и врачи, однако рядом с доктором Соном она всегда выглядела застенчивой школьницей, прячущейся за грубоватыми манерами.

– Я потому и спрашиваю, что сам не знаю. Предлагаю сбежать отсюда, пока нам не стало известно на собственном опыте.

– Ты чего пришел? Иди к себе, не мешай, – повысила голос медсестра.

Моён посмеялась невольно подслушанному разговору. Даже когда они перебранивались, в их тоне ощущалось нечто большее, чем дружеская привязанность.

«Интересно, друзьям всегда сложно признаться, если они влюблены?» Конечно, Моён не знала в подробностях их отношений, но со стороны доктор Сон и медсестра Ха выглядели любящей друг друга парой, а отнюдь не просто друзьями. Их любовь была уютной и теплой, как свитер, связанный руками заботливой матери.

Мысленно посочувствовав и легонько вздохнув, Моён опустила руки в карманы и двинулась дальше. Рука нащупала маленький,

твердый и гладкий предмет. Камешек, который вручил ей на пляже Сичжин.

«Ну зачем, зачем я все это наговорила?» Если можно было бы редактировать собственную жизнь, Моён непременно вырезала бы сцену на пляже. Снова вздохнув, но на этот раз глубже, Моён положила камешек обратно в карман. В это мгновение завывла сирена, и все вокруг пришло в движение.

Вооруженные солдаты по двое рассредоточились по всей территории, создав защитный барьер. Медики, уже отдохавшие в своих палатках, поспешили к госпиталю, подчиняясь команде о сборе. Им было не привыкать к срочным вызовам, и никто не выглядел растерянным, однако собираться по армейскому приказу было необычно. Вероятно, из-за этого лица врачей и медсестер были особенно строгими.

– Что происходит? Война? – проворчал Санхён.

– Я буду помогать раненым и с вражеской стороны. Я давал клятву Гиппократу! – воскликнул Чхихун, изобразив человека, приносящего клятву.

Моён, обеспокоенная и взбудораженная одновременно, присела на стул. Вскоре двери госпиталя распахнулись, и вошли Сичжин и Тэён. Они были при оружии.

Сичжин коротко ввел медиков в курс дела. В ближайшие минуты в полевой госпиталь должен был прибыть VIP-пациент. Это был генеральный секретарь Лиги арабских государств по имени Мубаратх, который приезжал в Северный Урук с неофициальным визитом, чтобы помочь странам средневосточного региона мирно договориться друг с другом. О состоянии здоровья пациента ничего конкретного не сообщалось, но поступила просьба подготовить команду неотложной помощи.

Мубаратх был членом правящей королевской семьи эмирата Абу-Даби и третьим в очереди на престол. Он имел влияние на эмира и был последовательным сторонником политического компромисса в территориальных спорах и проблемах столкновений на религиозной почве. За деятельность, направленную на поддержание мира на Среднем Востоке, он был выдвинут кандидатом на Нобелевскую премию мира, однако также являлся первейшим кандидатом на физическое устранение в списке политической оппозиции.

Заканчивая, Сичжин подчеркнул, что к особому пациенту необходимо отнестись с повышенным вниманием и что рассказывать о нем посторонним строжайше запрещено режимом секретности.

Сообщив необходимую информацию, Сичжин протянул Моён документы.

– Вот история болезни пациента, переданная его врачом. – Тон Сичжина оставался официальным.

– Хорошо, спасибо.

Моён взяла бумаги, избегая смотреть капитану в глаза.

В истории болезни можно было прочесть далеко не все. Страницы были испещрены жирными черными линиями, скрывающими текст.

– Что это? Как мы сможем работать, если самая важная информация недоступна? – в замешательстве спросил Санхён, тоже заглянувший в бумаги.

– В любом случае в историях болезни VIP-пациентов лжи всегда больше, чем правды, – продолжая читать, ответила ничуть не удивленная Моён.

Она успела привыкнуть к подобному, пока работала в отделении для VIP-клиентов больницы «Хэсон».

– Ложные записи в истории болезни?! Какой врач станет это делать? Сумасшедший? – изумленно воскликнул Чхихун.

– Такой врач, как я, – с видимой насмешкой над собой ответила Моён.

Сичжин бросил на девушку быстрый взгляд.

– Беднякам необходимы особенные врачи – такие как Альберт Швейцер. Но и VIP-пациентам тоже требуются особенные доктора. Потому что история болезни – ахиллесова пята любой важной персоны. Состояние здоровья президента страны, например, является государственной тайной, – безучастным тоном поведала Моён.

Девушка не поднимала глаз от переданных ей документов, но чувствовала, что Сичжин смотрит на нее. Даже сверлит взглядом.

Со стороны главных ворот послышался звук автомобильной сирены, и вскоре в окна госпиталя ударил яркий свет фар. Хотя врачей предупредили об абсолютной секретности, появление Мубаратха было даже более шумным, чем если бы его привезли на машине скорой помощи с включенной сигнализацией.

Моён захлопнула историю болезни и приготовилась встретить важного пациента.

Больной поступил в чрезвычайно тяжелом состоянии. Медики быстро переместили его в блок интенсивной терапии, где имелась вся необходимая медицинская аппаратура. Голова и лицо шестидесятидевятилетнего Мубаратха были скрыты под черным тюрбаном. Моён развязала ткань и проверила зрачки пациента. Она чувствовала напряжение.

Но еще напряженнее была сама атмосфера в госпитале. Вооруженные до зубов охранники Мубаратха плотным кольцом окружили медиков; подойти ближе им не позволяли Сичжин, Тэён и другие бойцы, стоявшие преградой между охранниками и медицинской командой. К счастью, у Моён и ее коллег был большой опыт работы в стрессовых ситуациях. Не обращая внимания на происходящее, врачи занимались пациентом.

– Давление 175 на 110, пульс 100! – проверив показатели, сообщила медсестра Ха Чаэ.

– Тахикардия на фоне повышенного артериального давления, пациент в бессознательном состоянии. Возможно, пониженное содержание глюкозы в крови? – первым предположил Чхихун.

– В истории болезни указано, что у пациента сахарный диабет. Может быть передозировка инсулина, – глядя на доктора Кан, поддержал Чхихуна Санхён.

– Давайте начнем с этого. Введите пациенту пятидесятипроцентный раствор декстрозы внутривенно, – приняла решение Моён.

– Подождите. Вот лекарство от лечащего врача, – остановил Моён начальник охраны Мубаратха, мужчина с помятым рыхлым лицом, протягивая девушке стеклянный пузырек.

Он говорил на очень правильном английском.

– Нитроглицерин?.. – вслух прочла Моён надпись на пузырьке.

– Но зачем вазодилататор? У пациента сахарный диабет; разве это не побочный эффект инсулина? – непонимающе произнес Чхихун.

– Я же сказала, не стоит доверять всему, что написано в историях болезни VIP-пациентов. Если поменять местами причину и следствие, все станет понятно. Очевидно, не гипогликемия вызвала высокое

артериальное давление, а наоборот, содержание глюкозы в крови понизилось из-за проблем с сердцем. Вводите нитроглицерин.

Сказав это, Моён утверждающе кивнула; по лицу девушки ясно читалось, что она разобралась в ситуации. Получив пузырек, медсестра Ха Чаэ набрала лекарство в шприц и начала внутривенную капельную инфузию.

Неожиданно показатели на приборах слежения за пациентом стали стремительно меняться.

– Давление падает! – воскликнула медсестра Ха Чаэ.

– Уберите капельницу, быстро! Что это? Вздутие живота?

Моён поспешно расстегнула рубашку и ощупала живот пациента. В этот момент Сичжин, получивший радиосообщение из штаба, подошел к девушке и спросил, что происходит.

– Вздутие живота и падение давления... Внутривентральное кровотечение! Мы по-прежнему знаем не все о пациенте. От нас продолжают что-то скрывать. Нужно резать и осматривать брюшную полость.

Моён еще раз ощупала больному живот.

– Везите его в операционную. Мы делаем лапаротомию.

Медики были готовы выполнить указание доктора Кан, но снова вмешался рыхлолицый начальник охраны:

– Стойте. Ваша работа на этом закончена. У вас нет разрешения на операцию. Через час сюда прибудет лечащий врач господина Мубаратха.

– Вы совершаете ошибку. Если мы сейчас же не прооперируем его, пациент не проживет и двадцати минут, не говоря уж о часе.

– Не каждый врач имеет право прикасаться к этому человеку.

– Вы понимаете меня? Если мы не начнем сейчас же, этот человек умрет!

Послышался звук передергивания затвора, и охранник направил пистолет на Моён.

– Стоять! Только арабский врач может делать операцию господину Мубаратху.

Целившийся в девушку охранник медленно приближался к медикам. Потрясенная Моён инстинктивно отступила назад. В этот момент между девушкой и направленным на нее оружием встал Сичжин. Его правая рука легла на ствол висящего на боку пистолета.

Моён побледнела. Она подняла руки вверх и кивнула своим сотрудникам, чтобы они отошли от пациента.

– Хорошо. У меня нет никакого желания брать на себя такую большую ответственность. Но еще раз предупреждаю, что, если вы не позволите нам работать, господин Мубаратх умрет, – твердо произнесла девушка, глядя прямо в глаза начальнику охраны.

Приборы слежения за пациентом издавали громкие предупреждающие звуки, которые означали, что давление продолжает падать. Решался вопрос жизни и смерти, и это было невыносимо. Обстановка была настолько напряженной, что, казалось, сейчас прогремит взрыв, стоит кому-нибудь просто громко вздохнуть. Участники противостояния замерли, были слышны лишь механические звуки медицинской аппаратуры, передающей сигналы опасности.

Взгляд начальника охраны Мубаратха потерял уверенность. Было похоже, что он не знает, как поступить. Он достал рацию и начал переговоры на своем языке. Сичжин тоже то и дело говорил с кем-то по рации.

– Вы сможете спасти жизнь пациенту? – внезапно спросил Сичжин решительным тоном.

– Как я могу сказать? Необходимо осмотреть брюшную полость, я подозреваю кровотечение из сосудов печени. Обнаружив аневризму...

– Не нужно сложных объяснений. Просто ответьте, сможете спасти ему жизнь или нет. Ответьте как врач, – тем же твердым тоном прервал девушку капитан.

В голове Моён вспыхнуло воспоминание. Восемь месяцев назад она сказала Сичжину: «Почти каждый день, иногда больше двенадцати часов подряд, я провожу в операционной, пытаюсь помочь пациентам, часто – спасти их от смерти. Моя работа – сражаться за каждую жизнь. Ваша – охранять жизнь одних людей, отнимая ее у других. Я врач. Для меня жизнь человека священна. И я считаю, что не существует более верных идеологий и принципов». Моён отчаянно захотелось стать той прежней доктором Кан, мечтавшей спасти людей. Она чувствовала ответственность за некогда сказанные слова, и ей не хотелось отказываться от этой ответственности. Ей хотелось быть уверенным в себе врачом и уверенным в себе человеком. †

– Отвечайте! – вторгся в ее раздумья голос Сичжина.

– Я смогу спасти ему жизнь, – спокойно и ясно произнесла Моён.

Сичжин слегка кивнул, словно одобряя слова девушки, выключил рацию и четко выговорил:

– Тогда сделайте это.

Произнося эти слова, капитан одновременно выхватил пистолет и навел его на начальника охраны. Как по сигналу, в руках бойцов отряда Сичжина и охранников Мубаратха тоже оказалось оружие. Ситуация становилась все более взрывоопасной.

– Мы забираем пациента на операцию, – храбро объявила Моён.

– Стоять! Последнее предупреждение! – угрожающе воскликнул начальник охраны.

– С этого момента наша главная задача – защита пациента и медицинской команды. Отряд, держать линию.

Твердость в глазах Сичжина вселяла уверенность. Тэён и остальные бойцы прикрыли медиков, целясь в противника.

– Стрелять на поражение при любой попытке помешать врачам.

– Капитан, вы понимаете, что делаете?! – в ярости вскричал начальник охраны.

– Вы делаете свою работу, врачи – их работу, мы – нашу работу.

Хладнокровный ответ Сичжина придал девушке новых сил.

– В операционную, – произнесла она.

Все еще испытывая потрясение, коллеги последовали за доктором Кан.

Медикам, работавшим сейчас в полевом госпитале, приходилось идти на многое ради спасения жизни, однако никому из них еще не случалось оказываться под дулом пистолета. Эта операция могла стоить им собственной жизни. Врачи, собравшиеся вокруг операционного стола, заметно нервничали.

– Приступаем. Скальпель.

Оперирующим хирургом была сама Моён. Ее голос звучал уверенно и спокойно. Шумно втянув воздух и сглотнув, младшая медсестра Чхве Минчжи протянула Моён инструмент.

Команда Моён понимала, что, если операция закончится неудачно, пострадают не только они. От висевшей на волоске жизни генерального секретаря зависел мир между странами. Отношения между Республикой Корея и странами Лиги арабских государств могли измениться кардинальным образом, не говоря уж о судьбе Моён, ее коллег, Сичжина и его отряда.

Моён смотрела на скальпель, который крепко сжимала в руке. Только Богу известно, сколько суждено прожить человеку. Врач призван лишь защищать дарованную Им жизнь.

– Да исполнится воля Твоя, – прошептала Моён, на мгновение прикрыв глаза.

– Начав операцию, мы уже не сможем отступить. Еще не поздно передумать... – быстро проговорил Санхён.

– Доктор Кан, это ведь след от подреберного разреза? В истории болезни говорилось об операции? – указывая на шрам, задал вопрос Чхихун.

– В истории болезни ничего подобного не зафиксировано. Именно поэтому мы должны перестать доверять переданной нам информации и проверить все сами, – ответила Моён.

– Верно. Но именно из-за отсутствия надежной информации операция так опасна. И для пациента, и для нас, и для защищающего нас отряда, – нервно вставил Санхён.

– Если мы будем думать только об опасности и ничего не сделаем, человек умрет. В этой ситуации у врача выбора нет.

Произнеся эти слова, Моён взглянула в ту сторону, где находился Сичжин, преграждавший путь охранникам Мубаратха. Сичжин – вот кто в нее верил. Он безоговорочно принял ее ответ и ради нее поставил на кон все сразу. Настало время оправдать это доверие.

Выбросив из головы лишние мысли, Моён произнесла:

– Делаю разрез.

– Я сомневался, но теперь вижу, что пациенту действительно удалили желчный пузырь, – вскоре прокомментировал очевидное Санхён.

– Спайки в тканях брюшины. Начнем с их устранения. Одну за другой, и чтобы наверняка.

Неожиданно засигналила аппаратура слежения за пациентом. Снова резко упало артериальное давление.

– Кровь пациенту, быстро! – обратилась Моён к медсестре Ха Чаэ.

– Давление продолжает падать!

На лбу медсестры выступил пот. Хотя пациенту делали вливание крови, его состояние ухудшалось.

– Что делать?! Если он умрет, нам ведь тоже не жить? Я без пяти минут отец! – запричитал Чхихун.

Моён сжала зубы.

– Так не пойдет. Доктор Кан, мы теряем время. Бросьте спайки, надо остановить кровотечение! – Голос Санхёна сорвался на крик.

– Сестра, сделайте переливание быстрее.

Дав указание медсестре, Моён невозмутимо продолжила, обращаясь к Санхёну:

– Доктор Сон, вы куда-то торопитесь? Может, вы супергерой, опаздываете на очередной подвиг, а мы вас задерживаем? У нас достаточно запасов крови, чтобы поддерживать пациента необходимое время. Мы удалим спайки и потом остановим кровотечение, в таком порядке. А будущий отец пусть перестанет распускать нюни и принесет еще десять пластиковых контейнеров с кровью.

Последние слова были адресованы Чхихуну. Стажер попытался было возразить, но Моён не стала его слушать. Надувшись, молодой человек отправился исполнять указание доктора Кан.

– Продолжаем? – спросила Моён, глядя на Санхёна.

– Продолжаем, – кивнул пришедший в себя доктор Сон.

Никто не знал, сколько прошло времени. Хирургические халаты Моён и ассистирующего ей Санхёна были сплошь покрыты кровью. Даже одежда медсестер была в крови. К счастью, артериальное давление в конце концов пришло в норму. Вслед за этим разрядилась и атмосфера в операционной. Чхихун перестал хныкать и оказывал посильную помощь.

– Готово. Артерия пережата, – сообщил Санхён.

– Отлично. Осталось наложить сосудистый шов. Работаем спокойно.

Только сейчас стало заметно, что Моён тоже испытывает облегчение. Чхихун, до сих пор походивший на не улыбающегося воскресшего Лазаря, наконец-то расплылся в улыбке.

Об успехе операции судят, лишь когда пациент приходит в сознание. После завершения работы хирургов могут возникнуть осложнения: повторно открыться кровотечение, проявиться почечная недостаточность. Зная об этом, команда доктора Кан не торопилась радоваться победе.

Прошли целые сутки, но пациент все еще не очнулся. Моён не отходила от прооперированного больного, в душе молясь о его пробуждении. На обеспокоенный вопрос Чхихуна, что произойдет, если Мубаратх не придет в сознание, Санхён мрачно пошутил, что у медиков появятся новые данные об аневризме печеночной артерии и немного изменится мировая история, только и всего. Но хотя его слова звучали цинично, было заметно, что доктор Сон волнуется не меньше Чхихуна.

Многое случилось вне операционной за то время, пока врачи боролись за жизнь Мубаратха. Главы ведомств иностранных дел, национальной безопасности и другие высокопоставленные чиновники в Голубом доме – резиденции президента Республики Корея – обсудили стратегию на случай развития худшего сценария из возможных. А правительство Южного Урука отправило в Моуру специальный отряд, из-за чего в штабе корейских войск, расквартированных в Уруке, всю ночь готовились к началу боевых действий.

К счастью, пациент не умер во время операции. Но хотя самая большая из опасностей миновала, инцидент не был исчерпан. Ни у кого не было полной уверенности ни в чем, лишь одно было ясно наверняка: ответственность за случившееся ложится на капитана Ю Сичжина. Перед тем как пациента отвезли в операционную, он получил из штаба четкий приказ не вмешиваться в конфликт врачей и охранников генерального секретаря. Позиция штаба была следующей: если Мубаратх умрет, ответственность будет возложена на команду врачей. Однако Сичжин не подчинился приказу и даже использовал оружие для защиты хирургов, тем самым приняв ответственность, уготованную Моён, на себя.

Пока пациента перемещали из операционной обратно в блок интенсивной терапии, был отдан приказ, отстраняющий Сичжина от командования отрядом и предписывающий ему нахождение под арестом. Капитана заперли в помещении склада недалеко от казарм.

Узнав обо всем этом от старшего сержанта Со Тэёна, Моён продолжила дежурство у постели пациента. Она не могла заставить себя проглотить ни кусочка еды. Даже когда доктор Сон, не вытерпев, попытался заставить ее пойти отдохнуть, Моён упрямо осталась на прежнем месте. Она думала о том, что случилось с Сичжином, и, не имея возможности увидеться с ним, лишь безмолвно молилась у постели больного.

Успокаивающе звучали размеренные сигналы медицинской аппаратуры. Внезапно открылась дверь, и внутрь вошел Тэён.

– Даю вам ровно десять минут, – произнес он.

Девушка тотчас же поднялась и поспешила вслед за Тэёном к месту заключения арестованного капитана.

Небольшое здание, в котором располагался склад, идеально соответствовало своему назначению. Неуклюжее деревянное строение с иссохшими до щелей стенами было покрыто нескладной шиферной крышей. В Уруке всегда было очень солнечно, но внутри здания сохранялись тень и относительная прохлада.

Говорить с Сичжином было возможно лишь через закрытую дверь склада. Старший сержант извинился за то, что не в его власти отпереть дверь, и удалился. Оказавшись в одиночестве перед преградой, отделяющей ее от Сичжина, Моён ощутила болезненный прилив грусти.

– Это я, доктор Кан Моён, – прочистив горло, произнесла она.

Внизу, с обратной стороны двери, образовалась густая тень. Судя по всему, Сичжин подошел поближе.

– Страшно рад. Решили меня навестить? – услышала девушка.

Если голос можно было бы изобразить так же, как лицо человека, голос капитана имел бы сейчас выражение печали, прячущейся за нарочитой улыбкой.

– Мне жаль, что все так вышло.

К глазам Моён подступили слезы.

– В этом нет ни капли вашей вины.

Тень по ту сторону пришла в движение. Было похоже, что Сичжин уселся на пол и прислонился к двери.

– Пациент... все еще не пришел в себя.

Моён тоже присела и оперлась на дверь. Если бы не эта преграда, они сидели бы сейчас спина к спине.

– Не слишком ли много мужчин, о которых вы беспокоитесь? Перестаньте гоняться за всеми сразу, сосредоточьтесь на мне. Кстати, я теперь знаю, что вы меня не обманывали.

– Что вы имеете в виду? – сдерживая готовые прорваться рыдания, спросила Моён.

– Ваше хвастовство о том, как сексуально вы выглядите во время операций... Если без шуток, вы вели себя очень храбро. Вы понимаете это?

До сих пор сдерживаемые слезы хлынули из глаз девушки.

– Зачем вы это сделали? У вас ведь был выбор. Вы могли не вмешиваться...

– Я ведь вам говорил. Мой принцип – всегда защищать детей, стариков и красавиц. Не смог удержаться, когда передо мной оказались сразу двое из списка.

Моён зарыдала в голос. Все, что она хотела сказать, превратилось в слезный поток.

– Вы плачете?!

– Вы правда в порядке? Может, вам что-нибудь нужно?

– Да, хотелось бы получить С-4 или немного гексогена.

– Что это такое? – подавляя очередное рыдание, спросила Моён.

– Взрывчатые вещества. Я прекрасно себя здесь чувствовал, но теперь благодаря кое-кому мне безумно захотелось подорвать дверь и выйти наружу.

– Как вы можете шутить в такой ситуации?

– Это довольно сложно, но мне каким-то образом удается.

Очередная увертка Сичжина заставила Моён слабо улыбнуться.

Послышался звук приближающихся шагов. Обернувшись, Моён увидела, как к складу подходят двое солдат.

Моён повернулась к двери.

– Похоже, мне пора. У меня есть кое-что для вас. Думаю, вам пригодится.

Моён достала из кармана пластину от комаров, запах которой отгонял навязчивых насекомых. Она протянула пластину под дверь и почувствовала, как Сичжин взял ее скромный подарок.

– Спасибо. Как раз то, чего мне здесь не хватало, – с улыбкой в голосе поблагодарил капитан.

– Я ухожу, до свидания.

Моён дотронулась до двери. Иссохшие деревянные доски были шершавы на ощупь, но рука девушки чувствовала их приятное тепло. Возможно, это было тепло, идущее из сердца Сичжина.

Если было бы возможно измерить температуру сердца Мёнчжу, градусник показал бы ниже нуля. Девушка стояла на открытой площадке международного аэропорта Урука, и, хотя беспощадно палило солнце, тело Мёнчжу, казалось, оледенело. Она преодолела половину земного шара в надежде оказаться в объятиях самого дорогого для нее человека. И сейчас этот человек неожиданно возник перед ней. Но девушка сразу же поняла, что он появился здесь не для того, чтобы ее встретить, а для того, чтобы сесть в самолет и покинуть Урук. На плечах Тэёна висел огромный армейский вещмешок.

– Тебя-то я и искала. Только не ожидала, что мы вот так сразу встретимся. – Голос Мёнчжу слегка дрожал.

Тэён ничего не говорил, лишь смотрел на девушку глазами раненого тигра.

– Куда направляешься? Снова убегаешь от меня? – спросила Мёнчжу, еще на шаг приближаясь к старшему сержанту.

Он по-прежнему хранил молчание.

– Я задала вопрос.

В глазах девушки засверкали слезы. С жалостью смотревший на это Тэён снял с плеч вещмешок и вытянулся по стойке смирно.

Это было приветствие, адресованное не любимой женщине, а старшему по званию.

– Старший сержант Со Тэён докладывает. Возвращаюсь в Корею...

В это мгновение ладонь девушки хлестнула его по щеке.

– ...согласно приказу, – стерпев пощечину, закончил он, как обычно принимая все, что исходило от Мёнчжу.

– Скажи, что это всего лишь временное отступление. Попроси меня ждать тебя. Обещай, что вернешься, чего бы это ни стоило!

Мёнчжу била Тэёна в грудь и плакала, как ребенок.

– Тут полно комаров. Даже если будет очень жарко, всегда ходите в форме.

Тэён приподнял руку, словно желая вытереть слезы девушки, но тут же опустил, так и не набравшись храбрости. Мёнчжу смотрела на него заплаканными глазами. На секунду встретившись с ней взглядом,

Тэён наклонился за сброшенным вещмешком, поднял его и направился к самолету, слегка задев плечом девушку. В тот же момент рука Мёнчжу легла на его руку. Развернувшись, Тэён притянул к себе возлюбленную и крепко обнял.

Ради этого объятия она не послушалась воли отца. Ради этого объятия она забыла не только о собственном благополучии, но и о собственной гордости. «Что еще мне предстоит вынести, от чего отказаться, сколько ждать ради того, чтобы он снова меня обнял?» – успела подумать Мёнчжу.

– Что ты делаешь? Чего ты хочешь от меня?

– Чтобы вы были осторожны, пока находитесь здесь.

Еще раз крепко прижав к себе девушку, Тэён отступил. словно в замедленной съемке его рука, обнимавшая плечи Мёнчжу, опустилась. Ее сердце замерло. Девушку охватило предчувствие несчастья. Было невыносимо больно смотреть вслед удалявшемуся Тэёну. С вещмешком на спине он напоминал навьюченного верблюда, грустно бредущего сквозь бескрайнюю пустыню.

– Зачем ты обнял меня? Зачем снова растревожил мою душу? Раз ты сделал это, не убегай от ответственности! Ты же сам говорил, что счастье невозможно, если останется привязанность к тому, с кем расстался! – закричала ему вслед Мёнчжу, не в силах сдвинуться с места.

Возможно, это именно она осталась посреди бескрайней пустыни. «Разве любовь не подобна миражу, всегда оказывающемуся иллюзией?» – горько подумала девушка. Глядя вслед удалявшемуся Тэёну, она чувствовала холод и одиночество.

Пока в аэропорту рекой лились слезы, в полевом госпитале царило веселье: прооперированный генеральный секретарь Мубаратх наконец-то пришел в сознание. Все показатели были в норме, никаких осложнений после операции не возникло. Анализ крови тоже оказался превосходным. Прибывший с большим опозданием личный врач Мубаратха поблагодарил Моён, признав, что благодаря корейским хирургам пациенту удалось преодолеть серьезнейший кризис. Начальник охраны, ранее пытавшийся остановить Моён с помощью оружия, хоть и безмолвно, но извинился, склонив перед ней голову. Сам Мубаратх был еще слишком слаб, чтобы говорить, однако в его взгляде читалась искренняя благодарность врачам.

Через некоторое время прибыл вертолет, направленный правительством Южного Урука для транспортировки важного пациента и сопровождавшей его команды в городскую больницу. Медики и военный отряд собрались у полевого госпиталя проводить гостей. Они смотрели вслед удалявшемуся вертолету с чувством огромного облегчения.

Из всех них лишь Моён не смотрела в небо, а глазами искала Сичжина. Однако капитана нигде не было видно. Отсутствовал и старший сержант Со Тэён.

«Неужели капитан до сих пор под арестом? Или ночью снова что-то случилось?» Моён умирала от беспокойства, но ей не у кого было спросить, что происходит. Тем временем последовала команда расходиться, и все вернулись к своим делам. Моён вместе с другими врачами направилась в госпиталь.

Санхён упал на первый же стул, стоявший в приемной.

– Уф, мы были на волосок от смерти. Я в самом деле уже ожидал, что моя жизнь закончится в тридцать семь лет и вдали от дома.

– Пациент выжил, чтобы спасти доктора, – иронично заметила медсестра Ха Чаэ, устраиваясь рядом с Санхёном.

– Я безумно рад. Даже моя семья со всей ее властью и деньгами не смогла бы помочь в такой ситуации, – сказал Чхихун, наливая себе воды из кулера.

У Моён тоже пересохло в горле, но ей казалось, что до тех пор, пока она не узнает, что происходит с Сичжином, ее организм не сможет принять даже воду. Она присела на стул в углу коридора и прислонила голову к стене.

Медики продолжали делиться переживаниями.

– За всю мою медицинскую карьеру это второй случай, когда я так нервничал в операционной, – признался Санхён.

– А когда был первый? – поинтересовался Чхихун.

– Когда оперировал мать медсестры Ха Чаэ. Все боялся, что что-нибудь пойдет не так, – ответил Санхён и потряс головой, словно желая избавиться от неприятных воспоминаний.

Глаза Чаэ округлились от удивления. Судя по всему, она впервые слышала это признание.

В этот момент в дверь вбежала Минчжи:

– Говорят, капитана Ю освободили!

Услышав это, Моён резко вскочила со стула и поспешила наружу. Она чувствовала, как спину сверлят насмешливые взгляды коллег, но ей было все равно.

Моён направилась к зданию склада. Добежав до небольшой площадки, где сушилось белье, девушка остановилась. Она увидела стоявшего там Сичжина. Висевшие на веревках выстиранные белые простыни слегка колыхались на ветру. От белья, высохшего на солнце, исходил приятный аромат свежести.

– Я начал сомневаться, не шарлатанка ли вы. Но выходит, что нет. Вам действительно удалось его спасти, – произнес Сичжин вместо приветствия, делая шаг навстречу девушке.

– Вы сказали мне сделать это.

Моён не двигалась с места. Сердце забило быстрее.

– Вы меня послушались. А ведь говорили работу врачей оставить врачам.

Сичжин приблизился еще на шаг. Не осознавая, что делает, Моён отступила. Она мчалась сюда, сгорая от желания увидеть Сичжина, но теперь совершенно не знала, о чем говорить. Ей стало неловко под его пристальным взглядом. Сердце колотилось, как бешеное.

– Так вы все-таки затаили на меня злобу? – вызывающе спросила Моён, испугавшись, что Сичжин может услышать, как бьется ее сердце.

– За день в вас прибавилось самоуверенности, не так ли? – тепло рассмеялся Сичжин.

Его согревающий смех действовал успокаивающе.

– Вы говорили, надо уметь быть благодарной. И я хочу сказать вам спасибо. За то, что поверили в меня, – на секунду зажмурившись и снова открыв глаза, сказала Моён.

Про себя девушка успела заметить, как непросто выразить словами то, что у тебя на душе.

– Вам было очень страшно? – стал серьезным голос Сичжина.

– Признаться, да... Но вы ведь тоже испугались! – пошутила Моён, почувствовав себя гораздо лучше после того, как высказала главное.

– Для меня подобные ситуации, скорее, привычны. Да, и я все хотел сказать вам, но не было случая... Те мои слова про докторов, которые выступают в телепрограммах... Это не то, что я думаю о вас. Не переживайте из-за этого.

– Вы не сказали ничего неправильного, – ответила девушка и поджала губы.

– Как раз неправильно говорить такое врачу, который отваживается спасти пациента, даже находясь под дулом пистолета.

– Ну, раз вы настаиваете, соглашусь с вами.

Вместе они засмеялись.

Прошло два дня, и Моён с Сичжином получили приглашение от генерального секретаря Мубаратха. Они думали, что едут в больницу, однако их привезли в пятизвездочный отель, где в номере люкс Мубаратх восстанавливал силы под присмотром личного врача. Как и в полевом госпитале, генеральный секретарь был окружен охраной: вооруженных людей можно было заметить даже в холле отеля.

Огромный роскошный люкс впечатлял намного больше, чем тот номер в дорогой сеульской гостинице, куда девушку приглашал на свидание председатель правления больницы «Хэсон». Хотя Моён никогда не питала страсти к богатым интерьерам, она не могла оставаться равнодушной при виде подобного великолепия. Чего, похоже, нельзя было сказать о Сичжине – выражение лица капитана не говорило ни о каких восторженных чувствах. Поприветствовав гостей легким кивком, все тот же рыхлолицый начальник охраны провел их в гостиную.

Мубаратх сидел в кресле-коляске и смотрел в окно. Его голова была покрыта тюрбаном. Состояние пациента значительно улучшилось. Едва слышав шаги, Мубаратх энергично развернул кресло и оказался лицом к лицу с Сичжином и Моён. От приветственной улыбки на лице появились морщины, и Мубаратх стал похож на любящего деда, радостно встречающего внуков.

– Мне рассказали, что моя жизнь была спасена благодаря вашей храбрости и решительности. С вашей помощью Всемогущий дал мне время, чтобы я продолжил заниматься своей работой. Да благословит вас Аллах! – обратился Мубаратх к гостям на безупречном английском.

– Стресс по-прежнему может быть очень опасен для вас. Постарайтесь какое-то время не нервничать и избегать нагрузок.

Моён смотрела на Мубаратха с такой теплотой и сочувствием, словно действительно была его внучкой.

Мубаратх рассмеялся:

– Я вижу, независимо от национальности, врач всегда найдет повод тебя отчитать.

– Воевать проще, чем поддерживать мир. Может быть, поэтому диктаторы живут так долго, – пожал плечами Сичжин.

– Мне легче согласиться с воином, чем с врачом. Но я постараюсь следовать вашему совету, доктор. Если будет угодно Аллаху, – ответил Мубаратх, кивнув в подтверждение своих слов.

– Было честью лечить такого выдающегося пациента. – Моён постаралась выразить то глубокое уважение, которое испытывала к находящемуся перед ней человеку.

– Это я должен быть благодарен. Прошу вас принять скромный подарок.

Мубаратх глазами подал знак начальнику охраны. Тот достал из ящика стола два конверта и протянул гостям. Принимая дар, Сичжин и Моён обменялись неуверенными взглядами. Внутри каждого конверта лежала визитка, выполненная так, что не оставалось сомнений в принадлежности ее владельца к высшему обществу. На визитках было выведено имя Мубаратха.

– Это не простые визитные карточки. Предъявив их, вы в любое время сможете получить любую помощь в любой стране с арабским населением, – объяснил начальник охраны.

Моён восторженно рассматривала подарок. Она пыталась представить, что можно получить с помощью кусочка пластика величиной меньше ладони, который обладал такой удивительной силой. Было похоже, что Сичжин думает о том же.

Как только они вышли из отеля, Сичжин дал волю любопытству. Заявив, что собирается испытать чудесный подарок, он помахал карточкой перед лицом сопровождавшего их начальника охраны. Араб выжидающе взглянул на капитана, и тот затребовал поездку на роскошной машине генерального секретаря, поразив всех присутствующих.

– Как вы могли использовать визитку Мубаратха, чтобы всего лишь арендовать машину?! Даже не для того, чтобы получить компанию по аренде машин! Вы ненормальный, признайтесь. Понятия не имела, что вы настолько недалновидны. У вас есть хоть какие-нибудь амбиции? Почему было не подумать о нефти, например? У арабов ее полно, стоит копнуть на заднем дворе, и найдешь нефть. Мы могли бы продавать нефть и обеспечить себя до конца жизни! Эти люди готовы были дать вам что угодно!

Моён, сидевшая на пассажирском сиденье роскошного автомобиля, без остановки упрекала Сичжина, взявшего на себя роль

шофера.

– Неужели продешевил? Мне казалось, я отлично распорядился визиткой, – притворно посетовал капитан.

– Вы называете это «отлично распорядиться»?!

– Конечно! У нас в запасе еще два с половиной часа до возвращения в часть, а на этой машине я домчу нас за тридцать минут. Остается целых два часа на свидание с вами.

– Точно ненормальный! Использовать визитку Мубаратха ради свидания! И потом, я на него не соглашалась!

– Не думаю, что у вас есть выбор.

– Нет, ну какая жалость! Даже не мечтайте притронуться к моей карточке! Как бы мне ее использовать? Может, открыть частную клинику в какой-нибудь арабской стране? Ой! Нам надо было сфотографироваться вместе с ним! Я бы зарабатывала кучу денег, если бы на стене в моей клинике висела наша фотография! Как вы думаете?

Моён не могла остановиться и грезила наяву.

– Почему вы выбрали профессию врача? – усмехнувшись в ответ и сразу став серьезным, спросил Сичжин.

– Потому что лучшие оценки у меня были по корейскому, английскому и математике. Особенно по математике.

– Веская причина.

– Врачи много зарабатывают. Лучше уж провести жизнь в погоне за деньгами, чем вечно мучиться от их отсутствия. Меня не интересует, что обо мне думают, и я выкладываюсь ровно на ту сумму, какую мне платят. Я мечтаю открыть собственную больницу в самом престижном районе Сеула. И даже если вы разочаруетесь во мне, посчитав меркантильной, меня это не остановит.

– Почему вы так часто представляете себя в дурном свете?

– Я заключила договор с самой собой. О том, что буду работать ради денег. Пока вас не было, много чего произошло. Я изменилась. Но вы, кажется, не изменились ни капли.

– Я стал еще более привлекательным, разве не заметно?

– И шутите точно так же, как прежде, – улыбнулась Моён.

– Ваша улыбка стала еще красивее.

Сичжин сказал это самым обычным тоном, как будто не придавая особого значения словам, но сердце девушки снова сжалось от сладкой боли. Она перестала улыбаться и бросила взгляд на сидящего за рулем

Сичжина. Широкие плечи, сильное стройное тело, красивое лицо, прекрасные манеры. Великолепное творение Создателя. Когда он шутил, время поворачивалось вспять, и Моён снова чувствовала себя то смешливой девчонкой, то застенчивой двадцатилетней девушкой. Рядом с ним каждое мгновение становилось чудесным. Не успела Моён признаться себе, что ей хотелось бы быть рядом с ним как можно дольше, как ее размышления прервал телефонный звонок.

– Да, слушаю... ООН?.. Кто?.. Понятно.

Завершив короткий разговор, Сичжин мрачно взглянул на девушку.

– Мне очень жаль... – с видимым усилием начал он.

– Опять? Вам опять надо срочно куда-то отправляться?

– Да. Вам придется самой добираться в часть. Я отдам вам машину.

– Все наши свидания заканчиваются одинаково. Что в Корее, что здесь. Но куда вы поедете? Это тоже секретная миссия? Мне нельзя вместе с вами?

– Это не секретная миссия, но если вы поедете со мной, ваше мнение обо мне не улучшится.

– Почему вы всегда хотите выглядеть только с выгодной стороны?

– Потому что моя работа сама по себе уже достаточно препятствует нашим отношениям.

– Но если я все-таки скажу, что хочу поехать с вами? – упрямо настаивала Моён, не сводя глаз с Сичжина.

Сичжин смотрел вперед, избегая отвечать на взгляд девушки. Капитан глубоко вздохнул. Она вела себя как ребенок, не осознавая, насколько для него все серьезно.

Глава 5

Сладко-горький поцелуй

Снаружи бункера льет как из ведра дождь. На стенах пламенеют нанесенные красным спреем граффити на незнакомом языке. Везде разбросаны фотографии. На одной из них совсем юный иракский солдат, одетый в бронежилет, жизнерадостно улыбается в камеру. Это его последний прижизненный снимок. Есть тут и фотографии разрушенных зданий и погибших от взрывов людей. Бункер служит укрытием для иракских экстремистов. Вооруженные бандиты в масках несут дозор около тяжелой железной двери.

Висящий пеленой дым сигарет, смешавшийся с запахом пороха запах крови, короткие смешки, душераздирающие крики, долетающие то ли из соседней комнаты, то ли откуда-то еще, орудия пыток, покрытые ошметками плоти, кровавые лужи под ногами.

Сичжин не знает, сколько раз его уже избивали. Неистово, беспощадно, ногами, обутыми в тяжелые армейские сапоги. Его рот полон крови.

– Спрашиваю еще раз. Радиокод объединенных войск?

Этот вопрос повторяется снова и снова. А Сичжин вместо ответа снова и снова выговаривает на родном языке:

– Капитан Ю Сичжин. Личный номер 05-10051. Войска специального назначения Республики Корея.

Мощный удар в затылок.

– Отвечай на английском! Радиокод объединенных войск?

Внезапно звук дождя прорывает автоматная очередь. Помещение заполняет клубящийся дым подброшенной дымовой шашки. Палачи Сичжина хватают оружие и куда-то бегут. К нему подходит какой-то человек и берет его за руку. Сичжину удается рассмотреть лицо капитана Кима. Тот развязывает веревки, которыми скручен пленник.

– Уходим отсюда. – Улыбка капитана Кима едва различима сквозь дым.

Сичжин проснулся и резко сел на кровати. Это был всего лишь сон.

По телу капитана струился холодный пот. Было темно, как в шахте, раздавалось похрапывание спящих рядом бойцов. Сичжин

взглянул на циферблат: два часа ночи. У капитана раскалывалась голова. Он знал, что теперь не сможет заснуть до рассвета. Так происходило всегда, когда во сне ему являлся капитан Ким.

Сичжин отбросил одеяло и встал с кровати. Сонное сопение стоявшего в ночном карауле солдата тут же прервалось, и рядовой отдал честь. Сичжин хлопнул караульного по плечу и вышел из казармы наружу.

Капитан Ким Чинсок был для Сичжина не только старшим товарищем, но и близким другом. Сичжин относился к нему как к старшему брату. Именно капитан Ким научил Сичжина смехом побеждать страх. Он любил повторять, что жизнь солдата чаще всего заканчивается не на троне, а на гильотине, но даже такие мрачные сентенции умудрялся произносить с бодрым смешком. Сичжин многим был обязан капитану, но не успел отплатить ему за добро. Ким Чинсок погиб, выполняя боевое задание.

Это случилось семь лет назад. Группа исламских экстремистов захватила заложников. К их освобождению привлекли спецназ нескольких стран. В ходе операции Сичжин и боец американского спецподразделения «Дельта» Дэвид Аргус попали в плен. Как выяснилось позже, заложников у террористов не было – боевики подстроили объединенным войскам западню.

Капитан Ким, возглавлявший в то время группу «Альфа», вместе со своими бойцами прорвался в укрытие террористов и освободил Сичжина и Аргуса. Но в тот момент, когда вертолет был готов забрать бойцов «Альфы» и освобожденных пленников, прозвучал выстрел. Капитан Ким, прикрывавший изможденных пытками боевых товарищей, был убит наповал. Пуля, прошившая его горло, ранила и Сичжина, однако искалечила душу сильнее, чем тело: Сичжин выжил, но получил глубокую психологическую травму и теперь регулярно видел сны о том трагическом дне.

Первые несколько лет сновидения о пытках и выстреле повторялись снова и снова, как если бы кто-то перематывал видеокассету с фильмом на один и тот же момент. Однако со временем душевная боль притупилась, и два года назад Сичжин перестал видеть мучившие его сны. Сегодняшний случай был первым за долгое время. Возможно, потому, что вчера он провожал в последний путь другого

боевого товарища – бойца британского спецназа, погибшего при исполнении.

Именно эту печальную новость сообщили Сичжину по телефону, когда он ехал в автомобиле с Моён. Сичжину не хотелось лишний раз демонстрировать, как тесно его работа соседствует со смертью, – ведь он знал, что это одна из главных причин, которые мешают им с Моён быть вместе. Однако девушка упрямо настаивала на том, чтобы отправиться с Сичжином. Так и случилось, что они приехали на церемонию прощания вместе.

Все происходило в международном аэропорту Урука. Пока Сичжин и другие бойцы отдавали честь погибшему, Моён ждала поодаль, с расстояния наблюдая за церемонией. Сичжин не знал, о чем она может думать в такой момент.

Когда они вернулись в отряд, Моён спросила, как погиб спецназовец.

– Защищая мир других людей, – ответил Сичжин.

Он не имел права рассказывать о случившемся. Сичжину было известно, что Майкл, как звали погибшего, был убит контрабандистами, незаконно перевозившими оружие в Северный Урук. Однако существовало железное правило: обстоятельства гибели бойцов отрядов специального назначения не разглашались. Поэтому Сичжин на подобные вопросы отвечал одинаково. У него не было другого выхода. Все его погибшие товарищи отдали жизни, защищая мир. Капитан Ким, снова явившийся Сичжину во сне, был лучшим из них.

В государственных делах невозможно обойтись без секретности. Бывает так, что о произошедшем не узнаёт никто, кроме узкого круга людей. Так вышло и в случае с генеральным секретарем Мубаратхом. Арабская сторона отправила неофициальное послание правительству Республики Корея с просьбой сохранить в тайне «дело об операции VIP-пациента». Просьба касалась не только информации медицинского характера, но даже и самого факта пребывания Мубаратха на территории отряда корейских военнослужащих. Правительство Республики Корея обещало полное содействие, в результате чего перед военным руководством встал вопрос, как поступить с капитаном Ю Сичжином, не выполнившим приказ.

Через несколько дней в штабе миротворческого батальона «Тхэбэк» собралась дисциплинарная комиссия. Сичжин, облаченный в мундир, предстал перед военным начальством.

– В связи со сложившимися обстоятельствами комиссия не имеет права назначить официальное дисциплинарное взыскание за неисполнение приказа. Однако члены комиссии сошлись во мнении, что ваш поступок не может быть оставлен безнаказанным. Поэтому решено лишить вас жалования сроком на три месяца. Причиной будет указано нарушение правил при обращении с неразорвавшимся снарядом, имевшее место ранее. Возражения? – чеканным голосом произнес председатель комиссии.

– Возражений нет, – кратко ответил Сичжин.

– Кроме того, вы будете исключены из списка офицеров, рекомендованных к представлению звания майора. Возражения?

– Возражений нет.

– Свободны.

Сичжин отдал честь и покинул помещение. Даже после выговоров и наказаний он ни о чем не жалел. Повторись ситуация снова, он поступил бы точно так же.

Внезапно кто-то с силой наступил ему на ногу.

– Если так витать в облаках, можно и на мину нарваться, – улыбнулась Мёнчжу, показывая белоснежные зубы.

– Ты что вытворяешь?! Когда приехала?

– Пару дней назад. Говорят, у вас неприятности?

– Не злорадствуй... Слушай, зачем тебе армия? Вместо того чтобы торчать в этой дыре, открыла бы частный бизнес где-нибудь в центре Сеула.

– Эй! У женщин тоже есть честолюбие. Хочу еще звезд на погоны. Очень может быть, что у меня их будет побольше, чем у вас, – судя по тому, как часто вы умудряетесь злить начальство.

– Заранее поздравляю. Кстати, не похоже, чтобы ты разыскивала старшего сержанта. Уже знаешь, что ему приказали вернуться в Корею?

– Мы встретились, как только я приземлилась. В аэропорту.

– А, вот как. Аэропорт не пострадал? – пошутил Сичжин.

– Вы на чьей стороне?! – тут же взвилась Мёнчжу.

– Что за вопрос? На стороне родной страны, разумеется.

Сичжин был готов рассмеяться, но внезапно лицо капитана застыло. В конце коридора появилась Моён. Оглядываясь в поисках нужного помещения, девушка дошла до кабинета командующего батальоном подполковника Пака и скрылась за дверь.

Могла существовать только одна причина, по которой Моён разыскивала Пака. Наверняка девушка прослышала о заседании комиссии и грозящих Сичжину неприятностях. Поспешно распрощавшись с Мёнчжу, Сичжин заторопился к кабинету командующего.

– Нам же удалось спасти ему жизнь! Я хочу знать, почему решено наказать капитана. Я буду свидетелем защиты. И я тоже несу ответственность за случившееся! – Звонкий голос Моён был слышен даже через закрытую дверь.

– Послушайте, доктор Кан! Вы не в зале суда. Вам известно, какое дисциплинарное взыскание получил капитан Ю? Три месяца без жалования и отсрочка получения очередного звания. Вы хотите разделить с ним наказание? Каким образом?

Хотя Сичжин не мог видеть подполковника, он живо представлял выражение лица Пака.

Постучав и не дожидаясь ответа, Сичжин распахнул дверь и решительно вошел. Подполковник Пак уставился на него испепеляющим взглядом.

– Прошу прощения, – отсалютовав, произнес Сичжин и виновато склонил голову.

В следующий миг он вылетел из кабинета начальника, держа за руку Моён, смотревшую на него округлившимися от испуга глазами.

– Не думайте, что я пытаюсь выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Как врач я не могла принять другого решения и, приняв его, просто пошла до конца. К счастью, все закончилось благополучно. Я не понимаю, почему вас наказывают из-за моего поступка. Куда можно подать апелляцию? Я сделаю все, зависящее от меня... – Спеша за Сичжином, Моён едва не захлебывалась словами.

– Вы ведь умеете водить машину? Уезжайте.

Сичжин распахнул дверцу и повернулся, готовясь уйти. Он был рассержен, но не мог дать воли своим чувствам. В груди было тесно. Он знал, что, если начнет разговор, не успокоившись, может наговорить лишнего и обидеть девушку.

– Куда вы? – преградила ему путь Моён.

– Зря вы приехали! – не сдержался Сичжин.

– Зря приехала?! Из-за меня пострадал другой человек...

– Не из-за вас! Вы думаете, я нарушил приказ ради женщины? Помните мое ранение, которое увидели в нашу первую встречу? Когда я стал членом спецгруппы, один старший товарищ сказал мне: «Солдат всегда ходит в саване. Смерть может настичь на чужой земле, и тогда могилой будет то место, где сложил голову, а военная форма – саваном. Носи свою форму, не забывая об этом. И старайся прожить достойно каждый момент. Не существует причин, по которым можно забыть о достоинстве». Однажды он спас мне жизнь... Как раз в тот день, когда я получил пулю... Я хочу сказать, что все решения, важные и не очень, я принимаю, думая о чести, достоинстве и долге своих боевых товарищей. В этот раз было так же. Я принял решение, которое должен был принять, и я ни о чем не жалею. Однако неподчинение приказу не должно оставаться безнаказанным ни при каких обстоятельствах. Армия решает такие вопросы по-своему. Вам не стоит во все это вмешиваться.

Сичжин закончил свою неожиданно длинную речь. Моён, привыкшая на все отвечать возражением, на этот раз необычно долго молчала. Она выглядела расстроенной.

– Простите, что своим беспокойством причинила вам неприятности, – в конце концов с горечью произнесла девушка.

Она села в машину и уехала, не сказав больше ни слова. Сичжин смотрел вслед удалявшемуся автомобилю. Он опустил глаза, лишь когда машины совсем не стало видно.

Почему он заговорил о капитане Киме? Сичжин не мог забыть, с каким выражением на лице Моён осматривала его в больнице «Хэсон». Это длилось всего лишь мгновение, но тогда плечи девушки вздрогнули, а в глазах промелькнул страх. Ей хотелось задавать вопросы, но она сдерживалась, так как в то время они были всего лишь врачом и пациентом.

Сичжин отправился из штаба пешком, так и не сумев успокоиться. Через некоторое время зазвонил телефон.

– Капитан? Не занят? – раздался голос Тэёна, находившегося на другом конце земного шара.

Это был первый разговор друзей после короткого прощания через дверь склада, где сидел под арестом Сичжин. Хотя капитана Ю тогда отстранили от командования отрядом, Тэён все равно явился с рапортом об отъезде.

На слова Сичжина, что ему можно ни о чем не докладывать, так как он больше не возглавляет отряд, Тэён ответил:

– Я считаю приказ моего командира верным и справедливым, и для меня было честью его исполнить. Буду ждать нашей встречи.

Для Сичжина услышать такое от друга и сослуживца было ценнее любой награды и новых звезд на погонах.

– Нормально добрался? Я только что был в штабе. Сейчас шагаю в часть. – На последней фразе Сичжин вздохнул.

– Шагаешь?

– Да, шагаю. Ногами. Пешком. По дороге.

– Ты имеешь в виду, ты у казарм? Только что вышел из машины?

– Нет, я имею в виду, что иду пешком прямо от штаба.

– А, вот как... Видел Мёнчжу?

– Это все, что ты можешь сказать?! Между прочим, мне не дадут майора, и я не буду получать денег целых три месяца!

– Это минимум того, что ты заслужил. Советую тратить поменьше на свою женщину.

– Женщина тут совершенно ни при чем! Ты ведь прекрасно знаешь, что я стараюсь ради безопасности граждан родной страны!

– Конечно, ведь гражданка такая красивая.

– Эй, ты звонишь, чтобы позлить меня?

– Нет, я звоню не для этого, но раз позвонил, почему не позлить?

Так ты видел Мёнчжу?

– Старший сержант Со! – перешел на обращение по уставу Сичжин. – Известно ли вам, сколько стоят международные звонки? Советую тратить поменьше на свою женщину!

Услышав, как друг рассмеялся, Сичжин тоже не сдержал смех. На душе стало светлее. Тэён был человеком, с которым Сичжин мог говорить обо всем, даже о капитане Киме. Человеком, который понимал его и без слов.

– Загляни в самый верхний шкафчик на кухне, там припрятана бутылка вина. Я думаю, сегодня тебе не помешает выпить, – сказал на прощанье Тэён, и у Сичжина возникло теплое чувство, как если бы друг похлопал его по плечу.

Вино действительно оказалось там, где сказал Тэён. На бутылке маркером было отмечено, сколько алкоголя осталось, – в этом была вся педантичная натура старшего сержанта.

За окном лил дождь. Откупорив бутылку, Сичжин наблюдал за ливнем, не притрагиваясь к вину. Такой дождь не идет долго. Льет обильно, но не задерживается. Сичжин подумал, что появление Моён в его жизни похоже на этот кратковременный дождь.

Словно материализовавшись из его мыслей, Моён открыла дверь и вошла в кухню. Как только Сичжин увидел девушку, он понял, что вино было лишь предлогом, и все это время он находился на кухне, ожидая ее прихода. Так иссохшая земля ждет дождя. Однако, заметив капитана, девушка поспешно отвела глаза и повернулась, чтобы уйти.

– Вы что-то хотели? – остановил ее вопросом Сичжин.

– Попить воды, – ответила она после секундного замешательства.

– Тогда почему уже уходите? Передумали?

– Мне показалось, вы хотите побыть в одиночестве, – неуверенным голосом сказала Моён и слегка прикусила нижнюю губу.

– Нет, я хочу побыть вместе с вами. Сколько раз нужно вам объяснять.

Девушка не отвечала, но не сводила с него взгляда.

Сичжин заговорил снова:

– Не уходите, идите сюда.

Явно преодолевая сомнение, Моён подошла ближе.

– Может, вместо воды выпьете немного вина? – Сичжин протянул бутылку.

Моён не сразу, но взяла ее. Девушка встала поудобнее, спиной к кухонной стойке. Сичжин начал искать стакан, но когда протянул его девушке, оказалось, что она уже пьет прямо из горлышка. Не успел Сичжин подумать, что даже в такой сомнительной ситуации Моён неотразимо красива, как девушка предложила выпить и ему.

– На службе не пьют, – покачал головой Сичжин.

– Разве вы достали вино не для того, чтобы выпить? – удивилась Моён.

– Собирался, но раз появился свидетель, вынужден воздержаться.

Моён хмыкнула.

– Извините меня за сегодняшний день. Мне не стоило вмешиваться.

– Это я хотел извиниться. Давайте считать, что мы оба попросили прощения, и больше не будем говорить об этом. – Сичжин почувствовал огромное облегчение.

– Только вы-то не попросили, – неожиданно сурово произнесла Моён.

Увидев замешательство капитана, девушка рассмеялась.

– Испугались? Как вы сюда добрались?

– Бегом. Только мне под силу преодолеть такое расстояние так быстро.

– Я видела, как вы выходили из машины.

– Видели? Зачем тогда спрашиваете?

– Хотела услышать остроумный ответ.

Сичжин улыбнулся. Он чувствовал себя околдованным. Ливень за окном прекратился, и в тишине Сичжин слышал биение собственного сердца – словно капли дождя продолжали отбивать дробь внутри него самого.

– Вам очень идет мундир. Только жаль, что надеть пришлось по такому случаю.

– Вам нравятся мужчины в форме?

– У женщин свои фантазии.

– Именно поэтому я и решил стать военным.

Моён опять рассмеялась и сделала новый глоток. Капелька вина осталась на губе девушки.

– Хорошее вино? – спросил Сичжин.

– Да, неплохое... Любите выпить?

– Я мечтал выпить с вами по бокалу вина после фильма в тот день.

– Это было бы идеальным свиданием.

– Вы в итоге посмотрели кино?

– Нет.

– Почему?

– Потому что это был фильм, который я хотела увидеть вместе с одним человеком. Кстати, я решила, что, если в следующий раз меня пригласят на свидание в кино, выбирать надо будет проходную

картину. Наш фильм был хорошим, о нем постоянно писали, и я вспоминала оставившего меня Ю Сичжина всякий раз, когда на глаза попадались статьи.

Сердце Сичжина с силой ударило о грудную клетку. Капитан чувствовал себя так, словно внутри него пытается загрохотать гром.

Они смотрели друг на друга не отрываясь. Глаза Моён ярко сияли. Взгляд Сичжина заскользил по лицу девушки и остановился на ее губах.

– Похоже, вам все-таки хочется выпить, – смутилась Моён и опустила глаза.

– Есть и другой способ.

Сичжин коснулся пальцами ее подбородка и почувствовал сладкий запах вина. Его губы примкнули к ее губам, и к запаху добавился такой же сладостный вкус. Поцелуй был нежным и медленным. Остановившись, Сичжин не сводил взгляда с закрытых глаз девушки. Длинные бархатные ресницы затрепетали, и Сичжина поглотила бездонная глубина. Они смотрели друг другу в глаза бесконечно долго. Капитан чувствовал, что сердце девушки бьется так же сильно, как его собственное, словно дробно стучавший внутри дождь перекинулся дальше. Сичжин снова приблизился к ее губам, но в то же мгновение Моён чуть повернула голову, отстранившись от капитана. Как при свете, включившемся в кинозале после окончания фильма, все вокруг стало выглядеть разочаровывающе обыденно.

– Спокойной ночи... Если вы не против, я заберу вино.

Моён вышла из кухни. Казалась, она намеренно держит спину так прямо. Сичжин опять проиграл, пытаясь сократить дистанцию между ними: он сделал шаг, но она отступила на два. Внезапно дождь, барабанивший внутри капитана, остановился. Стояла глубокая ночь, и не было солнца, чтобы согреть вымокшую под дождем землю.

Сичжин проснулся с мучительным ощущением давящей на него проблемы, с которой надо было покончить как можно скорее. Еще не открыв глаза, он вспомнил, как отстранилась от него Моён перед тем, как уйти. Жалел ли он о том, что случилось ночью? Нет, это было не сожаление, но злость на самого себя – за то, что поторопился обмануться, приняв желаемое за действительное. Девушке требовалось больше времени, чтобы разобраться в себе.

Пока он раздумывал над тем, как вести себя при встрече, дверь открылась и вошел Чхихун. Он передал, что доктор Кан разыскивает капитана. Сичжин тут же поднялся с места, оставив самобичевания на потом.

По лицу Моён невозможно было сказать, что девушка пережила что-то для себя необычное. Может, выпитое вино стерло воспоминания? Сичжин был готов усомниться, не привиделось ли ему все во сне.

Она обратилась к нему с просьбой от медицинской команды. Местный мальчик, который до сих пор находился на лечении в полевом госпитале, внезапно исчез, оставив лишь непонятный рисунок, напоминавший карту. До выздоровления было еще далеко, ребенок должен был лечиться дальше. Капитана просили помочь отыскать маленького пациента.

Сичжин взглянул на рисунок. Обезьяна, деревья, кот, камень, дорога, дом... Это была деревня Черная высота, расположенная у Кошачьего камня за Обезьяньим лесом.

Усадив Моён в машину, Сичжин тронулся в путь. Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, девушка рассматривала пейзажи, проносящиеся за окном. Не зная, о чем она думает, Сичжин чувствовал нарастающее беспокойство.

– Хорошо спали?

– Вы не дали мне такой возможности, – холодно ответила Моён.

– То, что вчера случилось...

– Я не хочу говорить об этом, разве не очевидно? – прервала его девушка.

– Почему?

– Потому что все слишком запуталось. Я хотела бы разобраться в себе и до тех пор не собираюсь обсуждать прошлую ночь.

– Я могу это понять. Как и то, что вы злитесь. Но хочу, чтоб вы знали, что я не пытался воспользоваться обстоятельствами. Я тысячу раз думал об этом, прежде чем решиться.

Моён пронзила его взглядом. Сичжин отвернулся и стал смотреть на дорогу.

Впереди показался силуэт сбежавшего мальчика. Сичжин посигналил, и ребенок, обернувшись, засмеялся и помахал рукой. Когда они усадили мальчишку в машину, атмосфера заметно разрядилась.

Вдоль дороги, ведущей в деревню, словно гигантская декоративная ширма, выстроились обрывистые утесы. Сюда не дотянулись коммуникационные сети, и мобильные телефоны были бесполезны. Деревня возникла, когда в этих местах собрались беженцы; в ней не было других строений, кроме простейших мазанок. Война давно закончилась, но в деревне по-прежнему оставались женщины и дети, жившие в ошеломляющей бедности. Не было видно ни одного мужчины.

Моён отдала лекарства матери мальчика и с помощью рисунков постаралась объяснить, как надо их принимать. Сичжин не отрываясь наблюдал за девушкой. Ее дружелюбие, терпеливость и собранность располагали к ней людей. Доктор Кан объясняла вещи доступно и была внимательна к деталям.

Но по дороге обратно, когда они остались вдвоем, Сичжин снова почувствовал неловкость и беспокойство.

Молчание становилось невыносимым, когда Моён неожиданно произнесла:

– Спасибо за помощь... Можно задать один личный вопрос? Мне давно хотелось узнать, почему вы решили стать военным. Только не говорите опять о женских фантазиях.

– Потому что кто-то должен служить в армии.

Услышав его ответ, Моён поджала губы.

– Вам не нравится моя профессия. Поэтому для вас все так сложно, – вслух истолковал Сичжин молчание девушки.

– Я подумала о том, каким сильным должен быть дух патриотизма, если вы готовы отдать жизнь ради страны.

– Дух патриотизма?

– Я имею в виду любовь к родине, преданность стране и ее гражданам.

– Вы считаете, эти чувства должен испытывать только военный? Не уверен, что понимаю ваше определение... Вера в то, что необходимо защищать детей, стариков и красавиц. Смелость одернуть уличную шпану, курящую по подворотням. Способность назвать неправо не правым даже с пистолетом у виска. Честь солдата, о которой он думает прежде всего. Вот что я назвал бы духом патриотизма... Позвольте мне тоже спросить. Будь я не военным, а скромным финансовым магнатом во втором поколении, для нас все сложилось бы проще?

– О нет. Скромники не в моем вкусе, – состроила гримаску Моён.

Сичжин не ожидал, что она отшутится. Он был слегка раздосадован.

– Сам виноват, забыл упомянуть привлекательность, – подыграл он Моён.

Девушка рассмеялась. Сичжин тоже постарался выдавить улыбку. Похоже, пока оставалось довольствоваться тем, что они могут проводить время, болтая и подтрунивая друг над другом.

На следующий день Сичжин отправился в находящийся в Моуру магазин, торгующий техникой и хозяйственными товарами. Он хотел увидеться с хозяином магазина, Даниелем Спенсером. Последние три месяца Даниеля не было в Уруке – ему был запрещен въезд в страну. Он вернулся совсем недавно, когда после выборов власти прекратили преследование диссидентов и запрет был снят. Даниелю было тридцать пять лет, он происходил из межнациональной семьи, имевшей азиатские корни, и не только владел магазином, но также исполнял обязанности врача миротворческих сил. Даниель был блестящим специалистом и бесстрашным человеком – он всегда готов был первым отправиться на помощь пострадавшим даже в самые опасные районы боевых действий или места, где бушуют природные катаклизмы.

Сичжин познакомился с Даниелем во время афганской операции – врач, тоже находившийся в то время в Афганистане, помог сослуживцу Сичжина, пострадавшему в бою. Между мужчинами обнаружилось много общего: они разделяли взгляды на жизнь и оба обладали развитым чувством юмора. В следующий раз судьба свела их в Уруке.

Примечательной была история женитьбы Даниеля. Его супругой была русская кореянка Ехва, работавшая медсестрой в команде спасателей миротворческой миссии. Даниель и Ехва впервые встретились на канадской границе. У девушки были серьезные проблемы с паспортом, из-за которых она оказалась в ситуации, опасной для жизни. Даниель, не сомневаясь ни секунды, предложил помощь. Они зарегистрировали брак и стали мужем и женой, едва познакомившись. Друзей они убеждали, что поженились фиктивно, и продолжали называть друг друга просто коллегами. Однако Сичжин видел, что эти двое любят друг друга, но боятся признаться в своих чувствах. Это было даже забавно: люди, которые готовы были пожертвовать жизнью во имя мира и спасения других людей, теряли всякую решимость перед лицом любви.

Открыв дверь магазина, Сичжин увидел супругов, вместе пивших чай. Даниель приветствовал его радостной улыбкой. Ехва по-хозяйски быстро организовала чай для Сичжина и вышла на улицу, оставив

друзей одних. Сичжин уселся рядом с Даниелем и начал расспрашивать, чем тот занимался последнее время. Даниель подробно рассказывал о том, что пережил, пока находился вдали от Моуру.

– Значит, какое-то время будешь работать здесь? – уточнил Сичжин. Голос его был серьезен.

– Думаю, часто придется выезжать в Северный Урук. Автоматами, которые туда контрабандой поступают из Южного Урука, стали вооружать даже детей, – с горечью ответил Даниель.

Сичжину уже приходилось слышать об этом, но Даниель располагал более полной информацией. Все сильнее хмуря брови, капитан слушал его рассказ о беззаконии, царящем в Северном Уруке.

– Стало быть, война закончилась, навариться на ней больше не получится, и банды стали делить власть между собой. Когда передел закончится, выживут только сильнейшие, – подытожил Сичжин.

Даниель кивнул и добавил, что бандиты с каждой минутой укрепляют свое влияние в Северном Уруке.

В этот момент Сичжин бросил взгляд в окно и заметил, что за ним наблюдает какой-то мужчина. Лицо показалось знакомым. Сичжин вспомнил, где его видел: это был водитель бутафорского грузовика, перевернувшегося на горной дороге. Мужчина тогда был в форме гуманитарного подразделения ООН, однако грузовик перевозил отнюдь не гуманитарную помощь, а оружие. Водитель был арестован и передан полиции. Человек, причастный к нелегальной торговле оружием, не мог свободно расхаживать по улицам Моуру. Сичжин рывком поднялся с места и торопливо вышел из магазина.

– Я думаю, мы знакомы, – произнес Сичжин на английском, наставляя пистолет на преступника.

– Почему же не радуешься встрече? И разве военным позволено тыкать пистолетом в безоружного гражданина, подвергая его жизнь опасности?

– Прекрати нести чушь.

Передернув затвор, Сичжин выстрелил в шину автомобиля, рядом с которым стоял мужчина. На гулкий звук выстрела, заполнившего узкую улочку, выскочили еще несколько парней с оружием в руках.

Сичжин, предвидевший их появление, иронично поднял бровь:

– Безоружные граждане?.. Выходит, у тебя есть связи в полиции, раз тебя отпустили. Но зачем ты сюда заявился и ждал, пока я тебя

замечу? Отвечай!

Занервничавший бандит оглядывался по сторонам. Он явно кого-то ждал.

Расталкивая вооруженных подельников, к Сичжину подошел массивный мужчина в черном костюме и солнцезащитных очках.

– Полиция! Она всегда на стороне тех, кто лучше платит. В любой стране... Давно не виделись, лейтенант. А, уже капитан, – издевательским тоном произнес он, снимая очки.

– Капитан Аргус?..

Лицо Сичжина окаменело. Перед ним стоял боец американского спецподразделения «Дельта» Дэвид Аргус, вместе с которым семь лет назад Сичжин находился в плену у иракских экстремистов.

– Как ты здесь оказался? Что происходит? – не пытаясь скрыть замешательства, спросил Сичжин.

– Как видишь, сменил работу. Могу теперь ходить с прической, какая мне нравится. В остальном все то же самое: стреляю и получаю деньги. – Голос Аргуса звучал безразлично, но глаза смотрели высокомерно и вызывающе.

– Что с тобой случилось? В «Дельте» тебя до сих пор считают легендой... – выдержав взгляд Аргуса, спросил Сичжин.

Он с трудом верил в происходящее.

– Быть легендой совсем не прибыльно. Слушай меня внимательно, капитан. Тут очень много плохих парней. Для них не существует ни страха, ни закона, ни чести, ни родины. Сделай одолжение, держись подальше. Я знаю, ты любишь лезть куда не просят.

– Ты прав. Мне не стоило лезть и мешать тебе отправиться на тот свет. Теперь-то понятно, что ты должен был тогда умереть, – поддавшись гневу, Сичжин перешел с английского на корейский.

Он вспомнил, как сам едва живой после пыток разыскивал и тащил на себе полумертвого Аргуса из бункера террористов. Следом нахлынули воспоминания о смерти капитана Кима. Мысль о том, что капитан погиб, спасая этого подонка, была невыносима.

– Боишься высказаться так, чтобы тебя поняли? – с сарказмом спросил Аргус.

– Я тоже тебя попрошу. Больше не вздумай попадаться мне на глаза. Если увижу тебя еще раз, я за себя не отвечаю, – произнес

Сичжин на английском, четко выговаривая каждое слово.
Аргус видел, что в глазах капитана бушует гнев.

Сичжин вернулся в казармы во второй половине дня. Стоило ему остановить машину, как позвонила Моён. Захлебываясь слезами, девушка просила ее спасти. Сердце Сичжина ухнуло вниз. Он вспомнил подлые глаза Аргуса и отвратительные морды его подельников. Бандиты не могли ничего знать о Моён, но предчувствие беды возникло помимо воли.

– Что случилось? Где вы? Что вы видите? Опишите, что находится рядом с вами, – снова заводя машину, как можно спокойнее спрашивал Сичжин – чем напряженнее ситуация, тем больше требуются для ее решения самообладание и холодная голова.

– Машина... обрыв... машина... я...

Часто возникающие помехи не давали четко слышать сказанное. Информация о плохом сигнале и слово «обрыв» – вот и все, чем располагал для поисков Сичжин.

– Вы слышите меня? Надо немного подождать. Я скоро буду. Я вас найду.

Сичжин гнал машину по грунтовой дороге, пытаюсь представить маршрут, по которому передвигался автомобиль Моён до того, как случилось несчастье. Куда она могла направляться? Это место должно было быть достаточно далеко, раз девушка села за руль. Сичжин вспомнил недавнюю совместную поездку в деревню, где жил отравившийся свинцом ребенок. Наверняка девушка решила отвезти маленькому пациенту новую порцию лекарств. Деревня находилась высоко в горах, телефоны плохо ловили сигнал, а на пути к деревне встречались обрывы. Все сходилось. Выбрав направление, Сичжин прибавил скорость.

Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит из груди. «Пожалуйста, пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке, пусть она не пострадает», – беззвучно молил Сичжин, когда увидел машину, наполовину свисающую с утеса. Сичжин сразу же узнал джип, которым пользовалась команда медиков.

Угол наклона выглядел слишком опасным – казалось, малейшее движение, и машина сорвется вниз. Времени на маневр не оставалось. Открыв заднюю дверь джипа, Сичжин забрался внутрь. Машина со

скрежетом покачнулась, и сидевшая на водительском сидении Моён вскрикнула.

– Не двигайтесь, – сохраняя самообладание, произнес Сичжин.

Заметив наконец капитана, Моён произнесла его имя и залилась слезами. Открыв все задние окна, Сичжин велел девушке сделать то же самое спереди. Не задавая вопросов, Моён послушно выполнила его указание. Сичжин проворно перебрался на переднее сиденье и оказался рядом с девушкой. Под его весом машина резко накренилась вперед. Моён снова закричала.

– Вы пристегнуты? Как можно сильнее откиньтесь назад и вожмите в кресло, – по-прежнему хладнокровно проговорил капитан.

– Зачем вы сюда перелезли? Только добавили вес! Мы же сейчас сорвемся!

– Падения не избежать в любом случае. Я собираюсь ускорить процесс.

– Что?! Нет, ни в коем случае, я против!

– Посмотрите на меня.

Сичжин взял Моён за подбородок и развернул лицо девушки к себе. Из ее глаз потоком текли слезы.

– Слушайте внимательно. Доверьтесь мне. Возьмите меня за руку и зажмурьтесь на несколько секунд. Я вас спасу. Я обещаю.

– Нет, я не могу.

– Уберите ногу с тормоза.

– Нет, я против, я не буду этого делать!

– Мы должны.

Не теряя больше времени, Сичжин ударил локтем по датчику, отвечающему за срабатывание подушки безопасности. Моён вскрикнула и убрала ногу. В тот же момент Сичжин опустил рычаг ручного тормоза. Машина дернулась вперед и полетела с утеса в воду.

Зажав в зубах короткий нож, Сичжин выбрался с пассажирского сидения и подплыл к дверце водителя. Моён была без сознания. Машина продолжала погружаться в воду. Разрезав ножом ремень безопасности, капитан извлек из машины безвольное тело девушки, крепко прижал к себе и стал быстро подниматься к поверхности воды.

Выбравшись на берег, Сичжин бережно опустил девушку и начал делать ей искусственное дыхание. Через некоторое время изо рта

девушки выплеснулось немного воды, Моён закашлялась и задышала. Только тогда Сичжин почувствовал облегчение.

– Вы в порядке? Не поранились? Где-нибудь болит? – спрашивал он, хлопая Моён по спине, пока девушка пыталась прокашляться.

– Как я могу быть в порядке?! Вы безумец! Сбросить нас с утеса! Как вы могли! Ненормальный! – почти с театральным драматизмом запрочитала она, когда удалось побороть кашель.

Произнося все это, Моён колотила Сичжина в грудь. Затем проверила свой пульс и, снова упав на песок, зарыдала, как ребенок. Сичжин, напротив, становился все спокойнее.

– Я в порядке, вы тоже в порядке, судя по тому, что у вас есть силы драться, так что вставайте, пойдёмте. – Он взял ее за руку, чтобы помочь подняться.

– Подождите. Не думаю, что я смогу встать так быстро. Я не солдат, знаете ли... Вы хоть представляете, как я испугалась? Я думала, мы умрем... – выдернув руку, продолжала лить слезы девушка.

– И как только мне пришло в голову, что можно оставить вас одну? Вы тут же уселись в машину и повисли на краю обрыва. Не представляю, где бы вы оказались, если бы поехали на поезде.

– Не заставляйте меня смеяться, у меня совсем не осталось сил...

Сичжин успокаивающе похлопывал Моён по спине. Через мокрую одежду рука чувствовала тепло ее тела. На это ощущение отозвалось сердце. Капитан спрашивал себя, догадывается ли Моён, с какими чувствами он мчался, услышав призыв о помощи. Он поймал себя на мысли, что прекрасно понимает Даниеля, который не раздумывая женился на едва знакомой девушке, когда той грозила смертельная опасность.

Старшему сержанту Со Тэёну

Я бы хотела, чтобы тебе не пришлось читать это письмо.

Потому что оно означает, что мой отец опять приказал тебе бежать от меня и мы снова далеко друг от друга.

Мне очень жаль, что все это происходит из-за меня.

И тем не менее я по-прежнему хочу знать, все ли у тебя хорошо. А ты по-прежнему не сможешь мне ответить... Так что, наверное, мы отдалимся друг от друга еще больше...

Прости меня. За то, что, даже зная, чем все закончится, все равно поехала вслед за тобой. За то, что готова была раствориться в твоём объятии. За то, что скучаю по твоему голосу, по звуку твоих шагов, по твоему смеху, даже по самому маленькому волоску на твоих бровях.

Мне надо было чаще держать тебя за руку. Чаще обнимать. Потому что теперь я жалею, что не делала этого постоянно. Потому что до сих пор люблю тебя.

Было бы чудесно находиться рядом с тобой в Уруке – я бы предпочла никогда не признаваться в своих чувствах.

Так что все-таки произошло между нами в аэропорту? Встретились ли мы снова или снова расстались?..

Юн Мёнчжу

Тэён перечитывал письмо снова и снова. Он слишком хорошо помнил, как девушка упрекнула его в том, что он опять растревожил ее душу. Тэён осознавал, что его собственная привязанность стала во

много раз сильнее. Чувство в нем жарко пылало, и это было мучительно. Он оставил Мёнчжу не по собственной воле – таков был приказ. Но сколько ни извиняй себя обстоятельствами, на деле это действительно было бегством. Он был жалким дезертиром перед бесстрашно любящей его женщиной. Как если бы Мёнчжу использовала все пули, аккуратно и точно стреляя по мишени на стрельбище, в то время как он решил бы сэкономить боеприпасы и вообще отказался стрелять. Да еще бы упрямо твердил, что исполняет приказ.

Старший сержант считал, что существует три главных приказа. Первый, «В атаку», требует идти только вперед. Второй, «Держать оборону», говорит, что нельзя отступать ни на шаг. Третий, «Ждать команду», запрещает любое действие. Вот что называется приказом. И для солдата он должен быть важнее собственной жизни. Однако приказ, полученный Тэёном, нельзя было отнести к этим трем. Ему всего лишь было велено убежать.

Тэён открыл дверцу шкафа, в котором хранил документы. Среди рапортов, личных дел военнослужащих, журналов тренировок и прочих бумаг лежала стопка писем, полученных от Мёнчжу. Тэён добавил к ней только что прочитанное письмо. Он не ответил ни на одно из этих посланий. Ему хотелось сказать так много, что он терялся от одной лишь мысли выразить все это на бумаге. Тэён достал журнал текущей тренировки и закрыл шкаф.

Пока генерал-лейтенант Юн дотошно изучал журнал, старший сержант стоял по стойке смирно и рассматривал потолок.

– Есть ли среди участников кандидаты, достойные войти в группу «Альфа»? – через некоторое время бесстрастным голосом спросил генерал-лейтенант.

– Специальная тренировка рассчитана на пять недель, доложу по окончании, – отчеканил Тэён.

Он выглядел в точности так, как выглядит солдат перед вышестоящим начальником; по его лицу нельзя было прочесть ничего сверх положенного по уставу.

– Знаю, солдаты между собой называют тебя «инструктор-зверь». примени свои способности и постарайся подготовить бойцов, достойных возглавить группу «Альфа». Выберем из них нового

командира. У капитана Ю Сичжина крупные неприятности; думаю, ему придется оставить отряд и перейти на работу в штаб армии или министерство обороны. Для карьеры ему не мешает завести полезные связи.

– Так точно.

– Мёнчжу считает мой приказ о твоем переводе несправедливым. А ты что думаешь по этому поводу? – неожиданно спросил командующий.

– Согласен с мнением лейтенанта Юн, – немного помолчав, ответил Тэён.

– Можешь подать на меня рапорт в любое время, и будет проведено разбирательство, – нахмурившись, произнес генерал-лейтенант.

– В этом нет необходимости. Я признаю свое поражение. – В ответе Тэёна затаилась горечь.

– В самом деле?

– У вас есть оружие, против которого я бессилен. Это ваши искренность и честность. Вы искренне беспокоитесь за будущее дочери, и вы честно сказали мне, что не считаете меня подходящим для нее человеком. К несчастью, я думаю точно так же. Поэтому признаю свое поражение. Я готов проиграть ради лейтенанта Юн Мёнчжу.

Командующий был заметно удивлен ответом Тэёна. Пытаясь скрыть замешательство, он снова уставился в журнал.

Пока Тэён с тяжелым сердцем возвращался домой, на улице быстро темнело. Появившаяся в небе новорожденная луна стала его попутчицей. Тэён не отказался бы сейчас хлебнуть из той винной бутылки, которую оставил в Уруке. Он повернул к ближайшему магазинчику, чтобы купить хотя бы сочжу, но в этот момент зазвонил телефон. Это была Мёнчжу. Тэён некоторое время неподвижно смотрел на светящийся экран смартфона. Звонок не будет продолжаться вечно. Скоро система предложит Мёнчжу оставить сообщение, и на этом все закончится. После Тэён будет лежать в пустой комнате и полночи смотреть на ее имя в списке пропущенных звонков. Так было всегда. Но сегодня он не хотел этого делать. Сегодня он не хотел отступить. Тэён принял звонок.

– Алло. Это ведь ты? Ты ответил! Почему ты ответил? Что-то случилось?! – зазвучал из далекого Урука взволнованный голос Мёнчжу.

Тэён слушал, не произнося ни слова.

– Скажи что-нибудь, раз принял звонок...

Тэён снова смолчал.

– Хорошо. Тогда просто слушай. И не клади трубку, ладно?.. У меня все в порядке. Я всегда хожу в форме, и ни один комар меня не укусил. Мне здесь нравится, я совершенно здорова и страшно по тебе скучаю... Ты ведь разговаривал с капитаном? Он постоянно смеется надо мной. Спрашивает, что в тебе такого особенного, раз я готова бежать за тобой на край света. Говорит, что ему все во мне нравится, особенно то, что у меня нет гордости... Подумаешь, гордость. Зачем мне гордость, если меня любит старший сержант Со Тэён?.. Ты слушаешь? Если слушаешь, вздохни хотя бы погромче, чтобы я поняла...

Тэён хотел бы знать, исчезнет ли давящее чувство в груди, если он заговорит. Станет ли легче дышать. Рассеется ли наступившая темнота.

Оставшиеся невысказанными слова для Мёнчжу сияли внутри холодным блеском, словно юная луна в ночном небе.

Вымокшая одежда Моён: блузка, брюки, даже кроссовки, в которые недавно была обута девушка, – была развешана не бельевых веревках и сушилась, колыхаясь на ветру. Сичжин подошел к Моён, сидящей тут же на стуле. Девушка наслаждалась пробегающим ветерком и выглядела расслабленно и умиротворенно. На лице не осталось ни следа слез, лившихся рекой после того, как она пережила падение с утеса в воду. Сичжин чувствовал облегчение: все позади и обошлось без серьезных последствий.

– Кофе только растворимый, ничего?

Протянув ей чашку, Сичжин уселся на соседний стул. Девушка поблагодарила его слабой улыбкой.

– Если вам нужно успокоительное, скажите.

Увидев непонимающий взгляд Сичжина, она пояснила:

– Вы ведь тоже испугались? Я от страха чуть не лишилась рассудка.

– Вы беспокоитесь обо мне?

– Я обязана беспокоиться о вас. Вы мой спаситель.

– Потребовалось спасти вам жизнь, чтобы вы обратили на меня внимание, – усмехнулся капитан.

– Я хотела сказать... Вы ведь знали, что рискуете собственной жизнью... И все равно пришли мне на помощь... – Во взгляде Моён засветилась нежность.

– Вы просили вас спасти.

Безыскусный ответ Сичжина, казалось, удивил девушку. Ее глаза расширились.

– Я помню, в нашу первую встречу вы рассказывали о том, как пробирались под градом пуль, чтобы выручить боевого товарища. История звучала как сюжет кинофильма, но вы ведь тогда не шутили, верно?.. Чем же все закончилось? Вам удалось спасти «рядового Райана»?

– Да, удалось... Но сегодня мне пришлось пожалеть об этом, – немного помолчав, ответил Сичжин. Он думал об утренней встрече с Аргусом.

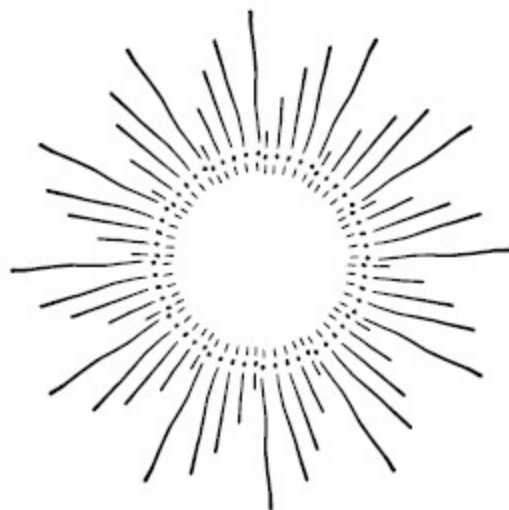
Тоже помолчав, девушка произнесла:

– Спасибо, что пришли мне на помощь.

Нависшие темной тучей воспоминания рассеялись от света ее искренних слов.

Глава 6

Землетрясение

Сичжин оказался тем человеком, о котором она подумала в первую очередь, когда попала в беду. До сих пор Моён не подозревала, что он стал неотъемлемой частью ее жизни. Ей словно открылась тайна, спрятанная глубоко в душе. Моён была смущена и встревожена. Сичжин нравился ей, заставлял трепетать ее сердце и испытывать сладкие предвкушения. Ради нее, не раздумывая, он рисковал собственной жизнью. Он оставался верен своим чувствам и всегда честно их признавал. Но его работа была слишком опасна. Девушка не могла решиться на любовь к мужчине, который мог в любой момент покинуть ее и оказаться в местах, которые она не в состоянии даже представить.

По убеждению Моён, любовь подразумевала, что двое знают друг о друге все и могут рассказать друг другу о чем угодно. Ее собственная работа, где от девушки часто зависело, выживет ли человек, приносила в личную жизнь Моён достаточно напряжения. Ей хотелось, чтобы отношения с мужчиной были надежными и спокойными, а не заставляли переживать еще больше. Но, осознавая все это, Моён не могла приказать своим чувствам. Несмотря на доводы рассудка, ее сердце тянулось к Сичжину. Ей требовалось больше времени. Она хотела, чтобы Сичжин подождал еще немного, до тех пор пока она наберется храбрости и решится на серьезные отношения.

Моён сидела в садике, залитом лунным светом, и рассматривала небольшую рацию, одну из тех, которые капитан на днях вручил каждому члену медицинской команды. Теперь Моён было известно, что прозвище «Большой босс», которое она узнала в день их знакомства, было радиопозывным Сичжина. Для нее самой Сичжин придумал позывной «Красотка». Он объяснил ей, как правильно говорить по рации, и вместе они некоторое время практиковались, то и дело заливаясь смехом, когда требовалось назвать позывной. В тот миг ей хотелось, чтобы таких моментов, когда они могли беззаботно смеяться вместе, было как можно больше. И она чувствовала, что он думает о том же. Поэтому только что услышанная новость прозвучала как гром среди ясного неба. Всем уже было известно, что срок службы капитана в Уруке закончен и завтра он должен отбыть в место нового

назначения в Корею. Девушка не могла понять, почему Сичжин до сих пор ей ничего не сказал.

Моён почувствовала, как кто-то приближается, и увидела капитана. Положив рацию рядом со стулом, она сделала вид, что наслаждается ночной прохладой.

– Завтра я возвращаюсь в Корею. Знаю, что вы уже слышали. – Он говорил совершенно обыденно.

– Да, слышала. Я была последней, кто узнал об этом, – не смогла скрыть недовольства Моён.

– Я собирался сказать вам днем, но вы сбежали от меня, помните?

Девушка поняла, что имеет в виду Сичжин. Строго говоря, это не было бегством. Она торопилась в госпиталь, куда доставили результаты анализов рабочих, трудившихся на строительстве электростанции. Ей и в голову не пришло, что их время закончилось и разговор нельзя перенести на потом.

– Надо было меня остановить. Разве трудно тому, кто спас рядового Райана, просто остановить женщину и рассказать ей, что случилось?

– Вы сердитесь на меня... Могу ли я считать это хорошим для себя знаком?

– Нет, не можете!

– Вы все еще не разобрались в своих чувствах?

Сичжин внимательно всматривался в лицо девушки. Она растерялась, услышав прямой вопрос.

Молчание затянулось, и Сичжин заговорил снова:

– Выходит, что так... Хочу выяснить еще кое-что. На тот случай, если больше не будет возможности. Речь о поцелуе...

– Я просила вас не говорить об этом до тех пор, пока...

– Что я должен сделать? Извиниться или признаться в своих чувствах? – настойчиво продолжил Сичжин, прервав девушку.

Моён снова потеряла дар речи. Сердце колотилось, как бешеное. Испугавшись, что Сичжин тоже услышит яростный ритм сердца, Моён отступила назад.

В конце концов она заговорила:

– Я считаю вас замечательным человеком. Замечательным, но и очень опасным. Мне не нравится это ощущение опасности. И тем не менее каждый раз, когда наши глаза встречаются, я чувствую себя как

зачарованная. Именно поэтому я просила дать мне время. Рядом с вами я хотела разобраться в себе и избавиться от страхов. Решить, стоит ли мне вступать в отношения с человеком, который притягивает меня, но одновременно пугает... Однако вам постоянно нужно куда-то бежать, куда-то ехать. Я не могу препятствовать этому, я не могу просить вас остаться. Я буду чувствовать себя идиоткой, в одиночку предаваясь всем этим размышлениям. Поэтому сейчас я не испытываю к вам даже симпатии. Сейчас я предпочту, чтобы вы извинились.

Некоторое время оба молчали. Сердце ожидавшей ответа Моён продолжало дикую пляску.

Мужчина наконец произнес:

– Прошу меня простить. Берегите себя. Честь имею.

Не задерживаясь ни секунды, Сичжин развернулся и зашагал прочь. Обескураженная Моён провожала его взглядом. Ее задело, с какой быстротой и легкостью он закончил их встречу. Девушка не ожидала, что он воспримет ее слова так буквально. Она раздраженно засунула руки в карманы. Пальцы дотронулись до твердого гладкого предмета. Она по-прежнему носила с собой камешек с пляжа Навайо. Моён вынула камешек из кармана и догнала Сичжина. С холодным выражением она вернула подарок. Сичжин взглянул на нее, забрал камешек и, не говоря ни слова, двинулся дальше. Моён почувствовала себя отвергнутой. Сичжин явно не стремился читать между строк и понимать все смыслы, которые она вложила в свои слова. Девушка забеспокоилась, что знаки внимания, которые он ей оказывал, могли быть просто игрой.

Утром следующего дня Сичжин действительно покинул часть. Моён с сочувствием думала, как тяжело должно быть солдату постоянно переживать расставания. Но сильнее сочувствия были сожаление и раскаяние в собственном выборе. «Я не должна была просить его извиниться. Мне стоило остановить его, когда он уходил. Остановить и сказать, что я хочу быть с ним. Я упустила свой шанс. Я потеряла Сичжина». Так повторяла про себя Моён, и душу ее заполняли горечь и пустота.

Через несколько дней и медицинской команде пришло время покидать Урук. Не все было гладко, но в целом миссию можно было назвать успешной. По возвращении Моён была намерена открыть частную клинику в престижном столичном районе Каннам, а также продолжить вести программу на телевидении. У девушки не было желания посвящать всю оставшуюся жизнь волонтерской работе; она считала, что участвовать в подобных проектах время от времени – более чем достаточно. Моён твердо решила заняться тем, к чему стремилась больше всего, и не отвлекаться ни на что другое. Каким-то образом это решение помогло не так сильно переживать о разрыве с Сичжином. В конце концов, ничего не поделаешь, если не суждено быть вместе, рассудила она.

Впервые за долгое время Моён надела платье и босоножки на каблуках. Принарядилась не только она, но и вся медицинская команда, уставшая от невзрачной одежды, которую носили в Уруке. Всем хотелось вернуться домой при параде.

Полевой госпиталь было решено безвозмездно передать миротворческой миссии ООН от имени больницы «Хэсон». Перед отъездом было положено провести инвентаризацию лекарственных препаратов. Со списком в руках Моён зашла в отсек госпиталя, служивший медицинским складом. Девушка все еще занималась проверкой, когда к ней присоединилась Мёнчжу, которую пару дней назад приписали к отряду «Моуру» следить за здоровьем военнослужащих. Хотя девушки были знакомы со времен учебы в университете, отношения между ними были прохладными, и при встрече они едва кивали друг другу, предпочитая сохранять дистанцию. Моён особенно раздражало, что Мёнчжу близко знакома с Сичжином и не скрывает их приятельских отношений.

– Думаю, это наша последняя встреча. Можно спросить кое-что? – начала разговор Мёнчжу.

– Нельзя... Так, что у нас здесь?..

Отвернувшись, Моён продолжила проверять коробки.

– Признаться, тебе ведь нравится капитан?

Моён показалось, что вопросительный знак из фразы Мёнчжу впился ей прямо в затылок, как рыболовный крючок в добычу. Девушка почувствовала, что краснеет.

– Ответ очевиден, – увидев краску на лице Моён, констатировала Мёнчжу.

Невозможно было понять, шутит она или говорит серьезно. Моён решила, что над ней насмеются, и уже собиралась сказать в ответ что-нибудь ядовитое, но по рации сообщили, что вся команда медиков собралась для групповой фотографии, ждали только Моён.

Разодетые коллеги стояли перед камерой, держа в руках внушительных размеров баннер с надписью «Медицинские волонтеры больницы „Хэсон“». Моён выдавила из себя улыбку. Защелкал фотоаппарат. На душе девушки было беспокойно, однако, так или иначе, все закончилось.

До аэропорта надо было лететь на вертолете. Поскольку количество мест было ограничено, решили разделить на группы и отправиться в два захода. Моён и доктор Сон полетели в числе первых.

Во время поездок с Сичжином Моён наблюдала много местных пейзажей, но вид на Урук сверху оказался совершенно неожиданным. Это было настолько прекрасно, что слова лишь умалили бы открывшуюся красоту. Живописность горных хребтов, веером раскинувшихся вокруг морского побережья, поражала воображение. Непрошено вторглось воспоминание о разговоре с Сичжином на пляже Навайо. Тогда он сказал, что выброшенный на берег корабль околдован красотой этих мест. Моён отвернулась от иллюминатора вертолета и закрыла глаза. Она боялась, что ее душа, тоже околдованная неземной красотой, разобьется, как тот старый корабль.

– Посмотрите, какой изумительный цвет у морской воды! Вот так надо жить, такими видами любоваться, а не рассматривать каждый день кишки в операционной. Толстая, тонкая, двенадцатиперстная... Тьфу! – разглагольствовал Санхён, любуясь пейзажем.

– Капитан Ю часто говорил, что, видя эту красоту, хочется ее защищать, – поддержал Санхёна сержант Чхве, сопровождавший медиков.

Услышав имя Сичжина, Моён невольно открыла глаза. В это мгновение все и началось.

Неизвестно откуда появилось облако разноцветных бабочек. Насекомые бились в иллюминаторы вертолета, тут же погибая. Пилот на секунду растерялся, и вертолет заметно тряхнуло. Лицо испуганной Моён стало белее бумаги. Санхён запаниковал и вцепился в ремень безопасности. Сержант Чхве сохранял спокойствие, готовый сделать все необходимое, чтобы помочь пассажирам, если будет нужно.

Прекрасный пейзаж внизу разламывался на глазах, и было невозможно поверить, что все это происходит на самом деле. Казалось, наступил конец света. Еще несколько минут назад бывшее изумрудным море потемнело и вздыбилось, огромные волны обрушивались на берег. Зеленые холмы уходили под землю, на глазах превращаясь в равнину. Телефонные столбы падали, как костяшки домино, ехавшие по побережью машины уносило в открытое море. Почва разрывалась, словно наружу пытались выбраться гигантские кроты; поднимая огромные столбы пыли, крушились жилые здания. Земля походила на живое существо необъятных размеров, которое пытается размяться после долгого сна. На глазах исчезали деревни, горы, дороги. Люди, считавшие себя хозяевами этой земли, в одну секунду превратились в ее рабов, которых она равнодушно пожирала. Моён дрожала всем телом, пытаясь удержать рвущийся из груди крик ужаса.

– Что происходит? Как такое возможно? – едва выговорил Санхён. Его лицо посерело.

Как стало известно позже, интенсивность землетрясения достигла семи с половиной баллов. Страна, до основания разоренная тридцатилетней гражданской войной и только недавно начавшая восстанавливаться, снова была ввергнута в хаос разрушения.

Международный аэропорт почти не пострадал, но превратился в подобие преисподней, где неистовали обезумевшие от страха люди, желавшие только одного – немедленно покинуть Урук. Они были готовы бросаться друг на друга, каждый мечтая как можно скорее добыть билет и погрузить в самолет себя и свой наспех собранный багаж. Среди них было много бизнесменов, наводнивших Урук в поисках легких денег.

Удивительно, но нашлись в толпе и те, кто не менее страстно желал остаться в Уруке, тогда как их настойчиво просили улетать. Это были Моён и ее коллеги.

– Сколько раз вам говорить, что это невозможно?! У меня приказ посадить медиков в самолет. Неизвестно, что будет дальше, улетайте, пока есть шанс! – со всей доступной ему убедительностью твердил сержант Чхве.

– Вы заставляете меня повторяться. Мы просто теряем время, – не уступала Моён.

– Мы берем всю ответственность на себя, просто доставьте нас обратно в часть, – в нервном возбуждении поддержал ее доктор Сон, сходящий с ума от беспокойства по медсестре Ха Чаэ, которая осталась в отряде дожидаться следующего вертолета.

– Я не могу этого сделать. Отправляйтесь на посадку. У меня приказ.

– За медицинскую команду отвечаю я. Наша помощь сейчас крайне необходима пострадавшим от землетрясения. Кроме того, в части остались наши коллеги. Мы не можем улететь без них, – стояла на своем девушка.

– Ну почему вы продолжаете делать то, о чем вас не просят?! Вы мне не нравитесь, знаете это? – сорвался сержант.

– Теперь знаю. Мы можем продолжить разговор по пути в часть, – ответила Моён и направилась к вертолету, сопровождаемая Санхёном и медсестрами.

Вертолет доставил их обратно в отряд. К счастью, эта территория оказалась в стороне от эпицентра землетрясения. Хотя последствия катастрофы были заметны и здесь, полевой госпиталь и казармы выдержали нелегкое испытание и остались целы. Когда пассажиры прибыли, солдаты уже наводили порядок в казармах, а врачи оказывали необходимую медицинскую помощь.

– Все живы? Много пострадавших? – спросила Моён, едва войдя в двери.

– Среди медиков пострадавших нет. Нам повезло. Тряхнуло очень сильно, но, к счастью, почти все в это время находились снаружи, – ответила медсестра Ха Чаэ, обрабатывавшая рану на предплечье одного из бойцов.

– Телефоны не ловили сигнал, мы не могли ни с кем связаться. Я до смерти перепугалась, – слезно пожаловалась младшая медсестра Чхве.

– Не плачь. Все будет хорошо. Какое счастье, что все целы. Прежде всего не расходитесь, оставайтесь в этом отсеке. Я постараюсь связаться с Сеулом, – снова взяла на себя руководство Моён.

– Среди солдат серьезно раненых нет. Но почему вы вернулись? Аэропорт разрушен? Полеты отменены? – начала расспросы Мёнчжу, как только увидела Моён.

Мёнчжу оказывала помощь нескольким легко пострадавшим военным. Услышав ее вопросы, все заволновались.

– Нет, аэропорт работает, он почти не поврежден. Но как мы могли улететь, не зная, что стало с вами? – ответил вместо Моён доктор Сон.

В этот момент Мёнчжу получила радиосообщение. Электростанция была почти полностью разрушена землетрясением, на месте катастрофы много пострадавших. Медики озабоченно переглянулись.

– Вас поняла. Немедленно выезжаем, – ответила по рации Мёнчжу.

Моён схватила Мёнчжу за руку:

– Мы поедем вместе с вами.

Девушки изучающе смотрели друг другу в глаза. В конце концов Мёнчжу кивнула.

– Анестезиолог и хирург остаются здесь на случай сложных операций. Все остальные едут на место происшествия. Возьмите все имеющиеся наборы неотложной помощи. Поторопитесь, – отдала распоряжение Моён, и медицинская команда стала спешно готовиться к выезду.

Если казармы и госпиталь оказались едва задеты землетрясением, то место строительства электростанции, напротив, напоминало сцену из ада. Огромный щит с названием станции, ранее гордо возвышавшийся на въезде, был разорван надвое и почти погребен в земле. Примерно половина построек превратилась в руины. Один из грузовиков закинуло на второй этаж полуразрушенного здания. Зрелище было ужасным, как если бы здесь взорвалась бомба огромной мощности. Все было покрыто толстым слоем пыли. Прибывшие раньше медиков солдаты, разгребая завалы, занимались поисками пострадавших. Им помогали те из рабочих, кому повезло выжить. Даже поле боевого сражения не могло бы произвести более ужасающего впечатления.

Пораженные жуткой картиной медики некоторое время стояли, не в силах двинуться с места. Младшая медсестра Чхве залилась слезами, не справившись с охватившим ее страхом. Моён тоже было страшно. Ей самой хотелось заплакать, но ситуация требовала держать себя в руках. Людям была необходима медицинская помощь, а не ее эмоции. Сейчас здесь нужен был врач, считающий жизнь человека священной и готовый на все ради спасения пострадавших.

Решив начать с организации работ, Моён с помощью Чхихуна созвала растерянно стоявших коллег и местных докторов, приехавших на помощь. Они выстроились полукругом перед доктором Кан. Санхён и Мёнчжу выдали всем наборы неотложной помощи, которые были доставлены на армейском грузовике. Медсестра Ха Чаэ раздала сигнальные жилеты и цветные бумажные ленты для распределения пациентов на группы.

– Надевайте жилеты, чтобы пострадавшим было легче вас заметить. Все помнят цветовой код медицинской сортировки? – обратилась Моён к стоявшей перед ней команде.

– Зеленый – для пострадавших, которым не требуется срочная помощь; желтый – для серьезно пострадавших, чья жизнь не находится под угрозой; красный – для тяжело пострадавших, которым требуется немедленное внимание врача, – без запинки ответил Чхихун.

– И еще. Пациентам в крайне тяжелом состоянии, которым мы не в силах помочь, повязывайте черные ленты – такие же, как погибшим... Не занимайтесь безнадежными пострадавшими, сосредоточьтесь на тех, кого мы действительно можем спасти.

Медики были готовы к работе. Моён взяла чемоданчик с набором неотложной помощи. Взгляд ее опустился вниз. Она до сих пор была в босоножках на каблуках, которые в спешке не подумала сменить на удобную обувь. Моён огляделась. Вся медицинская команда оставалась в нарядах, одетых по случаю возвращения домой. Девушка сняла босоножку и несколько раз с силой ударила по грузовику. Каблук отлетел.

– Должны ли мы получать ваше разрешение на использование морфина и демерола? – задал вопрос врач из Урука, присоединившийся к команде Моён.

– Нет, мы не сможем оперативно взаимодействовать. Пусть каждый решает сам, по ситуации. Все, приступаем.

Моён обула босоножки, у которых теперь отсутствовали каблуки, и зашагала вперед.

На территории то и дело происходили новые обрушения. Увидев покрытых цементной пылью солдат с носилками, на которых лежал найденный под завалом рабочий, Моён побежала к ним. Человек, однако, был уже мертв. Нервно сглотнув, девушка повязала на запястье погибшего черную ленту. На вид ему было не больше тридцати пяти лет. Больно было думать о том, сколько страха и мучений пришлось испытать ему перед смертью.

Еще двое солдат, лица которых были почти черными от пыли и грязи, вынесли из здания нового пострадавшего. Он был еще жив. Моён бросилась к ним. В тот же момент, загрохотав, сверху полетели каменные обломки. Еще чуть-чуть, и могло случиться несчастье. Моён, солдаты и спасенный ими рабочий только чудом не пострадали. Казалось, смерть поджидает повсюду.

– Вы не ранены? – спросила Моён у солдат.

– Мы в порядке. Займитесь пострадавшим, – ответил один из спасателей, пытаясь откашляться.

– Вы меня слышите? – прокричала Моён, обращаясь к пациенту.

Девушка быстро осматривала мужчину. Видимых серьезных повреждений не было.

– Открытые кровотечения отсутствуют, пульс прощупывается, но он не приходит в сознание, – преодолев наконец кашель, доложил тот же солдат.

– Шоковое состояние. Я поставлю капельницу, а вы наденьте ему кислородную маску.

Моён едва успела открыть медицинский чемоданчик, как появилась Мёнчжу.

– Я закончу с этим пациентом, тебе лучше быть там, – проговорила она, указывая рукой в сторону медицинского тента.

Моён повернулась посмотреть, что происходит. Перед тентом лежал мужчина, которому Чхихун проводил сердечно-легочную реанимацию.

– Там доктор Ли, все в порядке, – ответила девушка.

Моён снова повернулась к пациенту, но Мёнчжу схватила ее за руку.

– Нет, тебе лучше быть там. Не волнуйся за этого пациента.

Взгляд Мёнчжу был серьезен. Моён почувствовала неладное и поспешила к тенту.

На запястье лежавшего на земле человека была повязана желтая лента. Значит, доктор решил, что жизнь пациента находится вне опасности. Казалось, мужчина был без сознания. Чхихун проводил реанимацию с отчаянием безумца.

– Состояние пациента? – спросила Моён, подойдя.

Медсестра Ха Чаэ, сжимавшая дыхательный мешок на реанимационной маске пациента, безнадежно покачала головой.

– У него был слабый пульс. Если мы продолжим, он будет жить! – воскликнул Чхихун.

Как остервенелый, он продолжал делать массаж сердца. Его глаза горели, со лба градом катился пот.

– Пульса уже нет. Из-за большой потери крови произошла остановка сердца. Мне очень жаль, но этот человек мертв, – произнесла Моён как можно мягче, пытаясь успокоить Чхихуна.

Сняв с руки мужчины желтую ленточку, она повязала черную.

– Нет, я смогу! Я спасу его! – закричал Чхихун, словно действительно потерял разум.

– Пожалуйста, остановись. Время смерти пациента...

– Нет! – с воплем прервал ее Чхихун и толкнул. – С ним все было в порядке! Он говорил, что у него ничего не болит, поэтому я повязал ему желтую ленту! Собственными руками!

Моён понимала состояние Чхихуна, который отказывался поверить в смерть человека. Чхихун стажировался всего первый год, и на его руках не умирали люди. Даже если видеть смерть сотни и тысячи раз, привыкнуть к этому невозможно. Тяжелее всего отрешиться от мыслей, что в смерти пациента есть и твоя вина и что тебе не следовало становиться врачом.

Неизвестно откуда возник Санхён. Размахнувшись, он звонко ударил стажера по щеке.

– Возьми себя в руки! Хочешь совсем раскиснуть? Сейчас не время. Вытирай сопли и веди себя как пристало врачу! – закричал он на Чхихуна.

Моён с болью смотрела на обоих.

– Какой из меня врач? Я не могу даже определить, нужна ли пациенту срочная помощь, – глотая слезы, промолвил Чхихун.

– Ты врач! Ты тот, кто здесь нужен сейчас больше других. Поэтому запиши время смерти пациента и отправляйся к тем, кто ждет твоей помощи. К тем, кого можешь спасти. Ты что, не слышишь, как они зовут тебя? – твердо ответил Санхён.

– Прошу тебя, Чхихун... – Моён положила руку на плечо стажера, зарыдавшего, как только доктор Сон закончил говорить.

– Пациент скончался в 15 часов 40 минут по местному времени, – еле слышно сообщил Чхихун.

– За работу, – сказал Санхён внезапно охрипшим голосом.

Врачи поспешили вернуться к своим обязанностям.

Клятва Гиппократа гласит:

«Получив право приступить к врачебной деятельности, торжественно клянусь посвятить свою жизнь служению людям. С уважением и благодарностью относиться к своим наставникам. Работать добросовестно и быть достойным звания врача. В первую очередь думать о жизни и здоровье пациента. Хранить врачебную тайну.

Я буду беречь благородные традиции и престиж профессии. Я буду поддерживать братские отношения с коллегами. Я буду исполнять свой долг независимо от расовой, религиозной, национальной, партийной принадлежности и социального статуса пациента. Я буду проявлять глубочайшее уважение к жизни человека. Ни при каких обстоятельствах я не стану использовать свои знания во вред.

Я принимаю эту клятву добровольно и следовать ей считаю честью»^[4].

Моён и Мёнчжу, обе в защитных касках, поставили пострадавшему капельницу с раствором Рингера. Кроме рук, все тело мужчины находилось под придавившей его огромной бетонной плитой. Солдаты циркулярной пилой пытались срезать куски плиты по краям. На их мрачных лицах словно лежала тень Смерти.

Врач обязан спасти человека, у которого есть шанс выжить. Моён снова поднялась с места и приблизилась к другому пострадавшему. Солнце уже скрылось, стало темно. Даже когда земля разверзлась и сотни людей погибли, день по-прежнему сменялся ночью, как ни в чем не бывало.

На носилки положили рабочего, в живот которого воткнулся кусок стальной арматуры. Человек был в крови, и его кровь осталась на одежде помогавшей спасателям Моён. По сигналу девушки подъехала машина – она должна была доставить пациента в полевой госпиталь. Ему требовалась операция, которую можно было сделать только там. Проводив пострадавшего, Моён попыталась смыть кровь с одежды, но безуспешно.

На всей территории электростанции продолжались спасательные работы. Медперсонал собрался на поздний ужин под тентом, куда провели свет: каждому из них выдали солдатский паек. Откуда-то снова раздался голос, звавший врача. Забыв про еду, Санхён вскочил и помчался на помощь. Лежавший на носилках рабочий хватал ртом воздух, пытаясь дышать. Из-за травмы груди у пациента возник пневмоторакс. Плевральная пункция помогла избавиться от воздуха в легком, и дыхание пациента восстановилось. На запястье пациента была повязана желтая лента. Санхён испытал огромное облегчение – чуть было не повторилась ситуация Чхихуна.

Вход в одно из зданий заблокировали громадные куски бетона. Внутри до сих пор находились люди. Военные решили использовать веревки и блок, чтобы сдвинуть тяжелые глыбы. Они не только не ужинали, но пропустили даже обед. Из всех оставшихся сил солдаты тянули за веревки. Блочное устройство не выдержало веса и с треском сломалось. Резко прозвучал свисток. По сигналу на помощь прибежали солдаты, занимавшиеся поисками внутри разрушенных зданий. Новая попытка сначала казалась успешной: одна из глыб поддалась и стала сдвигаться, освобождая проход. Но в следующий момент рухнул потолок здания, и завал вырос еще больше.

Моён, предполагавшая, что людям в здании понадобится медицинская помощь, тяжело вздохнула. Мысленно она пожелала им держаться и повернулась, чтобы идти к новому пострадавшему. В этот момент кто-то дотронулся до ее руки. Это был мужчина, которому Моён пару минут назад перевязывала плечо. Девушка решила, что у него обнаружилась еще одна травма, однако мужчина просто протянул ей свои рабочие ботинки. Впервые с тех пор, как избавилась от каблучков, Моён взглянула на ноги. Они были покрыты ссадинами и синяками, на нескольких ранках запеклась кровь. К глазам подступили слезы, но девушка не позволила себе заплакать. Она взяла протянутую ей старую, но крепкую пару обуви и горячо поблагодарила мужчину.

Не ведая о земных страданиях, разгоралась утренняя заря. Хотя Моён так и не удалось поспать, выглядела она бодро. Девушка проверяла состояние пациентов, лежащих под капельницами под медицинским тентом. Неожиданно послышался звук приближающегося вертолета. Все как по команде посмотрели вверх.

С восточной стороны, где вставало пылающее солнце, словно причудливый посланник Небес, приближался транспортный вертолет. Звук становился все громче. Проснулись солдаты и медики, которым удалось ненадолго прилечь. Протирая глаза, они тоже смотрели в небо. Вертолет приблизился настолько, что на борту можно было разглядеть опознавательный знак ВВС Южной Кореи. Страна направила помощь в Урук, пострадавший от природной катастрофы.

Вертолет завис в воздухе, открылась дверь. Из него по канатам спустились бойцы специальных войск. Ступив на землю, они на несколько секунд оказались скрыты облаком пыли, поднятой лопастями вертолета.

Моён почувствовала, как напряжение покидает ее, уступая место спокойствию и ощущению безопасности: она видела, что к ней приближается Сичжин. В одно мгновение девушка осознала то, в чем не отдавала себе отчет все это время. Лишь увидев его сейчас, она поняла, что не переставала думать о нем. Всякий раз, когда она повязывала черную ленту; всякий раз, когда фиксировала время смерти; всякий раз, когда была не в силах помочь, она неосознанно желала, чтобы рядом оказался Сичжин.

Кто-то схватил ее за руку, заставив отвернуться от приближавшейся группы. Это был один из рабочих электростанции, разыскивавший врача. Бросив на капитана полный сожаления прощальный взгляд, Моён взяла чемоданчик с набором неотложной помощи и последовала за рабочим. Как обычно, их встреча откладывалась.

Повязав пострадавшему желтую ленточку, Моён отправила его к медицинскому тенту. Солнце поднялось, стало совсем светло. Моён не представляла, скольких людей еще предстоит спасти и сколько раз еще придется констатировать смерть. Потирая лоб, девушка поднялась с

места и внезапно споткнулась. Едва сохранив равновесие, Моён посмотрела вниз. Она наступила на развязавшийся шнурок ботинка. Поставив на землю медицинский чемоданчик, Моён опустилась на корточки, чтобы заняться шнурком. В тот же момент кто-то подошел и присел рядом. Даже не поднимая глаз, Моён знала, что это Сичжин.

Капитан аккуратно завязал шнурок на ее ботинке. Щеки девушки порозовели, она нервно прикусила нижнюю губу.

– Я надеялся, что вы не пострадали, – промолвил Сичжин, задержав взгляд на ссадинах на ее руках и ногах.

Его голос был заботливым и мягким. Моён почувствовала, что расплачется, если попытается сказать в ответ хоть слово. Она стояла перед ним, не прерывая молчания.

Сичжин снова заговорил:

– Я много раз пожалел о том, что уехал не попрощавшись.

Выдержка изменила Моён, слезы потекли из глаз.

– Будьте осторожнее. Я не смогу все время находиться рядом с вами.

– Вы тоже... будьте осторожнее, – склонив голову, еле слышно произнесла девушка.

Кто-то снова позвал врача. Обменявшись взглядом с капитаном, Моён поспешила на помощь.

Глыбы, закрывавшие вход в здание, удалось наконец подвинуть с помощью рычага. Через образовавшуюся щель военные помогали выбраться наружу людям, уже сутки запертым внутри. Собравшиеся около входа рабочие приветствовали аплодисментами каждого нового спасенного человека.

– Я здесь. Как вас зовут? – обратилась Моён к мужчине, лежавшему на носилках.

– Пак Ёнман. Со мной все в порядке. Я звал вас сказать, что в здании где-то внизу находится наш бригадир Ко, – с трудом выговорил пострадавший.

– Мы проверим еще раз, не волнуйтесь, – поручился один из военных, слышавший разговор.

Моён поставила спасенному рабочему капельницу. Мужчина закрыл глаза, его лицо разгладилось и стало спокойным. Девушка услышала, как позади нее Сичжин отдает распоряжения бойцам из отряда. Звук его голоса принес успокоение и ей самой.

Тэён, спускавшийся из вертолета на землю, казался Мёнчжу подарком Небес. Девушка смотрела на возлюбленного, не в силах сдвинуться с места. Все вокруг внезапно поблекло, словно погрузилось в туман; Мёнчжу ясно видела лишь приближавшегося к ней мужчину.

– Рад, что вы в безопасности. Я волновался. – Голос Тэёна был спокойным и сдержанным, но взгляд выдавал глубокое чувство. – Увидимся позже.

– Старший сержант Со! – быстро остановила Мёнчжу собравшегося уходить Тэёна. – Будь осторожен. Это приказ. Исполни его во что бы то ни стало.

Голос Мёнчжу стал вдруг слишком высоким и задрожал. Девушка изо всех сил старалась выглядеть уверенной и сильной, но то, что без труда удавалось перед пациентами, не получалось сейчас. Рядом с Тэёном она ощущала себя слабой женщиной. Ее сердце трепетало от одного лишь взгляда и одного лишь слова этого мужчины. Тэён заметил, что к глазам девушки подступили слезы. Он вытянулся по стойке смирно и отсалютовал, давая понять, что принял приказ к исполнению.

Девушка продолжала смотреть вслед удалявшемуся Тэёну, когда поступило сообщение по рации: в одном из разрушенных зданий обнаружили человека с серьезной травмой. Оставив личные переживания на потом, Мёнчжу торопливо направилась к пациенту, по пути взяв с собой младшую медсестру из команды Моён.

У пострадавшего открылось внутреннее кровотечение. Мужчина сохранял сознание, но состояние было критическим.

– Давление 60 на 30. Сонливость. Капельницу, быстро! – прокричала Мёнчжу младшей медсестре.

– Раствора больше нет, – нахмурившись, ответила Минчжи, проверив наборы неотложной помощи.

К счастью, рядом оказалась Моён, у которой еще оставались контейнеры с раствором.

– Внутреннее кровотечение? – спросила она у Мёнчжу.

– Да. У пациента вздут живот и очень слабый пульс.

Не успела Мёнчжу ответить, как мужчина потерял сознание.

– Потеря сознания! Адреналин 10 миллилитров! – прокричала Мёнчжу.

Девушка собиралась приступить к проведению сердечно-легочной реанимации, но прежде чем она успела что-либо сделать, Моён приблизилась к пациенту и изо всех сил ударила кулаком в грудную клетку. От неожиданности Мёнчжу растерялась, бездвижно наблюдая, как Моён бьет пациента в грудь.

– Сердцебиение восстановилось! – воскликнула Минчжи.

Мёнчжу наконец пришла в себя и стала ощупывать живот пациента.

– Я думаю, это шок, вызванный потерей крови. Надо провести лапаротомию. Подготовьте транспортировку в полевой госпиталь, – дала она указание младшей медсестре.

– В госпитале слишком много пострадавших, – возразила Моён. – Как долго отсюда добираться до штаба «Тхэбэка»?

– Быстрее всего – на вертолете, но все равно дорога займет не меньше тридцати минут. Он не продержится так долго.

– В таком случае надо оперировать здесь.

– Что?!

– Пульс прерывистый! – сообщила Минчжи.

– Надо оперировать, нельзя терять время. Только здесь слишком темно. Нужно вынести пациента наружу, – оглядевшись, сказала Моён.

Она говорила так спокойно, словно проводить операции под открытым небом было самым обычным делом. Мёнчжу почувствовала подступающую дурноту.

– Ты сошла с ума? Как я смогу оперировать без томографии? Я не знаю, где источник кровотечения!

– Ты выяснишь это, вскрыв брюшную полость. У тебя есть решение лучше?

– Предлагаешь разрезать человека посреди участка, где идут спасательные работы и все покрыто цементной пылью? Ты представляешь, какие могут быть последствия? Как насчет инфекций, сепсиса, жировой эмболии, почечной недостаточности...

– Я спросила, есть ли у тебя решение лучше. Думай быстрее. Это твой пациент, – хладнокровно ответила доктор Кан.

Мёнчжу с силой потерла лоб. Она понимала, что Моён права: другого выхода не было.

– Это безумие... Мне нужны инструменты. И еще весь бетедин и стерильные салфетки, какие только найдутся, – обратилась она к младшей медсестре.

Минчжи со всех ног бросилась к палатке, где хранились медикаменты, а девушки с помощью одного из спасателей перенесли пациента в хорошо освещенное место. Когда младшая медсестра вернулась со всем необходимым, Мёнчжу быстро завершила приготовления. Она не знала, угодно ли Богу, чтобы этот человек выжил, но была решительно настроена сделать все, что зависело от нее. Увидев, что к операции все готово, Моён поспешила к следующему пострадавшему.

Взяв скальпель и глубоко вдохнув, Мёнчжу твердой рукой сделала разрез. Моён подсказала ей правильное решение.

К концу операции военная форма Мёнчжу была насквозь пропитана кровью.

На второй день после землетрясения ситуация была по-прежнему сложной. Под обломками зданий все еще оставались люди. Добраться до них было непросто, так как слишком поспешная расчистка завалов могла спровоцировать новые обрушения. Все были напряжены, боясь причинить еще больший вред. И медики, и военные, занимавшиеся спасательными работами, валялись с ног от усталости, многие из них получили травмы.

Становилось все тяжелее, но Моён усилием воли заставляла себя продолжать. Она проверяла состояние лежащих под медицинским тентом пациентов, когда ее позвал Сичжин. Он сообщил, что внутри здания, куда удалось проникнуть, обнаружен человек, которому необходима помощь врача. Выражение лица Сичжина было предельно серьезным. Моён надела протянутую ей защитную каску и последовала за ним.

Открывшаяся картина была настолько трагична, что тяжело было даже смотреть. Нижнюю часть тела мужчины, которому на вид было около шестидесяти, придавило бетонными обломками. Это был тот самый бригадир Ко, про которого говорил спасенный рабочий. Моён встречала его и раньше, когда проводила плановый медицинский осмотр на электростанции. Бригадир запомнился ей добродушным и веселым человеком, говорящим с заметным провинциальным произношением.

– Здравствуйте, доктор. Тут очень опасно, вам не стоило приходить. – Даже сейчас в голосе бригадира Ко звучала улыбка.

– Я дам вам обезболивающее. Вы чувствуете ноги, можете пошевелить пальцами? – спросила Моён, ставя капельницу.

– В таком возрасте силы в ногах уже не осталось, – хохотнув, ответил бригадир. – Ну как, двигаются?

Было видно, что мужчина прилагает усилия, но его покрытые кровавой грязью пальцы, торчавшие из-под плиты, оставались неподвижны. Моён поняла, что уже слишком поздно – началось омертвление тканей.

– Все это время было ужасно больно, но как только увидел вас, стало намного легче.

– Вы отлично держитесь, – подбодрила пациента Моён.

Повернувшись к Сичжину, стоявшему рядом с ними, девушка спросила:

– Как быстро вы сможете вытащить его?

– Сначала вы должны увидеть еще одного пострадавшего, – с нажимом в голосе ответил ей Сичжин.

У Моён появилось нехорошее предчувствие, но она ничего не спросила. Поднявшись, девушка пошла за капитаном.

Металлический каркас, соединенный с бетонным блоком, упавшим на бригадира, другим концом насквозь прошел плечо молодого мужчины лет тридцати. Пострадавший был трудовым мигрантом из Индии, его звали Паю.

– Больно! Очень больно! Быстрее! Быстрее!

– Не двигайтесь! Вам очень повезло, что металл прошел мимо сердца, но если будете двигаться, можете повредить позвоночник, – предупредила Моён, надевая пострадавшему шейный корсет.

– Я умру?

– Нет, если будете сохранять неподвижность.

Успокоив Паю, девушка обратилась к Сичжину:

– Надо обрезать металл и перевезти пациента в госпиталь.

– Давайте обсудим это, – мрачно ответил Сичжин.

– Да, я слушаю.

– Наедине.

Они поднялись наверх, где никто не мог их услышать. Солдаты осторожно расчищали завалы. Несколько секунд Сичжин не произносил ни слова. Казалось, ему трудно заставить себя говорить.

– Есть какая-то проблема? – не выдержала Моён.

– Проблема в том, что пострадавшие связаны друг с другом. Если мы поднимем бетонный блок, которым придавлен бригадир, то каркас сдвинется и разрежет тело Паю.

– А если сначала обрезать металл?

– Тогда сместится центр тяжести, и обломки раздавят бригадира.

– То есть спасение одного будет стоить жизни другому?

– С технической точки зрения другого варианта не существует.

– С медицинской точки зрения тоже...

– В таких случаях мы следуем установленному протоколу. Он обязывает нас сначала спасти человека, имеющего больше шансов

выжить. Порядок спасательных работ определяет врач.

– То есть вы сейчас... Вы ждете, чтобы я сделала выбор? Чтобы я решила, кого надо спасти, а кого – убить?

– Да. Именно это вы должны для нас сделать. Солдаты готовятся выполнить любое решение. Подготовка закончится через десять минут.

Это были страшные слова. Моён стояла с окаменевшим лицом, не в силах ответить. Она не могла заставить себя думать о выборе. Вместо этого в голове закружили бесполезные вопросы, как бы все обернулось, не встретить она этих пациентов или если пострадал бы только один из них. Девушка была ошеломлена. Что бы ни случилось потом, сейчас эти двое были живы. Оба пострадавших вызывали глубокое сочувствие; у каждого из них была собственная история, любящие их родные; каждый из них строил планы на будущее. Какое право она имела решать, кто из них должен жить, а кто – умереть? На секунду девушку охватило желание прямо здесь сбросить медицинский жилет и бежать со всех ног. Или переложить ответственность на кого-то другого: Санхёна, Мёнчжу, местного врача... Но она знала, что не может так поступить.

– Дайте мне тоже десять минут, – почти прошептала она.

Сичжин кивнул и оставил ее одну.

Девушка подошла к бригадиру Ко. Старый рабочий уже успел догадаться, что происходит. Спросив, трудно ли будет спасти их обоих сразу, он погладил руку Моён. Не в силах поднять глаза, девушка смотрела на его черные от въевшейся грязи пальцы.

Паю, напротив, умолял спасти его. Он отчаянно хотел жить.

Обладай она божественной властью решать вопросы жизни и смерти, кого бы она выбрала? Нет, это неверная мысль – Богу была уже известна участь обоих. Как и судьбы всех остальных людей. Сколько им жить и когда умереть. Все было predetermined. Мины расставлены, и решено, кто на них наступит. Моён посмотрела на свои руки. Они были испачканы кровью. Это была и кровь тех, кому она помогла выжить, и кровь тех, кому помочь не смогла. Низко опустив голову, девушка, как одержимая, стала стирать с рук кровавые пятна.

В этот момент к ней подошел Сичжин.

– Вы приняли решение?

– У бригадира Ко в мышцах ног начал развиваться некроз. Когда будут подняты обломки, давящие на нижнюю часть тела, с большой

вероятностью возникнет травматический токсикоз. Это значит, что токсичные вещества из раздавленных мышц поступят в кровь и поразят почки...

Моён словно говорила сама с собой, ее голос был очень тихим. Капитан не прерывал девушку.

Она продолжила:

– Что касается второго пострадавшего, то кусок металла, находящийся в его теле, блокирует кровотечение. Даже если нам удастся успешно довести пациента до операционной, после извлечения травмирующего предмета начнется обширное кровотечение. Нет никаких гарантий, что мы сможем его остановить... Если бы вы были на моем месте, кого из них вы бы попытались спасти? – внезапно спросила Моён, впервые посмотрев капитану в глаза.

Ее взгляд был полон отчаяния. Сичжин не ожидал, что все так обернется, вопрос явно застал капитана врасплох.

– Почему вы спрашиваете меня? Вы осмотрели пострадавших и вынесли заключение об их состоянии. Вам осталось определить порядок спасательных работ. – Ответ капитана прозвучал довольно резко и холодно.

– Да, но... У вас больше опыта... Я подумала, вы сможете принять правильное решение, – с трудом преодолевая волнение, проговорила Моён.

– Правильное? Вы считаете, что все, что я здесь делаю, – это правильно? Мы пытаемся спасти людей, пострадавших от стихийного бедствия; здесь не может быть ничего однозначно правильного. Есть задача, мы ее выполняем.

Моён казалось, что перед ней стоит незнакомец. Он говорил отстраненно и холодно, словно они встретились первый раз в жизни. В глазах девушки засверкали слезы.

– Да, я все понимаю, конечно. Но я два дня только и делаю, что занимаюсь пострадавшими, бросаясь от одного к другому, я устала, я сомневаюсь в себе...

– Вы прекрасно справляетесь. В этом хаосе можно либо трудиться изо всех сил, даже совершая ошибки, либо ничего не делать и оставить людей умирать. Третьего не дано. Как и времени на слезы и жалобы. Мы не ожидаем от вас безупречного решения или сверхъестественных способностей. Нам срочно необходим вердикт врача, даже если этот

врач не знает, как лечить простуду... Вы осмотрели пострадавших, дайте свой ответ.

– Порядок спасательных работ...

Паю, в теле которого оставался металлический обрубок, срочно отправили в полевой госпиталь. Машину потряхивало на неровной дороге, что еще больше мучило пациента, но Паю продолжал отчаянно цепляться за жизнь. «Спасите меня. Я хочу жить», – повторял он снова и снова. «Вы будете жить. Вы должны», – твердила в ответ Моён, крепко держа его за руку.

Работа с пациентом началась безотлагательно, как только они добрались до госпиталя. Паю дали антибиотик и сделали рентген. Снимок показал, что у пациента хорошие шансы. Врачи были готовы на все, чтобы его спасти.

Анестезиолог ввел пациента в наркоз.

– Сегодня этот человек не умрет, – уверенно произнесла доктор Кан Моён. – Работаем быстро и четко. Приступаем к извлечению травмирующего предмета. По моей команде. Один, два, три!..

Кто-то из бойцов делал полароидные снимки людей, не переживших стихийное бедствие. Фотографии были нужны, чтобы установить личности погибших. Вот фотограф подошел к телу бригадира Ко, уже переложенному в патологоанатомический мешок. Посмертный снимок будет отправлен его родным.

На полу госпиталя лежали разбитые настенные часы. Стрелки не двигались с момента начала землетрясения. Кто-то поднял часы и постучал рукой по корпусу. Ничего не произошло, стрелки не дрогнули. Человек не сдался и начал подкручивать часовой механизм. Раздалось характерное тиканье, и стрелки снова стали отсчитывать время.

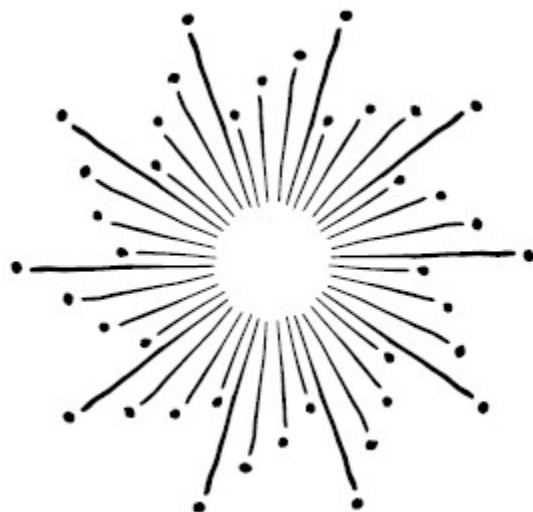
Операция закончилась успешно, Паю удалось спасти.

Моён вышла из операционной. Среди пациентов, ожидающих в больничном коридоре, она заметила знакомое лицо. Это был мужчина, отдавший ей свои ботинки.

– Большое спасибо. Вы меня очень выручили, – поблагодарила она, сняла ботинки и аккуратно поставила рядом с ним.

Глава 7

Судьбы ВЫЖИВШИХ

Бригадиру Ко через два дня должно было исполниться шестьдесят лет. В последнее время он чувствовал себя необыкновенно счастливым. Когда он смотрел на солнечные панели, выстроившиеся там, где еще два года назад был ничем не примечательный пустынный пейзаж, грудь его теснили гордость и радость, словно перед ним находились выпестованные им дети. Но особенное удовольствие, как если бы это была его личная собственность, он испытывал от вида башни, выросшей в центре электростанции. Бригадир находился далеко от дома, в чужой стране, но ощущал себя деятельным и энергичным, как будто вышитый на его строительной униформе корейский флаг помогал поддерживать силу духа. Каждый день дарил удовлетворение от труда на пользу людям. Возможность трудиться на пороге шестидесятилетия бригадир считал высочайшей наградой. Конечно, в современном мире, когда люди стали жить дольше, шестидесятилетние вовсе не считались беспомощными старцами. Однако по достижении пенсионного возраста его друзья-одногодки в Корее были вынуждены увольняться из компаний, которым отдали лучшие годы, и мучиться от безделья дома. В отличие от них бригадир Ко до сих пор вел насыщенную, полезную и интересную жизнь. Все это и делало его счастливым.

В молодые годы он не подозревал, что от работы можно получать радость. Не знал, что стоит благодарить судьбу за возможность зарабатывать деньги своим потом. Сейчас уже трудно поверить, но в молодости он был очень хорош собой и женщины заглядывались на него. Иногда его принимали за младшего брата Син Соня, знаменитого в те годы киноактера, – настолько бригадир был привлекателен. Он любил пошутить и посмеяться. От невест не было отбоя, девушки мечтали выйти замуж за видного красавца. Благодаря внешности все для него складывалось слишком легко, и молодой человек, забросив учебу и работу, долгое время вел разгульный образ жизни. Лишь когда развлечения приелись, он взялся за ум. Тогда же встретил и свою будущую жену.

Около тридцати лет назад, как раз когда ему исполнилось тридцать, бригадир работал на стройке, каждый день до изнеможения

перетаскивая кирпичи. В то время самым горячим его желанием было купить большую машину и переезжать с места на место. Все его друзья, продолжая жить в родительских домах, уже обзавелись семьями и обеспечили себя наследниками, но ему почему-то не хотелось провести всю жизнь там, где он родился. Его притягивали далекие края, ему хотелось повидать мир. Но случилось так, что он познакомился с девушкой, которая вскоре стала его женой.

Та девушка приехала в город из деревни на заработки. Сначала она устроилась на швейную фабрику, но, изранив там все руки, уволилась и пошла работать в столовую, где обедали строители. Если преимуществом не слишком привлекательных женщин считать то, что при знакомстве с ними мужчины не испытывают никакой робости, то она, безусловно, обладала таким преимуществом. Характер у нее был общительный и задорный, с ней было приятно провести время вечером за выпивкой. Неудивительно, что однажды утром бригадир проснулся в ее тесной комнатке, расположенной в том же здании, что и столовая.

Он силился вспомнить, что произошло прошлой ночью, но тут открылась дверь, и вошла она. В руках был поднос с едой, который девушка деловито поставила перед бригадиром. Он чувствовал себя страшно неловко и с радостью схватился за ложку, чтобы избежать разговора. Тут-то все и произошло. Еда оказалась божественно вкусной. Раньше он все время питался в столовой, но казенные обеды не шли ни в какое сравнение с этим завтраком. Судьба бригадира Ко была решена.

С того самого дня они стали неразлучны и вскоре начали жить в собственном доме. Веселые деньки остались в прошлом, жизнь пошла сложнее и утомительнее. Далеко не все было гладко, и супруги частенько ругались. Но так или иначе они уже целых тридцать лет оставались вместе и воспитали сына и двух дочерей. Оглядываясь на прожитые годы, бригадир понимал то, чего не в состоянии был понять в молодости: и хорошие, и плохие дни одинаково ценны, в каждом из них есть свой смысл.

На строительстве солнечной электростанции работали люди из разных стран. Большинство из них были молоды и приехали, соблазнившись высоким заработком. Многие плохо говорили на корейском, который был языком общения на стройке, поэтому бригадир не всегда в точности знал, какие обстоятельства привели того

или иного рабочего в Урук, но опыт и наблюдательность позволяли представить в общих чертах жизненный путь каждого из них.

Для бригадира молодые люди делились на две категории: вызывающие жалость шалопаи и честные труженики, заслуживающие доверия, – то есть парни, за одного из которых не побоишься выдать замуж собственную дочь. Но все равно ни те, ни другие не понимали, какой радостью для человека является сама возможность жить и работать. Бригадир жалел их, не ощущающих счастья жизни, счастья текущего момента. Всем им казалось, что молодость будет вечной, все на свете они переносили на «потом». Разумеется, не предполагая, что никакого «потом» может и не случиться.

– Я знаю все места, где ты прятешься, чтобы подрыхнуть. Ну что за бездельник! – приговаривал бригадир Ко, вытаскивая за ухо рабочего по имени Кан Минчжэ, вздремнувшего в закутке.

Молодой человек, которому вот-вот должно было исполниться двадцать шесть, не отличался особым пристрастием ни к работе, ни к развлечениям, зато имел очевидный талант оспаривать все на свете и раздражаться по пустякам. Бригадир приглядывал за ним – в парне он иногда узнавал молодого себя.

– Я же сказал, что не буду работать сверхурочно без дополнительной оплаты! – запальчиво ответил Кан.

– Кто ты такой, чтобы диктовать правила? Если хочешь, чтобы было по-твоему, открывай свой собственный бизнес. Никакого от тебя толку!

– Эй, предупреждаю! Когда вернусь в Корею, заявлю на вас в министерство труда!

– Бригадир! Быстрее! Безопасность важнее всего! Нехороший человек! Приходить! – коверкая корейские слова, пытался что-то сообщить Паю, появившийся неизвестно откуда.

Паю приехал в Урук из Индии, он был чуть старше Кана. Чем дольше они работали вместе, тем больше бригадир проникался к Паю симпатией. Ради того чтобы помогать родителям и младшим братьям и сестрам, молодой человек бросил учебу и поехал зарабатывать деньги. Но его мечтой было закончить образование, и он утверждал, что непременно это сделает, как только накопит достаточно. Пытаясь хоть чем-то помочь, бригадир в свободное время обучал Паю корейскому

языку. Если добродушный молодой человек и мог испытывать к кому-нибудь антипатию, то только к управляющему Чину.

Сорокапятилетний управляющий Чин Ёнсу был представителем холдинга «Хэсон» в Уруке. Никто не знал доподлинно обстоятельств его приезда, но поговаривали, что «Хэсон» сослал Чина подальше от главного офиса. В отличие от остальных рабочих, у него был постоянный контракт. Управляющий мог говорить на английском и прилично знал местный язык. Он появлялся на стройке с неизменно высокомерным видом, не стеснялся в выражениях, стоило кому-нибудь из рабочих допустить оплошность, и с презрением относился к трудовым мигрантам из других стран. Его не слишком интересовала работа – большую часть времени он проводил в разъездах, а когда появлялся на станции, то либо придирался ко всем подряд, либо не выходил из офиса. Бригадир испытывал к нему настоящее отвращение, но умирал свой нрав мыслями о том, что у людей не только разный цвет кожи, но и разный характер, и, несмотря ни на что, все достойны уважения.

Не успел Паю оповестить о его приходе, как появился сам управляющий. Захлопнув дверцу машины с логотипом «Хэсона», он направился напрямиком в офис.

– Добрый вечер, господин управляющий! Не стоило вам себя утруждать, вы ведь и так слишком заняты, отправили бы кого-нибудь, – затараторил бригадир, глядя на приближающегося Чина.

Когда управляющий подошел ближе, стало заметно, что он выглядит странно. Лицо Чина было напряжено и имело желтоватый оттенок, словно он подхватил какую-то заразу.

– А где ваш шофер? Почему вы приехали один?

– Он сегодня уволился. Забудьте о нем и займитесь делом. Мы не успеем закончить в срок, если вы постоянно будете прохлаждаться.

Управляющий говорил как всегда грубо, но было заметно, что вопрос его чем-то встревожил. Ответив, он без дальнейших промедлений скрылся в офисе. Было не похоже, что он покинет его в ближайшее время.

– Раз сказано заняться делом, надо заняться делом. Давайте, вперед, за работу, – поторопил бригадир Паю и Кана, похлопав каждого по спине.

День обещал быть совершенно обычным. Полюбовавшись башней электростанции на фоне восходящего солнца, бригадир заторопился. Сегодня нужно было закончить с солнечными коллекторами, дел было невпроворот. Положив в сумку коробку с ланчем, он бодрым шагом направился к месту работ. Бригадир не забыл захватить кимчи – острая капуста, присланная женой из Кореи, пользовалась неизменной популярностью среди его сотрапезников. С возрастом бригадиру разонравились многие вещи, но стряпню жены он любил по-прежнему сильно. Возможно, благодаря кулинарному искусству супруги их брак и продержался почти тридцать лет.

Бригадир не уставал повторять, что безопасность важнее всего. Прежде чем приступить к работе, он привычно надел каску. На пропускном пункте выстроились в очередь несколько человек. В руках – одноразовые стаканчики с кофе; осунувшиеся, усталые лица.

Солнечные коллекторы собирают тепловую энергию Солнца, нагревая материал-теплоноситель. За свою жизнь бригадиру Ко приходилось работать на строительстве тепловых, атомных, ветряных и гидроэлектростанций. Раньше он и подумать не мог, что человечество заставит служить себе даже Солнце. Он гордился своей работой, считая, что вносит посильную лепту в общее благо.

Утренняя смена уже трудилась вовсю, когда, позевывая, появился Кан Минчжэ. Судя по виду, он снова ночевал на офисном диване, не дойдя до общежития. Заметив молодого человека, бригадир Ко приблизился и немилосердно отвесил Кану подзатыльник.

– Явился, соня? Почему опять без каски?!

– Больно!

– Ты в конце концов дождешься, чтоб тебе проломило голову, – сердито пробурчал бригадир и нахлобучил ему на голову свою собственную каску.

Насупившись, молодой рабочий поправил каску и убрал упавшие на лоб волосы. Оставив без внимания пасмурное выражение на лице Кана, бригадир повернулся, намереваясь взять себе новую каску, – шкаф с защитными головными уборами стоял рядом. В это самое мгновение висящие каски задребезжали и стали вываливаться из

шкафа. Одна из них прыгнула прямо в руки бригадира, совершенно не понимающего, что происходит. Бригадир так и не успел надеть каску – сверху посыпалась цементная крошка, а пол заходил ходуном. В одну секунду все сооружение затрещало по швам, рассыпаясь на куски. Началось землетрясение.

– Спускайтесь! Все вниз!

– По лестнице! Не заходите в лифты! Только по лестнице, быстро!

Бригадир пытался докричаться до беспорядочно заметавшихся рабочих. Тех, кто попадался ему под руку, он подталкивал к лестнице. Разразившись криком ужаса, один из рабочих пошатнулся и полетел вниз в открывшуюся дыру. Казалось, наступил апокалипсис.

– Бригадир! – послышался отчаянный крик Кана.

Обернувшись на голос, бригадир успел заметить, как в его сторону заваливается огромный строительный кран, стоявший около башни электростанции. В следующую секунду в глазах потемнело, и бригадир Ко потерял сознание.

Он не знал, сколько прошло времени. Сознание стало постепенно возвращаться, когда бригадир почувствовал, как ему на лоб сыплется каменная крошка. Сквозь щели едва пробивался свет, в котором столбом кружила до сих пор не осевшая пыль. Бригадир не мог понять, жив ли он или уже находится по ту сторону смерти. Попытался двинуться, но не смог. Становилось понятно, что сверху на него что-то давит. Повертев головой, бригадир увидел, что нижняя часть его тела полностью скрыта под огромными бетонными обломками.

– Чтоб тебя!.. Эй, есть кто-нибудь? Кто-нибудь меня слышит? Помогите!

Бригадир пытался говорить громко, но пересохшее горло нестерпимо саднило. Он подумал, что, раз испытывает боль, значит, все еще жив.

– Бригадир? Паю здесь! Паю здесь! Быстрее! Помогать! – раздался откуда-то голос, перемешивающий корейские и английские слова.

– Паю, это ты? – собрав силы, переспросил бригадир.

– Я застрял. Паю больно. Паю умирать...

Судя по словам и слабому голосу Паю, его дела были так же плохи, как и у бригадира.

– Что с тобой, ты ранен? Сильно? Держись, нас скоро найдут. Слышишь?

Бригадир протянул руку и нащупал на полу небольшой обломок. Он взял его и начал стучать по металлической трубе, валявшейся рядом.

– Помогите! Здесь люди! Помогите! Скорее!

Голос разносился по помещению, но оставался без ответа.

– Больно... Быстрее... Безопасность важнее всего... – время от времени присоединялся к нему Паю.

Голос индийца становился все слабее. Было похоже, что его состояние ухудшается.

– Ты прав, безопасность важнее всего... Мне очень жаль. Мы строили в расчете на века, а вон как все обернулось... Кто же мог знать... Потерпи. Нас наверняка ищут... Ты слышал? Звук только что?!

Бригадир прислушался. Откуда-то сверху снова донесся стук, как если бы кто-то ударял по металлу. Не очень громкий, но явственный.

– Сейчас слышал?.. Эй, кто там? Спасатели?

– Бригадир Ко, это вы? Это Пак Ёнман.

– Да, слышу вас! Где вы?

– Я думаю, прямо над вами. Потерпите немного! Тут снаружи спасатели, они знают, что мы здесь.

Бригадир воспрял духом. Конечно же, их спасут, иначе и быть не могло. Разве возможно, чтобы его жизнь закончилась таким вот нелепым образом?

Трудно было сказать, сколько еще прошло времени. Бригадира мучила жажда. Давно померк даже тот слабый свет, что едва пробивался раньше. То и дело эхом доносились причитания и стоны пострадавших, находившихся где-то в здании. Надежда на спасателей исчезала. Бригадир вернулся к мыслям о смерти, но они больше его не пугали. Он вспомнил о кимчи, которую прислала жена. Она готовила для него, паковала и отправляла посылку в другую страну, но в итоге все оказалось напрасно. Бригадир почувствовал себя виноватым. Он даже не успел позвонить и сказать, что получил посылку. Отложил звонок на потом.

Эта вечная мысль «еще успеется»! За тридцать лет, что они жили вместе, притираясь друг к другу, он ни разу не говорил жене о любви. Часто он уезжал от нее, лишь прикрываясь необходимостью зарабатывать, а на самом деле просто хотел вырваться из семьи. Пока он был вдали от дома, жена воспитывала их детей. Конечно, он приносил в дом деньги, но разве это было самое важное? Она ни разу не слышала от него слов сочувствия и благодарности. Теперь бригадир жалел о своей сдержанности.

Зная, что его мечтам, скорее всего, не суждено осуществиться, бригадир все же стал мысленно рисовать будущее. Если случится чудо и он выживет, то обязательно поедет вместе с женой в путешествие, решил он. Довольно он поколесил по свету в одиночку – остаток жизни они проведут вместе.

Пока он обдумывал все это, началось какое-то движение: послышался скрежет, и упало что-то тяжелое. Бригадир крепко зажмурился, ожидая худшего, и словно провалился в пустоту.

– Бригадир, вы меня слышите? – позвал женский голос.

Подумав, что явился ангел, чтобы сопроводить его на тот свет, бригадир медленно открыл глаза. Перед ним стояла красивая женщина, но определенно не ангел. Бригадир знал ее – это была врач, направленная в Урук «Хэсоном». Пусть и не ангел, но происходящее все равно казалось ему чудом.

– Здравствуйте, доктор. Тут очень опасно, вам не стоило приходить, – с привычной вежливостью проговорил он.

– Я дам вам обезболивающее. Вы чувствуете ноги, можете пошевелить пальцами?

– В таком возрасте силы в ногах уже не осталось, – хохотнув, ответил бригадир. – Ну как, двигаются? Все это время было ужасно больно, но как только увидел вас, стало намного легче.

– Вы отлично держитесь, – подбодрила его доктор и повернулась к стоящему рядом военному. – Как быстро вы сможете вытащить бригадира Ко?

– Сначала вы должны увидеть еще одного пострадавшего.

Извинившись перед бригадиром, девушка направилась вслед за военным и исчезла из поля зрения.

Бригадира охватило нехорошее предчувствие. Он слышал, как она разговаривает с Паю на английском. Слов он не понимал, но уловил, что молодой рабочий находится в крайне тяжелом состоянии.

Прошло больше десяти минут, прежде чем доктор вернулась.

– Когда начнутся спасательные работы и будут подняты обломки, вы почувствуете очень сильную боль. Такую сильную, что не помогут даже обезболивающие препараты.

– У меня трое детей. Две дочери и сын.

– Что вы сказали?

– Тот рабочий, Паю... Я не знаю, что точно происходит, но, похоже, вы не сможете спасти нас обоих?..

Девушка растерялась и отвела глаза. Бригадир понял, что попал в самую точку.

– Не переживайте. Я почти три десятка лет работаю в разных странах, начиная с той поры, как приехал строить дорогу в Саудовской Аравии. Пришлось научиться понимать людей. Я всегда чувствую, когда что-то идет не так.

– Что бы ни случилось, мы приложим все усилия...

– Да-да, пожалуйста, приложите... Как же хорошо вот так лежать и ничего не делать... Я счастливый человек, разве нет?.. Я смог заработать достаточно денег, чтобы дать детям образование, каждый из них теперь живет своей жизнью. Моя жена... Мы чаще видели друг друга на фотографиях, чем были рядом... Что ж, теперь ей останутся одни фотографии...

Собравшись с силами, бригадир продиктовал письмо жене. Понимая, что никакого «потом» больше не существует и больше

никогда не «успеется», он просил передать ей, что ему жаль, что он благодарен, что он ее любит. И еще – чтобы она не оставалась долго одна.

Закончив самую трудную речь в своей жизни, бригадир закрыл глаза.

Сверху просачивалась вода, капли срывались вниз одна за другой. Кан Минчжэ поднял смятую пластиковую бутылку и стал собирать влагу. Он не был серьезно ранен, но ему до смерти хотелось пить.

– Помогите!.. Есть тут кто-нибудь?

После пары глотков голос окреп, но ответом все равно была тишина. Молодой рабочий чувствовал невероятную слабость. Тяжело было даже осознавать, насколько он слаб.

Он допил остатки воды.

– Как же все это достало... Лучше уж действительно сдохнуть.

Кан растянулся во весь рост, защитная каска брякнула об пол. Он надел ее за несколько секунд до начала землетрясения по настоянию бригадира Ко.

– Вот он я, в каске! Бригадир, где же вы? Быстрее, спасите меня!..

Хотя организм был обезвожен, на глаза набежали слезы. Они вытекали из уголков глаз и попадали в ушные раковины.

Вдруг послышался отчетливый шорох. Молодой человек приподнялся и стал ползком передвигаться в направлении звука. Он дополз до места, где дыру в потолке закрывал кусок закаленного стекла, упавший сверху. Сквозь стекло показался силуэт мужчины, одетого в сигнальный жилет. Кан моментально воспрял духом.

– Я здесь! Вы из команды спасателей? Помогите мне! Скорее!

– Подождите немного... Я не спасатель, я врач.

Внезапно пол заходил ходуном. Это был повторный сейсмический толчок. Земля ожила, стекло покрылось сеткой трещин и разлетелось на множество мелких осколков. Инстинктивно ухватившись за торчащий прут арматуры, Кан упал на спину.

– Вы в порядке? Не поранились? – раздался испуганный голос врача, как только все успокоилось.

– В порядке. Вытащите меня отсюда! – ответил рабочий, пытаясь дотянуться до руки доктора, который наклонился в освободившийся от стекла провал.

Их пальцы разделяло всего несколько сантиметров.

Врач сделал усилие и протянул руку еще дальше:

– Хватайтесь!

Кан уже касался своими пальцами пальцев доктора, когда опять затряслись потолок и стены. Было похоже, что сейчас произойдет еще один толчок. Врач убрал руку.

– Куда вы? Сейчас тряхнет, быстрее, вытащите меня!

– Я... Я не могу. Простите!

В голосе доктора звучал неподдельный страх. Кан услышал быстро удалявшиеся шаги.

– Подождите! Куда вы?! Умоляю, не бросайте меня!

Врач даже не остановился. Рабочий продолжал звать, насколько хватало сил. Не прошло и минуты, как потолок и стены затрещали и на потерявшего сознание молодого человека посыпались бетонные обломки.

Как только врач его бросил, Кан Минчжэ подумал, что все люди одинаковы.

Молодой человек почти не помнил отца. Совершенно заурядная история: отец, любивший выпить, а выпив, наброситься на жену с кулаками, однажды пьяным уселся за руль, сбил пешехода и разбился сам. Минчжэ в то время было всего девять лет. Кроме заглянувших на похороны полицейских и страховых агентов, никто не пришел попрощаться с погибшим. На поминках мать Минчжэ все время плакала и падала в обморок, словно хоронили не того самого человека, который регулярно избивал ее до полусмерти. Сам Минчжэ печали не чувствовал. Он понимал, что должен испытывать скорбь, и даже пытался выдавить из себя слезу, но безуспешно. Как замороженный он смотрел на мать, у которой слезы лились, как вода из крана. Они не получили никакой компенсации после смерти отца. Мать, оказавшаяся не в состоянии прокормить их маленькую семью, спихнула сына бабушке и повторно вышла замуж. Дальнейшее было еще зауряднее.

Все пережитое в детстве и юности превратило Кан Минчжэ в того человека, каким он был сейчас. Кан не доверял людям. Прекрасные слова «надежда», «любовь», «будущее» были для него пустым звуком. И тем не менее рабочий был потрясен, когда врач сбежал, бросив его на произвол судьбы. Это было слишком даже по меркам Кана.

Не заработок или прелести заграничной жизни привели Кан Минчжэ в Урук. В объявлении о наборе строителей, помимо прочего, обещали обеспечить рабочих жильем, и парню отчаянно захотелось хотя бы на шесть месяцев забыть о проблемах, которые преследовали его в Корее. И он не жалел, что приехал, хотя временами его раздражали поучения бригадира Ко, взявшего над ним шефство, о чем того никто не просил. Общаться в Уруке было особенно не с кем, так как Кан не знал местного языка, но, возможно, это было и к лучшему, так как лишние знакомства могли довести до беды. Иногда приходилось трудиться по ночам, но в целом работа была не тяжелой. Кан ощущал себя в Уруке как на каникулах.

Придя в сознание, молодой человек лежал, перебирая в памяти дни, проведенные в Уруке. Мысли его снова вернулись к бригадиру Ко.

Старый рабочий отдал ему свою каску и остался с непокрытой головой, когда началось землетрясение. Кан переживал за него, надеясь, что бригадир не пострадал.

– Вы меня слышите? Есть кто живой? – внезапно прозвучал откуда-то снаружи мужской голос.

– Слышу! Я вас слышу! Помогите! – что было сил закричал рабочий.

За стеной заработала сверлильная установка – судя по всему, спасатель пытался проделать проход в стене. Человек, идущий ему на помощь, периодически говорил с кем-то по рации, отдавая команды. Прошло некоторое время, и в стене образовался узкий тоннель. Заплясал свет фонаря, и вскоре появился мужчина в военной форме.

– Кто вы? А, неважно, просто вытащите меня отсюда.

– Командир отряда «Моуру», – ответил Сичжин, пытаясь стряхнуть грязь с одежды.

– Пожалуйста, быстрее... Я хочу есть, мне больно... – простонал пострадавший, указывая на левую ногу, как в капкане зажатую между плитами.

– Где болит сильнее всего?

Осмотрев рабочего, Сичжин сказал, что придется подождать, так как требуются дополнительные инструменты, чтобы высвободить ногу.

Он измерил давление пострадавшего и после этого обратился к кому-то по рации:

– Давление 130 на 110, пульс 85 ударов в минуту. Вероятно, перелом левой голени и правого предплечья.

– Показатели не вызывают опасения. Введите ему раствор глюкозы и обезболивающее. Вы сможете найти вену? – ответил по рации женский голос.

– Смогу, – заверил собеседницу Сичжин.

– Вы делали это когда-нибудь раньше? – строго спросила женщина.

– Нас обучали в армии.

– Вы действительно знаете, как это делается? – Рабочий, внимательно прислушивавшийся к разговору, поспешно отдернул руку.

– Если не хотите, чтобы я ставил капельницу в руку, буду колоть в лоб. Предупреждаю, так больнее.

– Давайте в руку.

– Поставил капельницу. Собираюсь ввести дозу НПВП, – доложил по рации капитан.

– Как долго я здесь нахожусь?

– С момента землетрясения пошел третий день. Около пятидесяти часов.

– Люди... Много погибших?

– Много. Но выживших больше. К счастью, большинство удалось спасти. Вас тоже спасем.

– Это еще неизвестно... А это нормально, что я чувствую зуд? – скребя шею, спросил рабочий.

Увидев покраснение на коже пострадавшего, капитан снова начал переговоры.

– Доктор Кан, вы меня слышите? – Сичжин быстро описал состояние пациента. – Я уверен, что все сделал правильно.

– Возможно, это как раз из-за того, что вы все сделали правильно, – последовал ответ.

– Что вы имеете в виду?

– Такое редко случается, но иногда у пациента возникает аллергическая реакция на НПВП. Если это так, то у пострадавшего в скором времени начнется отек гортани.

– Что я должен делать?

– Пока поставьте чистый физраствор. Я передам вам бромфенирамин, он быстро снимет аллергическую реакцию.

В тот же момент сверху раздались громкие звуки, похожие на удары. Потолок и стены заходили ходуном, как если бы снова началось землетрясение. На голову капитану и пострадавшему посыпались земля и мелкие камешки.

– Что происходит? Еще один толчок? Меня слышно? – попытался связаться с внешним миром Сичжин.

– Ну почему опять!.. И так еле живой, сколько можно!.. – Голос Кана звучал злобно и жалобно одновременно.

– Пригнитесь!

Сичжин упал на рабочего, защищая его своим телом. Теперь на них сыпались крупные обломки и камни. Густая пыль заполнила все помещение, невозможно было открыть глаза. Кан сильнее прижался к груди военного. В голове снова промелькнула мысль о бригадире Ко. Тот спас его, отдав защитную каску, а теперь незнакомый ему человек

прикрывает его собственным телом, ограждая от падающих камней. Молодой рабочий едва не разрыдался от нахлынувших чувств.

Как только все затихло, он потряс бездвижного капитана:

– Эй, генерал, вы в порядке? Вы же не умерли?! Очнитесь! Эй!.. Помогите! Кто-нибудь!

– Какой я тебе генерал... – с усилием ответил Сичжин, открывая глаза.

– Вы в порядке!.. Я думал, умерли!

– Вы не ранены?

Поправив капельницу, Сичжин внимательно осмотрел пострадавшего.

– По-моему, это вы ранены. У вас рука в крови, – нахмурившись, ответил Кан.

– Да, в самом деле... О, плиты сдвинулись, ваша нога больше не зажата.

Сичжин открыл чемоданчик с набором неотложной помощи и стал наскоро делать себе перевязку.

– А что толку – выход опять завалило, все равно не выбраться...

Узкий тоннель, через который капитан проник внутрь, теперь был забит камнями.

– Я Большой босс. Прием. Без жертв. Прием. Я Большой босс. Группа Альфа. Ответьте. – Сичжин попытался воспользоваться рацией, но безуспешно.

– То-то я удивлялся, что выжил. Мне бы так никогда не повезло.

– Не волнуйтесь, выберемся.

– Да неужели? У вас даже рация не работает.

– Я сказал, выберемся. Подружка есть? Ждет, наверное.

– Нет у меня никакой подружки. А у вас есть?

– Та доктор, с которой я разговаривал раньше... Она мне очень нравится. Но она отвергла меня целых три раза. Не понимаю, как я это пережил.

– Ничего себе, я бы точно умер от стыда.

– Да уж, пришлось несладко... Но сейчас она с ума сходит от беспокойства. Наверняка думает, что я умер. Может, даже жалеет, что отвергла меня.

– То есть вы считаете, так ей и надо?

– Ничего подобного. Просто волнуюсь... Дайте руку.

Сичжин достал из нагрудного кармана авторучку и приготовился писать на руке пострадавшего.

– Как вас зовут?

– Кан Минчжэ. Зачем вы это делаете?

– На всякий случай.

– На какой такой случай?

– На случай, если вы выберетесь отсюда один.

– Что вы придумываете? Если мы вообще выберемся, то вдвоем, – запротестовал молодой человек.

Голос Кана внезапно изменился, он закашлялся.

– Вам не стоит разговаривать. Аллергическая реакция развивается, у вас распухает горло.

– Теперь горло... Я же говорю, я не жилец.

– А я говорю, все будет в порядке. Не верите мне? Мой вид всегда внушает людям доверие.

– Только не мне.

– Вы просто не в состоянии сейчас адекватно воспринимать реальность... Мои сослуживцы никогда нас не бросят, можете быть спокойны.

В тот же момент послышались мощные удары в стену. Молодой рабочий, столько всего переживший за последние часы, не торопился радоваться. Однако с каждым новым ударом надежда крепла. Не в силах справиться с чувствами, он уткнулся лицом в ладони. Последний удар, и в стене образовался проход.

– Неужели так трудно ответить по рации, если живой? – ворчливо произнес появившийся из прохода старший сержант Со Тэён.

В его голосе звучало плохо скрываемое облегчение. Он бросил Сичжину пузырек с лекарством от аллергии.

– Ну что, кто был прав? – спросил Сичжин, похлопав рабочего по плечу.

Кан Минчжэ остался в живых. Остался в живых благодаря бригадиру Ко, отдавшему свою защитную каску, и благодаря капитану Ю Сичжину, который закрыл своим телом рабочего, пострадав сам. Молодой человек, за двадцать шесть лет своей жизни привыкший к тому, что он никому не нужен, чувствовал, что его мир перевернулся. Возможно, прекрасные слова «надежда», «любовь», «будущее» теперь приобретут смысл и для него.

Он лежал на больничной кровати в госпитале, загипсованная нога приподнята вверх. Проводить время без движения было крайне утомительно, но молодой человек никогда не чувствовал себя более живым, чем сейчас.

Открылась дверь, и в палату нерешительно заглянул смутно знакомый Кану юноша. На нем был белый халат доктора. В следующую секунду Кан его вспомнил, взгляд сразу наполнился холодом: это был тот самый врач, который сбежал, бросив его без помощи.

Опустив ногу, Кан с трудом поднялся с кровати. Везя за собой капельницу, он приблизился к вошедшему.

– Ты, кажется, говорил, что ты врач? Я бы тебя так не назвал, – со всем доступным ему сарказмом произнес Кан, оглядывая доктора с головы до пят.

К нагрудному карману халата был прикреплен бейджик с именем. Ли Чхихун. Дрожавший всем телом Чхихун выглядел как человек, увидевший привидение. Его лицо приобрело сероватый оттенок.

– Или врач, бросающий пациента на произвол судьбы, тоже считается врачом? – не унимался рабочий.

Он ожидал, что доктор начнет отпираться, но Чхихун, казалось, был не в силах произнести ни слова. Его взгляд был отчаянно виноватым. Не зная, что добавить, Кан заковылял прочь из палаты. Чхихун пошатнулся, словно его ударили.

Кан бродил по больничным коридорам, не подозревая, какой эффект произвели на Чхихуна его слова. Мысли переключились на бригадира Ко: Кан подумал, что старый рабочий мог оказаться в госпитале, и решил его разыскать. Со всех сторон доносились стоны

пациентов. Молодой человек снова почувствовал себя счастливым: ведь он отделался всего лишь переломом. И все благодаря бригадиру. Если бы не защитная каска, ему бы точно проломило голову, и не раз.

Поискав еще немного, Кан увидел на больничной кровати знакомого, Пак Ёнмана.

– Добрый день. Не знаете, где бригадир? Я чуть не умер, а ему как будто бы все равно. Даже не побеспокоится обо мне, – обратился он к Паку в своей обычной вызывающей манере.

– Вон там... – помрачнев, ответил Пак, указывая пальцем за спину молодого рабочего.

Кан обернулся. За спиной была лишь доска объявлений. Ничего не понимая, Кан подошел и начал читать. Пострадавшие, пропавшие без вести, погибшие – три колонки имен. Он нашел себя в списке пострадавших. В следующее мгновение глаза его округлились: он увидел имя бригадира в колонке погибших. В это невозможно было поверить.

– Как же так!.. Я здесь, я выжил... Я впервые вас послушал, я был в каске... Как же так!.. – ошеломленно забормотал Кан.

Силы оставили его, молодой рабочий сел прямо на пол, прислонившись к стене. Слезы, не пролившиеся на похоронах отца, хлынули из его глаз.

Аргус только что назначил себя главой преступной группировки Урука. Управляющий Чин Ёнсу сразу же понял, что перед ним убийца. Острые, как лезвие ножа, глаза Аргуса изучали Чина.

– Вы новый босс? Впрочем, не важно, лишь бы платили деньги. Товар у меня, – подобострастно осклабился Чин, протягивая Аргусу желтый конверт.

С непроницаемым видом бандит взял конверт и проверил содержимое. Там лежали алмазы.

– Вы, корейцы, все должны отслужить в армии – может быть, поэтому я сразу чувствую в вас родственные души... Следующая поставка через неделю, – удовлетворенно проговорил Аргус, протягивая Чину пачку долларов.

– С прежним боссом мы договаривались на десять дней, – принимая деньги, осмелился возразить Чин.

– Неделя, – повторил Аргус, приставив два пальца ко лбу Чина.

Управляющий живо нарисовал в воображении картину, в которой вместо пальцев был пистолет. От страха он чуть было не обделал штаны. Чин любил думать о себе как о дьяволе в человеческом обличье, но в сравнении с Аргусом он был всего лишь мелким бесом. Чин тут же решил, что любым способом прекратит все дела с Аргусом. Покупателей на алмазы сколько угодно, а вот жизнь у него одна.

Чин устроил тайник у себя в офисе на строящейся электростанции. Стройку курировало правительство Кореи, и даже самый рискованный убийца призадумался бы, стоит ли сюда соваться.

После встречи Чин не размышлял слишком долго. Он решил собрать все алмазы, какие удастся за отведенный срок, и сбежать из Урука. Денег, полученных от прежнего босса, хватало на вполне безбедное существование до конца жизни. Плюс у него был собственный запас алмазов. Чин решил, что ничего не теряет. Все равно через год-два на электростанцию пришлют нового управляющего от «Хэсона» или даже от правительства – как только он закончит всю грязную работу.

Отодвинув офисный стол, Чин открыл сейф, встроенный в пол рабочего кабинета. Тугие пачки долларов и поблескивающие камни

радовали глаз и согревали душу. Он сгреб пригоршню драгоценных камней и залюбовался. Через неделю он возьмет их с собой в путешествие. Они полетят на самолете, а после начнется не жизнь, а сладкая сказка.

Закрыв сейф и аккуратно поставив на место стол, управляющий вышел из офиса. Когда он пересекал коридор, с потолка что-то посыпалось. Почувствовав, как страх расплзается по спине, управляющий рванул к лестнице. Выскочив наружу, он обернулся и застыл, не веря своим глазам. Здание, из которого он только что выбежал, превращалось в руины.

«Человек предполагает, а Бог располагает», – промелькнуло в голове Чина. Перед ним разверзалась земля, рушились здания, гибли люди. Сейф управляющего оказался похоронен где-то глубоко внутри громадной мешанины из бетонных обломков. И вот это было самой большой катастрофой.

Как только начались спасательные работы, Чин понял, что военные – его главная надежда. У них получается спасти умирающих, так что спасти живого будет совсем легкой задачей, рассудил он.

Засучив рукава, Чин подошел к одному из военных:

– Я управляющий Чин Ёнсу, главный начальник. Вы уже начали поиск внутри зданий?

Боец был черным от пыли. Знаки различия на форме подсказали Чину, что перед ним сержант.

– Разрушения все еще продолжаются, мы пока не можем проникнуть внутрь. Вы знаете, сколько было работников на момент начала землетрясения? Нам мог бы помочь бригадир Ко, но его нигде нет.

– Понятия не имею. Человек двадцать?.. Да бригадиру вряд ли удалось выбраться, – раздраженно отмахнулся Чин, про себя подумав, что не хватало еще решать чужие проблемы.

Сержант в изумлении уставился на Чина. Тот продолжал:

– Сделаем так. У меня в офисе остались очень ценные вещи, так что...

В этот момент боец получил радиосообщение с просьбой о помощи.

– Уже иду, буду через минуту!

Не дослушав управляющего, сержант сорвался с места.

– Эй, куда, я с тобой разговариваю! Мой офис! Эй! – в ярости заорал Чин, но его призывы остались без ответа.

Через некоторое время управляющий предпринял новую попытку. Увидев, как военные собрались у входа в одно из зданий, он направился к ним. Ему казалось, что удача на его стороне, – Чин узнал старшего сержанта Со и капитана Ю. Они пытались решить, как быть с огромными кусками бетона, заблокировавшими вход, и

переговаривались с рабочими, которые оказались заперты внутри. Обратившись к старшему сержанту, Чин стал убеждать его начать работы в рухнувшем офисе.

– Еще рано. Там продолжаются обвалы, – не предполагающим возражений тоном ответил Тээн.

– Какие еще обвалы? Ну, упадут несколько камней, большое дело. Если вы так боитесь, как собираетесь спасти людей? Ну и работнички!

– Заходить в полуразрушенные строения после землетрясения очень опасно. Снаружи они кажутся устойчивыми, но внутри любое неосторожное движение может вызвать новый обвал. Это нанесет в итоге еще больший ущерб.

Спор прервал солдат, работавший с акустическими приборами поиска. Он сообщил, что уловил сигнал от одного из пострадавших. За исключением управляющего Чина, все радостно заулыбались.

Военные вернулись к обсуждению спасательных работ, разложив перед собой план здания.

– Наша главная задача – убрать эти бетонные обломки, закрывающие вход.

– Блочный механизм не сработал, обломки слишком тяжелые. Может, использовать сверлильную установку?

– Не говорите ерунды, это же сверхпрочный железобетон! – с видом знатока влез в разговор Чин.

– Если будем сверлить, работа займет не меньше трех дней. Надо придумать другой способ.

– Зачем вы так усложняете, когда есть простое решение? Используйте бульдозер! – снова вставил Чин.

– Сколько раз вам повторять, что полуразрушенные здания чувствительны к сотрясениям? Тяжелая техника может навредить тем, кто внутри.

– Тогда, может, начнем с офиса, а потом из него проделаем путь внутрь этого здания? – продолжал настаивать управляющий, нетерпеливо тыкая пальцем в план. – Там нет никаких признаков выживших, можно смело использовать машины. Давайте сделаем так, только побыстрее, а? У меня в офисе очень важные документы!

Голос Чина сорвался на крик.

– Вы предлагаете нам бросить людей и заняться поисками бумаг? – попытался охладить его пыл Сичжин, до сих пор молча наблюдавший за управляющим.

– Мне кажется, вы не понимаете. Я тут главный! Я управляющий этой электростанцией! Поэтому сейчас же делайте то, что я вам приказываю!

– В зоне стихийного бедствия руководство переходит к тому, кто возглавляет спасательные работы. В данном случае это я... Кто позволил гражданскому лицу находиться на территории?

– Эй ты! – совсем потерял контроль над собой Чин.

Управляющий попытался схватить Сичжина за грудки, но стоявшие рядом с командиром бойцы в секунду скрутили Чина.

– Пожалуйста, покиньте территорию.

– Отпустите! Немедленно отпустите! Да кто вы такие! Я дойду до командующего! – вопил Чин, пока его выпроваживали.

Выживших было двое: бригадир Ко и рабочий Паю. Управляющему, снова пробравшемуся на место спасательных работ, не было никакой разницы, кого из них вытаскивать, – все равно ни один не проживет долго. А если и проживет, то беспомощным инвалидом, неспособным к простейшим действиям. Но военные, похоже, думали по-другому. Они искали способ спасти обоих пострадавших. Управляющий с раздражением подумал, что еще никогда не встречал более упертых людей.

– Капитан, что же это такое, вы все еще не начали? Сколько можно! Все равно ведь спасти удастся только одного в лучшем случае. Просто вытаскивайте того, кого легче, и давайте уже займемся офисом! – обратился он к Сичжину, как только тот остался один.

– Мы действуем согласно протоколу спасательных работ, – ответил Сичжин, стряхнув с плеча руку Чина, и повернулся, чтобы уйти.

– Куда вы? Я еще не закончил!.. Вы даже не представляете, что это за документы, о которых я беспокоюсь. Это очень-очень важные для Республики Корея договоры с правительством Урука. Я сейчас говорю не как наемный работник, получающий деньги за свой труд, – я говорю как патриот своей страны! Вы знаете, какой горячий я патриот? Я пою гимн даже в караоке! Теперь вы понимаете? Это дело государственной важности!

Лицо Сичжина, слушавшего монолог управляющего, оставалось безучастным.

– Кто такой солдат? Разве не тот, для кого важнее всего интересы страны и нации? Сейчас самое важное не то, кто выживет, а...

– Слушай, ты.

– Что?! «Ты»?!

– Да, ты, придурок, – холодно повторил Сичжин, надвигаясь на управляющего.

Потрясенный Чин отступил назад.

– Страна? Нация? Ты действительно знаешь, что это такое? Для моей страны важнее всего жизнь и безопасность ее граждан. Если тебе непонятно, о чем я говорю, могу объяснить. Это значит, что даже если

такой урод, как ты, будет в опасности, страна сделает все, чтобы его спасти. Моей стране важнее всего жизнь человека. Так что если ты торопишься найти свои бумажки, иди и копай сам.

Закончив говорить, Сичжин взял стоявшую рядом лопату и вручил управляющему.

– Ну и ну. Просто нет слов. Ты совершаешь большую ошибку, капитан.

– Спасибо, что сообщил. Теперь проваливай.

Неожиданно раздался треск, и кто-то за спиной Сичжина закричал, предупреждая об опасности. Сверху посыпалась цементная крошка, и вниз полетел кусок бетона внушительных размеров. Капитан прикрыл своим телом Чина, и вместе они упали на пол. Вслед за первым куском с грохотом повалились другие. Острым краем одного из обломков военному пропоролло плечо.

– Все в порядке? Доложите о ситуации, – сразу же после обвала заговорил по рации Сичжин.

Дрожащий Чин приоткрыл глаза и стал оглядываться вокруг. Внезапно его лицо перекосилось от ужаса. Силовой кабель, обрубленный упавшим обломком, искрился, змеясь по полу. Что еще хуже, совсем близко от него собиралась в лужу вода из поврежденного пожарного гидранта.

– Там, там! – заикаясь, проговорил Чин, показывая Сичжину на кабель.

Капитан молниеносно оценил обстановку. Сверху свисал готовый упасть кусок бетона, еле держащийся на арматурном пруте. Выхватив пистолет, Сичжин твердой рукой направил оружие вверх и выстрелил. Упавший обломок придавил кабель, предотвратив катастрофу.

– Не пострадали? – спросил Сичжин управляющего.

– А, я... Да... Я...

Управляющий не мог произнести ничего членораздельного. Он продолжал дрожать, его лицо было белым как мел.

На следующее утро управляющий Чин проснулся с жутким ощущением, словно кто-то его душит. Пошел третий день с момента землетрясения, а он не только не сбежал из Урука, прихватив все свои сокровища, но, напротив, был близок к тому, чтобы остаться здесь навсегда – в могиле. Не могло быть и речи о том, чтобы уехать прямо сейчас, – карманы управляющего были совершенно пусты.

Продрав глаза, Чин встал и быстро собрался, спеша вернуться на электростанцию. Как он и боялся, военные и медики продолжали заниматься спасением пострадавших. Осмотревшись, Чин увидел экскаватор, стоявший у входа в башню электростанции. Его глаза загорелись. Недолго думая, управляющий забрался в кабину.

Чин направил экскаватор к зданию офиса. Тяжелая машина гремела, как танк. Управляющему, однако, не удалось добраться до цели: со всех сторон к нему стали сбегаться военные.

– Эй ты, ублюдок! Остановись немедленно! Внутри здания люди! – кричал Тэён, мчась к машине.

Подбежав, он подтянулся на ручке кабины и ногами ударил Чина, а затем вышвырнул управляющего на землю. Экскаватор заглох. Старший сержант крепко схватил Чина за шиворот.

– Попался, ублюдок.

– Отпусти! Отпусти, я сказал! Не смей меня трогать! Я ничего не сделал! Никто не пострадал! В чем проблема? – орал Чин, как бесноватый.

Тэён развернул управляющего к себе и ударил кулаком в челюсть. От удара у Чина потемнело в глазах. Именно в этот момент появился командующий батальоном «Тхэбэк» подполковник Пак, приехавший с инспекцией на место спасательных работ.

Держась рукой за подбородок, Чин бросился к подполковнику.

– Эй вы, с нашивками подполковника! Вы ведь тут самый главный? Надо поговорить. Вы видите это? Видите, я спрашиваю? Где это слыхано, чтобы солдаты, живущие за счет моих налогов, меня же и избивали? Чем я это заслужил? Мои интересы что, не учитываются?! – разразился гневной тирадой управляющий, злобно зыркая на Тэёна и других бойцов. – Предупреждаю, я этого так не оставлю. Сейчас меня

осмотрит врач, я получу медицинское заключение и буду жаловаться и в министерство обороны, и в администрацию президента, и в прокуратуру! Вас всех вышвырнут из армии, вот увидите! Пройду по всем инстанциям! Закон на моей стороне!

– Прекрасно. Хотите по закону – давайте по закону. Подумайте, что скажет закон о человеке, который проник на территорию, где под контролем военных ведутся спасательные работы, уселся в экскаватор и чуть не угробил нескольких человек, включая военнослужащего? Пишите свои жалобы и готовьтесь предстать перед военным судом по обвинению в покушении на убийство. Советую заранее сделать копию медицинского заключения для нашего суда тоже, – ответил подполковник, сверля глазами Чина.

– Что? – отшатнулся изумленный управляющий.

– Вы, бездельники, живущие за счет его налогов! Какого черта не можете оградить территорию от гражданских?! – повысил голос подполковник, повернувшись к солдатам.

Огорошенный управляющий продолжал стоять, не понимая, что ему делать дальше.

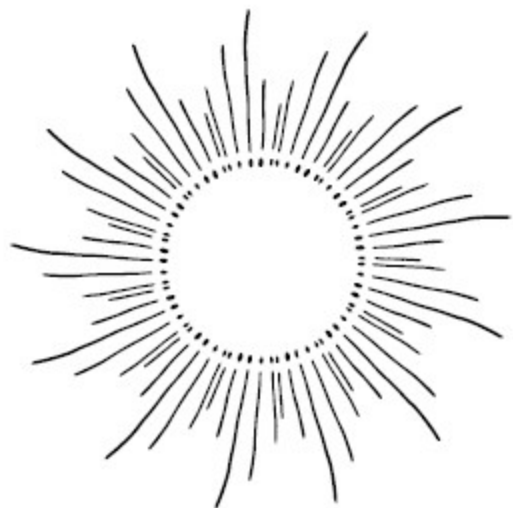
Внезапно раздался вой сирены.

– Это время начала землетрясения. С сегодняшнего дня в память о жертвах стихийного бедствия такой сигнал будет звучать ежедневно. Когда вы будете его слышать, просим отложить дела и присоединиться к минуте молчания, – объявили через громкоговоритель.

Склонив головы, люди почтили погибших. Лишь управляющий Чин нервно озирался по сторонам, судорожно соображая, что ему теперь предпринять.

Глава 8

Признание

День клонился к закату. Небо над разрушенной электростанцией окрасилось в багровые тона. Казалось, это кровь пострадавших разливается по небосводу.

Сичжин направлялся к месту, где находилось тело бригадира Ко. Предстояло завершить все формальности. Капитан не мог справиться с горьким чувством, наполнявшим его сердце. Понять капитана смог бы только тот, кому довелось делать страшный выбор: спасти одного человека, тем самым обрекая на смерть другого. Сичжин чувствовал, что разрыдался бы прямо здесь, если бы не необходимость сохранять лицо командира и продолжать спасательные работы.

Он увидел бойцов, которые перекусывали сухим пайком, сидя прямо на земле. Ободряюще похлопав каждого по плечу, Сичжин тяжелой поступью направился дальше. Вдруг он заметил Моён – девушка шла к палатке, где располагался координационный центр спасательных работ. Закончив оперировать Паю, она вернулась на место катастрофы. Сичжин не стал ее окликать, но ускорил шаги, чтобы догнать девушку.

В координационный центр стекалась вся информация о ходе работ. Моён задержалась у стенда, на котором отмечали количество пострадавших и пропавших без вести. На нем также висели полароидные снимки погибших. Перед стендом кто-то организовал небольшой алтарь памяти со свечами. Моён зажгла еще одну свечу и поставила рядом с другими. Задумчиво рассмотрев снимки, девушка закрыла глаза и опустила голову, беззвучно поминая погибших. Она выглядела печально и строго, как человек, знающий о смерти не понаслышке. Ее печаль словно передалась Сичжину. Не в силах больше сделать ни шага, он остановился в отдалении, наблюдая за девушкой и чувствуя, как щемит в груди.

– Капитан! Вы что-то хотели? – спросил незаметно подошедший солдат.

– Просто совершаю обход. Возвращайся на свой пост. – Голос Сичжина прозвучал хрипло.

– Вы ранены? Ваше плечо...

Сичжин увидел, что форма на плече окрасилась кровью, и вспомнил, как на него свалился острый обломок, когда он пытался защитить управляющего.

– А, это. Поможешь мне?

Сичжин снял верхнюю легкую куртку и повернулся спиной к солдату, чтобы тот смог увидеть рану.

– Вы терпели все это время? Тут надо накладывать швы, – осмотрев плечо, сообщил тот.

– Неудивительно – ударило сильно.

– Я позову врача.

– Не стоит, справлюсь.

– Сядьте сюда, пожалуйста, – раздался голос Моён.

Оглянувшись, Сичжин увидел, что девушка раскрыла чемоданчик с набором неотложной помощи и жестом просит его подойти. Решив, что его участие на этом закончено, рядовой отдал капитану честь и удалился. Сичжин направился к девушке.

– Как это случилось? – спросила Моён, очистив рану и сделав местную анестезию.

– Спасал людей, бросаясь от одного к другому, – ответил Сичжин, вспоминая их прежний разговор.

Пока девушка накладывала швы, капитан думал, что больше всего на свете хочет помочь ей залечить душевные раны. Но он даже не мог отважиться спросить, как Моён себя чувствует. Он прекрасно понимал, что ей сейчас нелегко. И именно из-за него ей пришлось совершить страшный выбор.

Девушка продолжала заниматься раной.

– Со мной все в порядке, – через некоторое время произнесла она, словно прочтя его мысли.

– Вы слышали, как я задавался этим вопросом?

– Конечно. Вы делали это слишком громко, – слегка улыбнулась она и стала накладывать повязку.

– Я рад, что вы остались и были здесь все это время. Я очень вам благодарен.

– А я благодарна вам.

– Я был слишком груб с вами, когда... – неуверенно начал Сичжин.

– Я все понимаю, – остановила его Моён.

– Понимаете? – изумленно спросил Сичжин.

– Вы знаете, сколько лет я уже работаю врачом? Если кто и видит больше смертей, чем солдат, так это врач.

– Хотите обойтись без моих неуклюжих утешений? – попытался пошутить Сичжин. – Но я в самом деле хотел бы, чтобы у вас все было хорошо.

– Тогда вместо утешений, которые вам не даются, делайте то, что хорошо у вас получается.

– А что у меня хорошо получается?

– Шутить. Мне сейчас крайне необходимо услышать что-нибудь, что меня рассмешит.

Моён отвечала легко и почти игриво, но Сичжин не испытывал облегчения – напротив, на душе становилось все тяжелее, словно огромный кусок бетона теперь опустился на его сердце.

– Вы сейчас очень красивая, – как можно беззаботнее произнес он.

– Вы же сидите ко мне спиной.

– Но я видел вас раньше. Вы все время красивая.

– Я не просила вас быть серьезным.

– Так я шучу!

Сичжин почувствовал, что девушка улыбается. Он немного расслабился.

– Мне вас так не хватало... – внезапно признался он.

Руки девушки, все еще занимавшей его плечом, на секунду остановились.

– Что бы я ни делал, я продолжал думать о вас.

Начав признание, Сичжин уже не мог остановиться. Слова лились, словно кровь из открывшейся раны.

– Я изнурял себя тренировками, напивался, перепробовал все... Но я не смог вас забыть.

Он не видел лица девушки, которая стояла у него за спиной, и не мог знать, как она воспринимает его слова. Это его тревожило.

– Вы не ожидали такого признания?

Девушка не ответила.

– Подумайте о том, что я сказал. Сейчас я уже не шучу.

Моён глубоко вздохнула, словно все это время сдерживала дыхание. Сичжин знал, что для ответа ей потребуется время.

– Отдохните. Я хотел бы вас проводить, но мне, похоже, пора.

Сичжин поднялся. Моён смотрела на него широко распахнутыми глазами.

– Меня ждут с докладом в штабе.

– Скажите, из штаба ведь можно позвонить? Мне очень нужно сделать один звонок...

По дороге в штаб они хранили молчание. Моён вглядывалась в темноту за окном, а Сичжин, ведя машину, пытался уловить, что чувствует девушка. Он не мог разгадать, о чем она думает. Но, видя ее печальный взгляд, он ощущал боль в груди.

Из-за событий последних дней в штабе было непривычно многолюдно. Доклады о текущей обстановке приходили со всей территории Урука, и военнослужащие в штабе записывали и анализировали поступающую информацию. Сичжин проводил Моён к кабинету, откуда можно было позвонить, используя спутниковую связь. Некоторое время она сидела без движения, не в силах собраться с духом и набрать номер. Понаблюдав за девушкой несколько минут, Сичжин медленно направился на доклад к подполковнику Паку. За спиной раздался ее голос.

– ...Я была рядом с ним до конца... Бригадир просил передать вам...

Закончив доклад, Сичжин не нашел Моён на прежнем месте. Он стал искать девушку, но безуспешно. Капитан занервничал, уже зная, что Моён постоянно попадает в истории. После того как он еле успел разыскать ее в машине, свисающей с обрыва, он всегда начинал волноваться, если долго не видел Моён. Даже когда он вернулся в Корею, его мысли постоянно возвращались к ней – казалось, не было ни одного мгновения, в которое бы он не думал о девушке. Сичжин молил только об одном: чтобы она была в безопасности. Страх за нее был той причиной, по которой он вернулся в Урук, едва узнав о землетрясении.

Моён ждала его у машины. Прислонившись к джипу, она стояла с отсутствующим видом, мысли ее находились где-то далеко. Увидев девушку, Сичжин успокоился. Моён повернула голову и посмотрела на капитана. Их взгляды встретились. Еще мгновение, и глаза девушки наполнились слезами. Как заблудившийся ребенок, расплакавшийся от

облегчения, когда мама нашлась, Моён разрыдалась, стоило ей увидеть Сичжина.

– Не смотрите на меня сейчас. Где здесь самое темное место, чтобы меня не было видно? – спросила Моён, вытирая слезы.

– Обычно этим интересуются мужчины... Могу я предложить себя в качестве прикрытия? – в тон ей шутливо ответил капитан, протягивая носовой платок.

Взяв платок, Моён не сдержала улыбки.

– Вы хорошо поступили, – сказал он.

Прекратившиеся было слезы хлынули снова.

– Я хотел бы вытереть ваши слезы, но для этого я должен сначала услышать ответ.

Девушка заплакала еще сильнее. Капитан чувствовал себя бессильным чем-либо помочь. Казалось, выходит наружу вся печаль, до сих пор копившаяся в ее душе. Все, что он мог сейчас для нее сделать, – это просто находиться рядом. Прошло некоторое время, прежде чем рыдания стали стихать.

– Посмотрите на меня, – успокаивающим тоном проговорил Сичжин.

Моён вытерла последние слезы и взглянула на капитана. Он рукой показал на ночное небо, и девушка тоже подняла голову. На небосводе мерцали бесчисленные звезды.

– Ох. Какие красивые. Знали бы они, что творится на Земле... – грустно заметила она.

– Ну вот. Я думал, что хотя бы они вас утешат.

– Я уже получила свое утешение. От вас.

Сердце капитана внезапно забилось быстрее.

– Спасибо, что вернулись. Если бы не вы, не уверена, что просто не сбежала бы отсюда... – говорила Моён, и ее глаза все еще блестели от влаги.

– Если планируете бежать, зовите меня. Когда сбегает мужчина и женщина, это всегда интереснее.

Девушка смущенно улыбнулась, из глаз скатились запоздалые слезинки. Сичжину отчаянно хотелось ее обнять. Он поднял голову и стал рассматривать бескрайнее звездное небо.

На следующий день Сичжин снова пострадал, спасая выжившего после землетрясения. Им был рабочий Кан Минчжэ, которого обнаружили в подземном этаже одного из зданий. Нога Кана была зажата плитами. Сообщив по радиации Тэёну, какие инструменты будут необходимы, Сичжин на месте оказал рабочему посильную медицинскую помощь. Однако внезапно что-то произошло, снаружи раздались странные звуки, и в полуразрушенном здании начался новый обвал. Сичжин закрыл своим телом рабочего, приняв на себя все удары летящих сверху обломков. Рана, которую накануне обработала Моён, снова открылась.

Благодаря Тэёну все закончилось благополучно. Но из-за потери крови Сичжин чувствовал слабость и поэтому отправился в полевой госпиталь вместе с Каном.

Моён разыскала Сичжина, когда тот лежал на больничной кровати под капельницей. Было заметно, что она переволновалась: девушка была бледнее капитана, хоть тот и потерял много крови. Как только она увидела Сичжина, на глазах снова выступили слезы. Мужчина широко ей улыбнулся, давая понять, что все в порядке. Моён прикусила нижнюю губу и облегченно вздохнула. Приняв от медсестры инструменты, она сама занялась плечом капитана.

– Очень сильно щиплет! – пожаловался Сичжин.

Моён молча продолжала обрабатывать рану.

– Вы специально делаете, чтобы так щипало? Или у вас только оперировать хорошо получается? Ай, больно! – пытался вовлечь ее в разговор капитан. – Я вернулся живой, а мне даже не отвечают. Вы безжалостная женщина.

– Почему вы пытаетесь все превратить в шутку? Вы ведь действительно чуть не умерли.

– Я не шутил, когда говорил, что щиплет.

– Я очень сильно испугалась. Боялась, что вы погибли.

Ее слова ранили и исцеляли одновременно, как и то лекарство, которое использовала Моён.

– Я отправился в то здание, потому что верил в вас. Вы ведь не дали бы мне умереть, верно?

– Вы всегда так легко рискуете своей жизнью?

– Я просто хорошо делаю свою работу. И часть моей работы состоит в том, чтобы оставаться в живых, – ответил Сичжин, и его взгляд, казалось, ласкает лицо опустившей глаза девушки.

– Командир, прибыл командующий! – оповестил вбежавший впопыхах рядовой Ким.

– Сейчас? Где он? – попытался подняться Сичжин.

– Лежите! Командующий не может ожидать от пациента, чтобы тот стоял перед ним по стойке смирно, – строго сказала Моён.

– Наш подполковник может.

– Вы должны оставаться в кровати до тех пор, пока не закончится раствор в капельнице. Если планируете и дальше рисковать жизнью на любимой работе. Передайте подполковнику, что, если он намерен поговорить с капитаном, пусть приходит сюда. – Последние слова были адресованы рядовому.

– Вы, наверное, хотите, чтобы меня снова заперли на складе, – попытался возразить Сичжин.

– Вы не собираетесь меня слушать?!

В этот момент дверь открылась, и, словно совершающий обход врач, вошел подполковник Пак. Жестом он приказал Сичжину оставаться в кровати, когда тот попытался встать.

– Вольно, вольно. Серьезное ранение? – спросил он, пристально разглядывая капитана.

– Никак нет...

– Да, серьезное, – отважно ответила Моён, не дав договорить Сичжину.

– Подтверждаю, – вынужден был признать капитан, почувствовавший, как по телу заструился холодный пот.

– Поступило сообщение, что скоро прибудет самолет за медицинской командой. Отъезд в аэропорт послезавтра в 13:00. Доктор Кан, как можно быстрее подготовьте для меня список пассажиров.

– Хорошо, – сказала Моён, из голоса которой исчез боевой пыл.

В смешанных чувствах Сичжин мерил шагами пространство недалеко от казарм. Отъезд медицинской команды, о котором сообщил подполковник, ставил заключительную точку в отношениях с Моён. Сичжин распахнул перед ней свою душу, но девушка так и не ответила, словно его слова были для нее пустым звуком. Послышался шорох гравия. Сичжин обернулся и увидел Моён.

– Вы все-таки сбежали из-под капельницы. Я не преувеличивала, когда говорила, что вам нужен покой, – сказала девушка, приближаясь и глядя ему в глаза.

– Тогда вы не должны были приходиться. Потому что именно вы лишаете меня покоя.

– Вас за что-то наказали? – попыталась сменить тему Моён и кивнула в сторону солдат, совершавших пробежку в полном снаряжении.

– Нет, я не сделал ничего плохого. – Голос Сичжина звучал сдержанно.

Капитан как обычно выглядел сильным и собранным, однако про себя он понимал, что никогда еще не находился в таком подавленном состоянии духа.

– Вы ушли из госпиталя, потому что опять получили какой-то приказ, я права? – с вызовом спросила девушка. – У вас, военных, самая жесткая организация, какую я только знаю.

– На нашем примере люди понимают, что в мире существуют правила.

– Я бы предпочла не правила, а чтобы вы оставались в живых... Пейте это через полчаса после каждого приема пищи. – Моён протянула ему пакет с лекарствами.

– Спасибо, что спасаете меня, – сказал Сичжин, забирая лекарства.

Моён опустила голову и с некоторым усилием произнесла:

– Я передам список отъезжающих чуть позже.

– Вы его уже составили?

Сердце Сичжина замерло.

– Мы как раз сейчас будем его обсуждать, – ответила Моён и повернулась, чтобы идти к госпиталю.

– Вы тоже будете в этом списке?

Девушка остановилась, но не обернулась.

– Будете? – снова спросил Сичжин.

– На этот раз это я могу оставить вас одного, – только и сказала она.

От скрипа гравия под ногами засадило в груди.

notes

Примечания

1

Вымышленная страна на Балканском полуострове.

2

Организация запрещена в РФ. – *Примеч. ред.*

3

«Стратегия голубого океана» – теория в маркетинге, разработанная южнокорейским экономистом Ким Вичханом (Чан В. Ким) и его французской коллегой Рене Моборн. Голубыми океанами авторы называют новые, ранее неизвестные участки рынка, где пока нет конкуренции и потому возможен быстрый рост и высокая прибыль (*прим. редактора*).

4

Клятва врача, принимаемая в Республике Корея. Составлена на основе положений «Клятвы Гиппократата».

Table of Contents

Сон Хёнгён Потомки солнца. Признание Сичжина

Пролог

Глава 1 Сын солнца

1

2

3

4

5

6

7

Глава 2 Дочь солнца

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Глава 3 Новая встреча

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Глава 4 Визитная карта

1

2

3
4
5
6
7
8
9
10

Глава 5 Сладко-горький поцелуй

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Глава 6 Землетрясение

1
2
3
4
5
6
7
8

Глава 7 Судьбы выживших

1
2
3
4
5
6
7
8
9

10

Глава 8 Признание

1

2

3

Примечания

1

2

3

4

